

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Лукьянова Ирина Владимировна

ДИАЛЕКТНАЯ ФИТОНИМИКА
В КОГНИТИВНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Демешкина Татьяна Алексеевна

Томск – 2018

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретические и методологические основы когнитивно-ономасиологического исследования диалектной фитонимики	15
1.1. Аспекты исследования фитонимики в отечественной науке	15
1.1.1. Лексико-семантическая группа названий растений как объект исследования	15
1.1.2. Исследования фитонимики в рамках структурно-системного подхода.....	19
1.1.3. Источниковедческие возможности толковых диалектных словарей фитонимов	22
1.1.4. Антропоцентрически ориентированные исследования фитонимики	26
1.2. Когнитивное направление в диалектологических исследованиях	37
1.3. Процесс номинации в когнитивном освещении	48
Выводы по Главе 1	58
Глава 2. Принципы ментальной обработки информации о внешнем мире, объективированные в диалектной фитонимике	60
2.1. Чувственное восприятие и рациональный опыт как механизмы познания	60
2.1.1. Принципы номинации, объективирующие чувственное восприятие	66
2.1.1.1. Объективация зрительного канала перцепции	68
2.1.1.2. Объективация осязательного канала перцепции.....	78
2.1.1.3. Объективация обонятельного канала перцепции.....	82
2.1.1.4. Объективация вкусового канала перцепции.....	85
2.1.1.5. Объективация слухового канала перцепции.....	87
2.1.2. Принципы номинации, объективирующие рациональный опыт как механизм познания.....	90
2.1.2.1. Субъективные принципы номинации.....	91

2.1.2.2. Объективные принципы номинации	97
2.1.1. Объективация мифологического сознания в семантике фитонимов	106
2.1. Репрезентация процесса категоризации в диалектной фитонимике	111
2.2.1. Категории «польза» и «вред» в диалектной фитонимике	112
2.2.2. Категория размера.....	121
Выводы по Главе 2	125
Глава 3. Репрезентации когнитивных моделей в диалектной фитонимике	127
3.1. Понятие «когнитивная модель» в современной лингвистике	127
3.2. Трехуровневая система когнитивных моделей, репрезентированных в диалектной фитонимике	145
3.2.1. Этапы когнитивной деятельности человека как основа когнитивного моделирования действительности	145
3.2.2. Идентифицирующие когнитивные модели первого уровня	151
3.2.3. Категоризирующие когнитивные модели второго уровня.....	160
3.2.3.2. Метонимические когнитивные модели	182
3.2.4. Синтезирующие когнитивные модели третьего уровня	195
Выводы по Главе 3	207
Заключение	213
Список использованных источников и литературы	217

Введение

Диссертационное исследование посвящено анализу диалектной фитонимики в когнитивно-ономасиологическом аспекте. Рассматривается репрезентация ментальных процессов познания окружающей действительности языковым коллективом диалектоносителей в старожильческих говорах Среднего Приобья. Выделяются механизмы познавательной деятельности, объективированные в наименованиях растений: чувственное восприятие и рациональный опыт, а также описываются типы когнитивных моделей, обеспечивающих обработку и хранение полученного знания.

Актуальность работы обусловлена когнитивной аспектуализацией исследования. Активное развитие семантических исследований в отечественном языкознании сформировало теоретико-методологическую базу когнитивной семантики в России. Значительный вклад в этот процесс внесли работы ономасиологов, которые с самых ранних этапов существования ономасиологии как науки рассматривали единицы языка в тесном единстве и соотнесенности с внеязыковой действительностью, обозначаемой языковым знаком. Работы Э. С. Азнауровой, В. Г. Гака, Н. Д. Голева, Л. А. Капанадзе, Г. В. Колшанского, Н. Г. Комлева, Е. С. Кубряковой, Б. А. Серебренникова, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия, И. С. Торопцева, А. А. Уфимцевой и других составили мощный базис ономасиологической теории.

Методы и приемы ономасиологического исследования, разработанные в рамках системно-структурного подхода, не утратили своей актуальности и в антропоцентрической парадигме, поскольку они являются своеобразным ключом, открывающим путь через анализ семантики языковых единиц к пониманию и описанию процессов, происходящих в ментальной сфере человека, что является основной задачей когнитивной науки.

В данной работе рассматривается актуальный вопрос репрезентации в диалекте основных ментальных процессов, обеспечивающих восприятие и

осмысление реалий растительного мира. При этом особое внимание уделяется способам фиксации и хранения полученной информации.

Разработка теории когнитивных моделей ведется сравнительно недавно, в течение последних 35–45 лет, и, как всякое новое направление, отличается «болезнями роста», а именно разнообразием исследовательских подходов и интерпретаций базового термина «когнитивная модель». В западной лингвистике основоположниками различных подходов к описанию когнитивного моделирования являются М. Джонсон (теория кинестетических образов-схем) [Johnson, 1987], М. Минский и Ч. Филлмор (теория фреймовых структур) [Minsky, 1968]; [Fillmore, 1985], Дж. Лакофф (когнитивные модели категоризации) [Лакофф, 1988, 1989, 1990, 1996, 2004, 2011], Р. Лангакер (модели восприятия пространства) [Langaker, 1991] и др. В отечественной лингвистике разрабатываются в основном идеи фреймовой организации структур сознания на базе теорий М. Минского и Ч. Филлмора и концепция категоризации действительности с использованием различных типов когнитивных моделей Дж. Лакоффа (в том числе теория когнитивной метафоры Лакоффа-Джонсона). Особое внимание российские лингвисты уделяют исследованию когнитивной, или концептуальной, метафоры (работы А. Н. Баранова [Баранов, 2008, 2010, 2014], Л. В. Калашниковой [Калашникова, 2006], Н. А. Мишанкиной [Мишанкина, 2002, 2010, 2012], З. И. Резановой [Резанова, 2000, 2002, 2004, 2007, 2010, 2014], А. П. Чудинова [Чудинов, 2001, 2005] и др.).

Наиболее разработанными на сегодняшний день являются вопросы метафорического когнитивного моделирования, при этом когнитивная модель понимается в основном как результат категоризации действительности с использованием метафоры. В данном исследовании когнитивные модели рассматриваются как схемы обработки и фиксации знания, используемые в процессе концептуализации и категоризации действительности. В работе наряду с метафорической моделью рассмотрены метонимические и пропозициональные когнитивные модели, выделенные Дж. Лакоффом, причем пропозициональные

когнитивные модели практически не описаны на материале русского языка в отечественной когнитивной лингвистике.

Исследование выполнено на материале фитонимической лексики. Наименования растений как лексико-семантическая группа являются востребованным материалом для лингвистических исследований различной аспектуализации. Интерес исследователей к этому материалу обосновывается тем, что фитонимика является сложившейся лексической подсистемой с разнообразными парадигматическими отношениями и репрезентирует целую область мировосприятия человека, связанную с растениями. В последние годы фокус внимания лингвистов сместился с системно-семантического описания фитонимики на исследования в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах (работы О. И. Блиновой [Блинова, 2002, 2008, 2011, 2014], Т. Н. Бурмистровой [Бурмистрова, 2008], Э. В. Гафиятовой [Гафиятова, 2010], А. Г. Дементьевой [Дементьева, 2012], Н. И. Коноваловой [Коновалова, 2001], Н. И. Панасенко [Панасенко, 2000], А. С. Разиной [Разина, 2011], О. Г. Рубцовой [Рубцова, 2014] и других). Современной тенденцией становится также изучение переносных значений фитонимов (работы И. Я. Пак [Пак, 2006], Т. Н. Панковой [Панкова, 2009], Р. Д. Сетарова [Сетаров, 2000] и других). Когнитивное исследование названий растений, функционирующих в диалектах, является актуальным, так как диалект как форма речи, живой и не ограниченной нормой, является репрезентацией обыденного, или наивного сознания и предоставляет для исследователей ценный материал для изучения процессов получения, обработки и хранения обыденного знания об окружающем мире человеческим интеллектом.

Когнитивное направление исследований в диалектологии – один из важнейших векторов ее современного развития [Демешкина, 2014]. На диалектном материале проводятся исследования языковой картины мира носителей диалекта и культурные концепты (Л. Г. Гынгазова [Гынгазова, 2003а, 2003б, 2012, 2013], Т. А. Демешкина [Демешкина, 2006], Е. В. Иванцова [Гынгазова, Иванцова, 2012, 2013], Г. В. Калиткина [Калиткина, 2014], Т. Б. Банкова [Банкова, 1988, 2002, 2014], Е. А. Юрина [Юрина, 2005], Н. В. Бурко

[Бурко, 2009], О. А. Булгакова [Булгакова, 2010], М. С. Атабаева [Атабаева, 2011], И. Б. Качинская [Качинская, 2011], Т. А. Литвинова [Литвинова, 2011], Н. А. Агапова [Агапова, 2012], Е. В. Брысина [Брысина, 2012], М. Г. Вершинина [Вершинина, 2013], Н. А. Волкова и С. И. Драчева [Драчева, Волкова, 2014], Т. И. Морозова [Морозова, 2014], и др.), языкового сознания и процессов лингвокогнитивного моделирования (О. В. Артемьева [Артемьева, 2000], М. А. Осадчий [Осадчий, 2007], А. В. Проскурина [Проскурина, 2013], И. П. Фаломкина [Фаломкина, 2012] и др.), репрезентаций ментальных структур и семантических оппозиций (О. Ю. Крючкова [Крючкова, 2010], Е. И. Сьянова [Сьянова, 2007] и др.). В рамках Томской диалектологической школы активно исследуется миромоделирующая функция метафоры, в том числе с привлечением диалектного материала (Л. И. Ермоленкина, З. И. Резанова, Л. Б. Коберник, Л. В. Надеина, Д. А. Галимова [Резанова и др., 2014] и др.). Внимание лингвистов к диалектному дискурсу в рамках антропоцентрически ориентированной парадигмы исследований обусловлено как значительным объемом собранного диалектного материала, так и перспективностью изучения репрезентации когнитивных процессов диалектоносителей, а также объективации в диалекте традиционной крестьянской культуры. Диалектный материал имеет значительный потенциал для когнитивно-ономасиологического исследования, так как представляет репрезентации ментальных процессов обыденного человеческого сознания и наивной картины мира.

Таким образом, актуальность работы определяется включенностью в современную парадигму исследований; расширением теоретико-методологической базы когнитивно-ономасиологического направления в языкознании за счет введения нового материала; а также использованием диалекта как одной из форм национального языка.

Степень разработанности темы исследования.

Диалектная фитонимика говоров Среднего Приобья описывалась в системно-семантическом аспекте В. Г. Арьяновой [Арьянова, 1981, 1984, 1987, 1989], частично материал привлекался исследователями для целей

ономасиологического [Копчева, 1985], мотивологического [Филатова (Савенко), 2004], лингвокультурологического [Блинова, Разина, 2011] и метафорологического [Резанова, 2004, 2014] анализа. Данный материал ранее не изучался с когнитивно-ономасиологических позиций.

Когнитивно-ономасиологические исследования фитонимической лексики выполнялись на материале названий лекарственных растений в славянских, романских и германских языках [Панасенко, 2000] и на материале уральских народных названий дикорастущих травянистых растений [Коновалова, 2001]. В рамках исследования Н. И. Панасенко выполнен структурно-семантический и ономасиологический анализ материала, а также описаны процессы категоризации и результаты перцепции, объективированные в названиях растений.

Исследование народных названий растений Урала как фрагмента картины мира было предпринято Н. И. Коноваловой, где с позиций ономасиологического и когнитивного подходов проанализированы ономасиологические модели фиксации информации о растениях и сделан вывод о «взаимодействии когнитивных и языковых системообразующих механизмов в процессе означивания» [Коновалова, 2001, с. 127].

Многие вопросы авторами исследований только обозначены и требуют дальнейшей разработки, например, исследование процессов категоризации, репрезентации когнитивных механизмов получения знания. В указанных работах не получили освещения способы обработки и хранения полученного знания в виде когнитивных моделей, объективированных в процессе номинации названиями растений, что является перспективой для дальнейших исследований.

Цель исследования: когнитивно-ономасиологический анализ диалектной фитонимики, репрезентирующей ментальные процессы получения и обработки знания о растительном мире.

Задачи исследования:

1. Разработать методику когнитивно-ономасиологического анализа, включающего выявление признаков, принципов и способов номинации,

объективируемых ими механизмов познавательной деятельности человека и выделение когнитивных моделей.

2. Выявить принципы номинации диалектных фитонимов, объективирующие механизмы познания.

3. Проанализировать результаты объективной и субъективной категоризации растительного мира, осуществляемой наивным сознанием диалектоносителей.

4. Выявить типовые когнитивные модели, с помощью которых осуществляется обработка и хранение информации о растениях, полученной диалектным коллективом.

5. Описать процесс когнитивного моделирования результатов познания на различных этапах познавательной деятельности, репрезентированных в диалектной фитонимике.

Объектом изучения является фитонимическая лексика, включающая названия дикорастущих травянистых растений и зафиксированная в русских старожильческих говорах Среднего Приобья.

Предмет исследования – репрезентация в диалектной фитонимике когнитивных механизмов получения, обработки и хранения информации о мире растений, зафиксированной в процессе номинации.

Материал анализа. Работа выполнена на материале названий травянистых дикорастущих растений, функционирующих в говорах Среднего Приобья. Источником материала послужил «Словарь фитонимов Среднего Приобья» в 3 т. [Арьянова, 2006–2008]. Основанием для включения фитонима в выборку являлась словарная дефиниция, описывающая растение как дикорастущее и травянистое. Всего проанализировано 1926 словарных единиц. Для выявления номинационной истории слова в качестве дополнительных использовались этимологические источники [Меркулова, 1968], [Фасмер, 2004], справочные ботанические издания [Олонова, 2009], специализированные он-лайн ресурсы, предоставляющие фотографии и описания растений, а также справочники по лекарственному применению растений [Железнов-Чукотский, 2005; Лавренов, 2007; Попов, 1993].

Организация заглавной зоны используемого в качестве источника исследования «Словаря фитонимов Среднего Приобья» по ботаническому названию растений с приведением латинского эквивалента значительно упростила работу со специализированными справочниками, что, в свою очередь, повысило достоверность исследования.

В ходе анализа из материала были исключены фитонимы, признанные заимствованиями из ботанической научной номенклатуры и, соответственно, объективирующие научный тип мышления, не сопоставимый с обыденным сознанием, а также лексические единицы, внутренняя форма которых осталась невыясненной. Таким образом, исследование выполнено на материале 1576 фитонимов, функционирующих в говорах Среднего Приобья.

Методы исследования. В качестве основного метода исследования в работе применен метод научного описания, в рамках которого использованы следующие приемы: сплошной выборки, обобщения, классификации, систематизации и интерпретации материала; наблюдения; контекстуального анализа и анализа дефиниции; количественных подсчетов.

В качестве дополнительных методов и приемов исследования привлекались лингвистические методы ономаσιологического анализа, метод когнитивного моделирования, прием компонентного анализа семантики (с целью выявления оценочных и культурно маркированных коннотаций в структуре значения слова), прием культурологического описания метафорических номинаций.

Степень достоверности результатов работы. Диссертационное исследование выполнено с опорой на многолетний продуктивный опыт изучения живой народной речи в русской диалектологии, на теоретико-методологические достижения отечественного языкознания, представленного ономаσιологическим направлением, и исследованиями фитонимической лексики, переосмысленные в рамках когнитивного подхода к языку, что определяет степень достоверности результатов исследования.

Научная новизна исследования.

1. Впервые описан процесс номинации диалектных фитонимов говоров Среднего Приобья в когнитивном аспекте.

2. Определены основные ментальные механизмы познания, объективированные диалектной фитонимикой, такие как чувственное восприятие и рациональный опыт.

3. Выявлены и описаны внеязыковые категории пользы и вреда, репрезентированные в диалектных названиях растений и являющиеся результатом оценочной категоризации действительности.

4. Проанализированы пропозициональная, метафорическая и метонимическая когнитивные модели, обеспечивающие обработку, хранение и передачу информации о растениях диалектоносителями.

5. Впервые описан процесс когнитивного моделирования фрагмента действительности человеческим сознанием, представленный как трехуровневый конструкт, и его репрезентация в диалектной фитонимике.

Апробация диссертационной работы проходила в рамках аспирантского семинара на кафедре русского языка 9 марта 2017 г.; на международных научно-практических конференциях, проводимых в российских государственных университетах: XXXIV международная научная студенческая конференции "Студент и научно-технический прогресс" (Новосибирск, 3–4 апреля 1996 г.); Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 120-летию Томского университета (Томск, 27–29 марта 1998 г.); IX международная научная конференции «Русская речевая культура и текст» (Томск, 15–16 апреля 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Филология в XXI веке: слово, текст, коммуникация» (Томск, 12–14 октября 2017 г.), а также на Всероссийском научном семинаре с международным участием «Словесная культура Сибири» (Томск, 14–16 июня 2016 г.).

Публикации. Основное содержание работы отражено в 9 публикациях, в том числе в 3 статьях в научных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, которые рекомендованы Высшей

аттестационной комиссией для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, и индексируемых Web of Science; в 6 статьях в сборниках материалов международных и всероссийских научных и научно-практических конференций.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку теории когнитивной лингвистики как способа изучения и описания когниции с использованием методов лингвистики и данных языка, и в частности вопросов, освещающих ментальные механизмы, задействованные при получении, обработке и хранении знания об окружающей действительности. Разработана трехуровневая система описания когнитивного моделирования результатов познавательной деятельности, функционирующая с использованием идентифицирующих, категоризирующих и синтезирующих когнитивных моделей, объективирующих различные этапы познания. Результаты работы вносят вклад в создание теоретико-методологической базы изучения вопросов категоризации (в том числе оценочной) и концептуализации действительности носителями диалекта.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов работы в учебно-методической деятельности: при разработке учебных пособий и материалов курсов по русской диалектологии, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, этнолингвистике и лексикологии современного русского литературного языка, лексикографии, а также в преподавании русского языка как иностранного.

Положения, выносимые на защиту

1. Методика когнитивно-ономасиологического исследования предполагает выявление признаков, принципов и способов номинации, объективируемых ими механизмов познания мира человеком, а также способов обработки и хранения полученной информации с использованием когнитивных моделей.

2. Принципы номинации репрезентируют тип членения растительного мира, основанный на результатах действия механизмов познания: чувственного восприятия, рационального опыта и мифологического сознания.

3. Процесс категоризации, репрезентированный номинациями растений, имеет объективный и субъективный характер. Объективная категоризация основана на непосредственных свойствах растений и реализуется с использованием категорий цвета, времени, пространства (места), размера, формы. Субъективная категоризация связана с практически ориентированной познавательной деятельностью человека, его оценкой свойств растений и воплощается посредством категорий пользы и вреда.

4. Обработка и хранение полученного знания о мире растений осуществляется диалектоносителями с использованием трех уровней когнитивного моделирования, базирующихся на операциях анализа и синтеза. Первый уровень когнитивного моделирования обслуживается идентифицирующими когнитивными моделями; второй уровень – категоризирующими, третий – синтезирующими.

5. Идентифицирующие когнитивные модели используются для кодирования результатов перцепции, они представлены метонимической и пропозициональной моделями. Категоризирующие модели используются для фиксации результатов познания с привлечением других областей знания и реализуются как метафорические и метонимические модели. Синтезирующие модели используются при формировании комплексного представления о реалии в ментальной сфере с привлечением когнитивных моделей нижележащих уровней.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

В первой главе работы представлены теоретико-методологические основы исследования. Анализируется когнитивное направление диалектологических исследований, являющееся актуальным на современном этапе, и опыт отечественных ономазиологов, позволяющий сформировать методику когнитивно-ономазиологического исследования. Проанализированы

лингвистические исследования различной аспектуализации, использующие в качестве материала фитонимическую лексику.

Во второй главе рассматриваются ментальные процессы познавательной деятельности человека, объективированные в диалектной фитонимике. На основе когнитивной интерпретации результатов ономаσιологического анализа наименований растений описываются два основных механизма познания: чувственное восприятие и рационально осмысленный опыт. Рассматривается значимость различных каналов перцепции, объективированных принципами номинации растений, в получении информации об объектах растительного мира. Также анализируются субъективные и объективные принципы номинации, репрезентирующие рациональный опыт как механизм познания. Рассматриваются процессы объективной и субъективной (оценочной) категоризации действительности диалектоносителями на примере внеязыковых категорий размера, пользы и вреда.

Третья глава работы посвящена когнитивному моделированию. Описываются типы когнитивных моделей: пропозициональная, метонимическая и метафорическая, которые в процессе познания используются для идентификации объекта, его категоризации и синтезирования имеющейся информации. Репрезентированные в диалектной фитонимике когнитивные модели формируют трехуровневую систему, согласованную с этапами познавательной деятельности человека.

Глава 1. Теоретические и методологические основы когнитивно-ономасиологического исследования диалектной фитонимики

1.1. Аспекты исследования фитонимики в отечественной науке

1.1.1. Лексико-семантическая группа названий растений как объект исследования

Фитонимическая лексика является одним из распространенных объектов лингвистического исследования, так как, с одной стороны, репрезентирует специфику восприятия человеком мира природы, народное мировидение и культурные традиции, а с другой стороны, представляет собой достаточно древнюю систему и «четко выделяемую группу объектов, характеризующуюся устойчивым количественным составом, что обеспечивает полноту охвата материала» [Дементьева, 2012, с. 11], а также развитыми парадигматическими отношениями внутри лексико-семантической группы: синонимией, полисемией, омонимией.

В то же время фитонимика не самая простая тематическая группа лексики для изучения, так как, например, в ходе ономасиологического или мотивологического исследования можно столкнуться с трудностями при определении растения-денотата, при выделении его значимых характеристик, которые могли быть отправной точкой наименования, с утратой мотивировочных признаков и так далее. Лингвисту, работающему с наименованиями растений, необходимо привлекать значительное количество специализированных источников, как то ботаническая литература, справочники-определители растений, справочники по народной медицине, этнографические источники.

Несмотря на большой объем исследований, выполненных на материале названий растений, в лингвистике не существует единого терминологического обозначения данной тематической группы лексики. Е. К. Алешина в обзорной статье, посвященной систематике используемых для обозначения наименований растений и их частей терминов, приводит следующие понятия, наиболее распространенные в лингвистических исследованиях: «фитонимы», «флоронимы»

- для обозначения названий растений и «ботаникосемизм», «фитосоматизм» для обозначения частей (прим.: в Томской диалектологической школе также используется термин «фитоморфоним»), для обозначения единиц научной номенклатуры используется понятие «фитотермин». Автор статьи также предлагает использовать для общего обозначения всех перечисленных понятий термин «фитолексика» [Алешина Е. К., 2009, с. 34–35].

В данной работе используются термины «фитоним» как лексическая единица, обозначающая растение, и «фитонимика» как совокупность наименований растений, функционирующих в системе языка, например, в диалекте.

Следует заметить, что именно диалектная фитонимика, на наш взгляд, является наиболее интересным материалом для исследования, более того, кажется очевидным, что многие фитонимы литературного языка и термины ботанической номенклатуры имеют «народное» происхождение. К сожалению, специальных исследований на эту тему не удалось найти, тем не менее, синхронно-диахронное исследование процессов взаимообогащения народной, научной ботанической номенклатуры и литературного языка кажется перспективным для будущих лингвистических изысканий.

В крестьянском укладе жизни человек органично вписан в мир окружающей природы. Сезонный календарь, погодные явления, ландшафты, животные и растения являются частью ежедневного бытия, а значит, объектами внимательного изучения и осмысления в рамках наивной картины мира. Большое разнообразие растений, многовариантность их использования в повседневном быту сельских жителей, включенность в народные сакральные практики и фольклорные мотивы определяет богатство лексико-семантической группы фитонимов в общем составе лексики говоров.

Исследователь народных наименований растений уральских говоров Н.И. Коновалова отмечает: «Народная фитонимия заслуживает самого пристального внимания, ибо это одна из древнейших лексических микросистем, в которой

закреплен опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы [Коновалова, 2001, с. 5].

В процессе длительного функционирования фитонимической лексики сформировались многочисленные синонимические (дублетные) и полисемические ряды, произошло, как уже отмечалось, обогащение диалектов названиями растений из литературного языка и ботанической номенклатуры.

Являясь живым воплощением народной материальной и духовной культуры, фактами народной речевой культуры, названия растений достаточно давно привлекли внимание исследователей этнографов и лингвистов-диалектологов.

Так, томскими диалектологами целенаправленное выявление и сбор диалектных фитонимов осуществляется с 50-х годов 20 в. [Арьянова, 2006, Т.1., с. 4] Записанные во время диалектологических экспедиций названия растений вошли в диалектные словари, подготовленные и изданные исследователями с 1964 по 2003 гг.

Лексикографы отмечают, что фитонимическая лексика является одной из самых сложных тематических групп для сбора [Блинова, 2008, с. 16]. Сложность представляет собой идентификация растения в целях поиска соответствия в научной ботанической номенклатуре и точного соотнесения с обозначаемым в словарной статье. Непростыми являются и сами условия сбора материала в короткий сезон цветения растений, когда проще их опознавать и информантам, и исследователям.

Достаточно трудную задачу представляет выявление парадигматических отношений между лексическими единицами: дублетов, дублетных вариантов и полисемии. По результатам многолетних исследований О. И. Блинова, например, отмечает, что «диалектная флора – одна из сложных тематических групп для изучения», так как ей свойственна развитая многозначность, когда одно и то же наименование обозначает разные растения (ромашка – ромашка дисковидная, ромашка аптечная, ромашка лекарственная, ромашка непахучая) и дублетность [Блинова, 2008, с. 4].

В обзоре научных исследований на материале фитонимов, выполненных до 80-х гг. XX в., В. Г. Арьянова указывает на сложности, которые возникают у исследователей со сбором материала, вызванные проблемой с количественным и качественным описанием названий растений в словарях. В. Г. Арьянова отмечает: «до определенного времени не ставилась задача последовательного и глубокого ее <фитонимической диалектной лексики > выявления. ... Не была предложена методика собирания народных названий растений» [Арьянова, 1989, с. 9–10].

Тем не менее, начиная с 70–80-х гг. XX в., фитонимическая лексика, особенно диалектная, все чаще становится объектом лингвистических исследований. Отчасти это связано с накопленным диалектным словарным материалом и развитием диалектной лексикографии.

Доминировавший в XX веке в отечественном языкознании системно-структурный подход определил направление исследований фитонимов русской ботанической научной номенклатуры, русского литературного языка и различных диалектов в следующих аспектах: структурно-семантическом, этимологическом, ономазиологическом, мотивологическом и лексикографическом.

Со сменой научной парадигмы в конце XX в. и появлением антропоцентрически ориентированных исследований, фитонимы по-прежнему остались репрезентативным материалом для лингвистов. Основными аспектами исследований теперь являются лингвокультурологический, когнитивный и этнолингвистический.

Вместе с тем сохраняют свою актуальность исследования, описывающие фитонимику отдельного диалекта либо какого-либо языка в структурно-семантическом аспекте (Л. Х. Галаева, 2010 (ингушский язык); Н. А. Григоренко, 2007 (камчатские говоры); Н. А. Казиева, 2009 (табасаранский язык); Ю. Ю. Саввина, 2010 (елецкие говоры); О. В. Сахарова (селькупский язык, 2010), Б. А. Хазбулатов, 2004 (чеченский язык) и др.).

Исследования фитонимики отдельных языков или диалектов позволяют также выделить лингвогеографический аспект исследования фитонимики.

Аспектуализация исследования названий растений в отечественной лингвистике в XX и нач. XXI вв. представлена на рисунке 1.

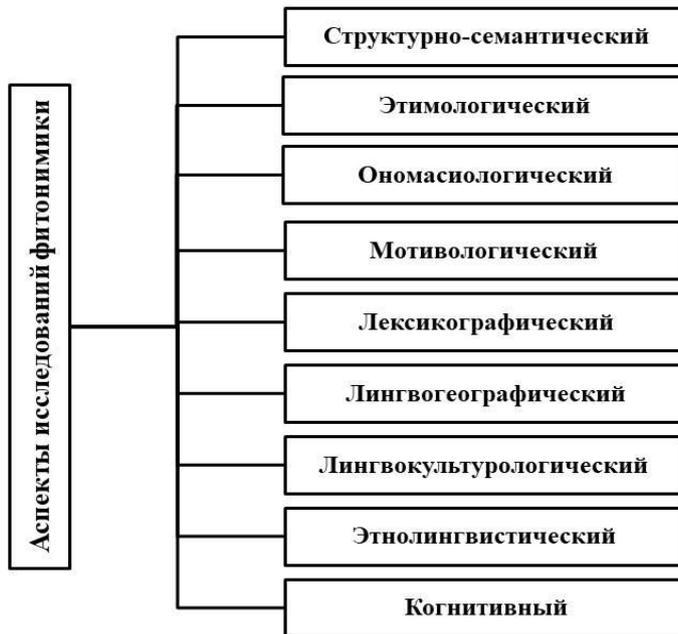

Рисунок 1 – Аспектуализация исследований фитонимики в отечественном языкознании

1.1.2. Исследования фитонимики в рамках структурно-системного подхода

В структурно-семантических исследованиях фитонимов предлагаются различные взгляды на проблемы варьирования, синонимии, полисемии и омонимии в рамках лексико-семантической группы названий растений литературного языка или диалекта (говора).

В 80-е гг. XX в. выполнены диссертационные исследования на материале народной фитонимики, функционирующей в среднеобских говорах. Работа В. В. Копчевой [Копчева, 1985] посвящена процессам естественной и искусственной номинации: анализируются принципы и способы номинации народных и номенклатурных (научная и селекционная номенклатура) фитонимов. В. Г. Арьянова ставит перед собой цель полного структурно-семантического описания фитонимики говоров Среднего Приобья [Арьянова, 1989], используя собранный в

течение нескольких десятилетий томскими диалектологами материал. Значительный пласт этого материала В. Г. Арьянова собрала сама в многочисленных экспедициях по Томской и Кемеровской областям. Кроме того, выполнила совместно с ботаниками Томского университета огромный труд по соотнесению народной и научной ботанической номенклатуры. Результатом этой многолетней подвижнической работы стали 3-томный словарь фитонимов говоров Среднего Приобья и Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья, которые предоставляют исследователям четко структурированный и богатый словарный материал.

До работы В. Г. Арьяновой не существовало полного описания фитонимики одного диалекта или литературного языка как системы. Исследования растительной лексики в рамках системно-структурного подхода (Н. П. Гринкова, 1958; И. П. Гришина, 1959; В. И. Еремина, 1962; А. А. Гиндин, 1963; Т. А. Боброва, 1974 и др.) имели либо одноаспектный характер, либо описывали одну группу фитонимов (например, названия грибов (Нефедова, 1977), или ягод (Гринкова, 1958)).

В работе В. Г. Арьяновой впервые описаны предметные группы и подгруппы фитонимики среднеобских говоров; их состав с точки зрения композитности (однословные и составные); рассмотрены лексические отношения (синонимия, родо-видовые отношения, мотивационные отношения). Не менее ценной частью являются приложения к диссертации, в частности, в них описаны вариативные отношения в среднеобской фитонимике и дана таблица ареала вариантоидов, а также приведена методика сбора диалектных названий растений, разработанная томскими диалектологами.

В системно-функциональном аспекте выполнен анализ уральской диалектной фитонимии, представленный в диссертационном исследовании Н. И. Коноваловой. Привлекая в качестве материала названия дикорастущих травянистых растений, Н. И. Коновалова описывает принципы системной организации данной тематической группы на разных уровнях: парадигматическом, синтагматическом и эпидигматическом, выделяет

характерные для нее принципы номинации, анализирует экспрессивность фитонимов и предлагает принципы лексикографического описания этого пласта лексики [Коновалова, 1993].

Этимологический аспект исследования названий растений представлен в работах Н. П. Гринковой [Гринкова, 1958], В. А. Меркуловой [Меркулова, 1965], А. А. Гиндина [Гиндин, 1963], Т. А. Бобровой [Боброва, 1974] и др.

В ономаσιологическом аспекте фитонимика исследовалась В. И. Ереминой [Еремина, 1962], Ю. Э. Сюръялайнен [Сюръялайнен, 1982], Н. Д. Голевым [Голев, 1983], В. В. Копчевой [Копчева, 1985], Н. И. Коноваловой [Коновалова, 1993, 2001], Н. И. Панасенко [Панасенко, 2000], И. В. Блиновой (Лукьяновой) [Блинова, 1996, 1998; Лукьянова, 2015], О. В. Смирновой [Смирнова, 2002], С. С. Шумбазовой [Шумбазова, 2011], А. Г. Садыковой и Р. Р. Мингазовой [Садыкова, Мингазова, 2014] и др.

На стыке ономаσιологии и мотивологии выполнены исследования Т. А. Гридиной, Н. И. Коноваловой, анализирующих модели фитонимической номинации в мотивационном аспекте [Гридина, Коновалова, 2001]; А. В. Берестневой, описавшей названия экзотических растений в английском и русском языке в номинационно-мотивологическом аспекте [Берестнева, 2008].

Мотивологические исследования с привлечением фитонимического материала были выполнены О. И. Блиновой [Блинова, 2008, 2008, 2011], А. С. Филатовой (Савенко) [2004, 2014], Ян Жуй [Ян Жуй, 2008], Е. Л. Кузнецовой [Кузнецова, 2011] и др.

Как уже было отмечено, важным фактором для выполнения исследования на материале наименований растений является полное и достоверное лексикографирование словарного материала, особенно диалектного. Лексикографический аспект имеет особую важность, так как расширяет историколингвистические возможности для выполнения исследований на материале фитонимической лексики.

1.1.3. Источниковедческие возможности толковых диалектных словарей фитонимов

Первый полный системный словарь народных названий растений вышел в 2000 г. в г. Екатеринбурге и охватывал уральские говоры. Автор словаря Н. И. Коновалова представила в своей работе более 1000 наименований дикорастущих трав, собранных в 35 районах и областях Урала. По мнению составителя словаря, названия дикорастущих трав наиболее интересны для исследователей, как, во-первых, «дающие наиболее полную информацию о процессах естественной номинации растений», а во-вторых, составляющие «самый значительный пласт фитонимической лексики (около 80% всех названий растений)» [Коновалова, 2000, с. 4].

В 2006 году увидел свет первый том «Словаря фитонимов Среднего Приобья» В. Г. Арьяновой, в 2007–2008 гг. вышли второй и третий тома этого словаря, масштабы работы над которым трудно переоценить. В полном синхронном толковом словаре представлены 760 словарных статей, содержащие 3780 лексических единиц фитонимов. В состав словарного материала вошли диалектные фитонимы, диалектные варианты общерусских названий растений, общерусские названия, функционирующие в среднеобских говорах и обозначающие дикорастущие, включая деревья, кустарники, травы, грибы, ягоды и культурные растения, в том числе комнатные и названия сортов.

Словари, в целом, имеют одинаковую макроструктуру: алфавитный порядок расположения словарных единиц, схожая система помет и наличие контекста, представляющего записи живой речи диалектоносителей. Словарная статья в обоих трудах состоит из трех зон: заглавной зоны, зоны толкования и иллюстративной зоны.

Различие этих лексикографических трудов заключается в принципах структурирования словарного материала и на уровне микроструктуры – в организации иллюстративной зоны.

Н. И. Коновалова в качестве заглавных единиц приводит в алфавитном порядке народные названия растений с указанием их ботанического русского и латинского эквивалента, а также синонимов (дублетов). Далее в словнике с соблюдением одного из основных лексикографических принципов – экономности – уже упоминавшиеся синонимы идут с отсылкой к первой по алфавиту статье. АГРАФЕНА-КУПАЛЬНИЦА, -ы, ж., ед. //лютик//черное зелье. *Ranunculus acris*. Лютик едкий. ЛЮТИК, -а, -у, м. 1. См. Купавка. 2. См. Аграфена-купальница. ЧЕРНОЕ ЗЕЛЬЕ, -я, ср., ед.ч. См. Аграфена-купальница.

В словаре В. Г. Арьяновой реализован иной принцип структурирования и подачи материала. Заглавной единицей словарной статьи является русское научное название растения, далее эквивалентное латинское наименование ботанической номенклатуры и затем приведены все зафиксированные в говоре фитонимы, соотнесенные с данным растением, включая формальные варианты (фонетические и грамматические). Приведем пример.

КАЛУЖНИЦА БОЛОТНАЯ. *Caltha palustris* L. Болотник, болотница, бабунки, калужница, куриная слепота, курослеп, лопуха, лягушатник, лягушачий цветок, лягушачье мыло, лягушачьи слёзы (един.), лягушачья трава, лягушечна трава, лягушечник, лягушечья трава, лягушник, серебрянка, чугуночки.

При формировании иллюстративной зоны словарной статьи Н. И. Коновалова ставила перед собой как составителем словаря задачу «представить в иллюстративном материале комплекс компонентов значения слова (интегральных и дифференцированных), необходимых и достаточных для раскрытия фитонимической номинации» [Коновалова, 2000, с. 12]. Соответственно, в контекстах представлены небольшие фрагменты диалектной речи, от 1 до 3 высказываний, в том числе незаконченных, словосочетания, сопровождающиеся географическими пометами, указывающими на ареал распространения фитонима и содержащие цифровую помету, обозначающую возрастную группу информанта (1 – старшее поколение, 2 – среднее, 3 – молодое). Кроме контекстов иллюстративная часть некоторых словарных статей содержит дополнительный материал из различных источников (научно-популярной литературы),

характеризующий культурологический аспект названия растения. В основном это растения, связанные с сакральными обрядами и мифологическими представлениями, а также имеющие глубоко укоренившуюся практику лечебного применения. Например, ДЕВЯТИЛЬНИК, <....>. *«Корень имя ему деветильник белой, растет на лугах, не во всяких местах; а годен той корень: будет у какого человека бывает зубная болезнь и от того пухнут десны, и того корени взять малую часть и на зубах держать, не по одно время, и тот корень зубную болезнь исцеляет; а сыскано того корени не много. (М. Д. Торэн)»*. Приведено составителем словаря по изданию: Торэн М. Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.

Таким образом, автор успешно решает задачу раскрытия в иллюстративной части этимологической и номинационной истории фитонима, тщательно выбирая контексты и дополняя их информацией о традициях, связанных с растением.

«Словарь фитонимов Среднего Приобья», в отличие от «Словаря народных названий растений Урала», содержит в каждой словарной статье обширные контексты. Большинство приведенных контекстов ранее не публиковались в других словарях среднеобских говоров.

Иллюстративная зона словаря дополняет лаконичную характеристику растения, приведенную в зоне толкования. Автор предоставляет диалектоносителям право подробно рассказывать о растении – описывать его внешний вид и места, где оно растет, делиться опытом его применения в быту и народной медицине, размышлять над происхождением названия и знакомить читателя с легендами и поверьями об особенных свойствах трав. Например, ВОДОСБОР сибирский <....>. *Водосбор разноцветный. Похож на колокольчики. Белые, фиолетовые, сиреневые. Кустистый, кустиком. Листья на стояке округлённые, как пальчики (В-Кет. Б. Яр.)*. ВОЛОДУШКА золотистая, <....>. *Володушка, её от печени пьют, очень хорошая от печени (Кож. Мог.)*. ПОЛЫНЬ горькая, <....>. *...ещё вдовьей травой называют. Потому что горький он. Говорят, что в нём все людские страдания и находятся. Ещё мне бабушка*

говаривала, что можно этой травкой от нечистой силы уберечься. Будто бы отгоняет она и лешего, и русалок запахом своим (Чаин. Бунд.).

Описываемые словари являются ценным источником материала для лингвистических исследований различной аспектуализации. Объемный иллюстративный материал словарных статей может быть полезен исследователям, работающим в рамках как структурного подхода в лингвистике, так и антропоцентрического. Безусловно, оба словаря представляют собой информативный источник не только языкового, но и культурологического, этнографического материала для междисциплинарных исследований.

Кроме того, лексикографическому аспекту исследований посвящены работы О. И. Блиновой, И. В. Блиновой, предложивших проект сопоставительного ономаσιологического словаря фитонимов [Блинова О. И., Блинова И. В., 1997]; А. С. Савенко, разработавшей структуру мотивационного сопоставительного словаря фитонимов на материале русского, английского и чешского языков [Савенко, 2014]; А. Н. Сиваковой, описавшей опыт составления электронного глоссария русских и английских названий растений [Сивакова, 2004]. Опубликованы работы, анализирующие словари фитонимов как источник исследований (Блинова О. И., 2008; Лукьянова, 2016).

В контексте лексикографического аспекта исследований фитонимики, нельзя не упомянуть о ботанических словарях народных названий растений Н. И. Анненкова, составленных и изданных им в 1858, 1859 и 1878 годах. Эти словари, не являющиеся лингвистическими лексикографическими трудами, тем не менее имеют огромную ценность для лингвистов, так как они сохранили и донесли до нас функционировавшие в середине XIX века в разных областях Российской империи народные названия растений. Например, словарь «Простонародныя названія русских растений» состоит из двух «отделений», первое из которых представляет собой список латинских наименований растений и приведенных к ним аналогов русских народных названий с указанием источника и области функционирования. *Abutilion Avicennae Gaertn.* – степной подсолнечник, грудника (Оренб. Pall. Reise. I 376).

Во втором «отделении» приводится алфавитный список русских названий (двусловные наименования приведены по имени существительном) с отсылкой к соответствующему порядковому номеру в латинском списке первого «отделения». Материалами для словаря послужили ботаническая литература и справочники, изданные записки путешественников, справочники лекарственных растений и лечебники народной медицины, газеты и журналы сельскохозяйственной и естественнонаучной тематики, описанные гербарии.

1.1.4. Антропоцентрически ориентированные исследования фитонимики

По мере развития антропоцентрически ориентированной парадигмы исследований фокус изучения фитонимов тоже смещается. Ономазиологический и мотивологический аспекты в рамках одного исследования совмещаются с лингвокультурологическим (Н. И. Коновалова, 2001; О. И. Блинова, 2002, 2008, 2011, 2014) и когнитивным аспектами (Н. И. Панасенко, 2000; Э. В. Гафиятова, 2010; и др.), либо аспектуализация исследований фитонимики носит полностью лингвокультурологический, когнитивный или этнолингвистический характер.

В частности, в монографии Н. И. Коноваловой [Коновалова, 2001] анализируется народная фитонимия Урала как фрагмент языковой картины мира. Автор комплексно описывает тематическую группу «дикорастущие названия растений», используя структурно-семантический анализ особенностей фитонимов и ономазиологический анализ для выделения и описания способов и принципов номинации, использованных в названиях растений, но наибольший интерес исследователя вызывают культурные коннотации, заключенные в семантике названий растений. Н. И. Коновалова разделяет все принципы номинации, задействованные при образовании фитонимов, на две группы: принципы номинации, имеющие объективный характер (например, характерные особенности внешнего вида, вкус, запах, цвет и др.), и принципы номинации, имеющие субъективный характер. К этой группе автор относит все растения, в

названиях которых содержатся коннотативные компоненты лексического значения, включающие оценку, экспрессивную окраску, культурные коннотации.

Как отмечает Н. И. Коновалова, «существующие у разных народов (в том числе и у славян) культовые (языческие) представления о растениях как о живых существах, наделенных злыми и добрыми силами, заставляют искать в названиях не только рациональные, но и эмоционально-оценочные, характеристические, сакральные и другие мотивы номинации [Коновалова, 2001, с. 35]». В качестве таких субъективных принципов номинации в работе приводятся:

- принципы номинации, отражающие поверья, связанные с народным календарем (например, ЮРЬЕВА РОСА, ФРОЛКИ);

- принципы номинации, связанные с языческими представлениями и верованиями: «в языковом сознании народа закрепляются принципы симпатической магии, согласно которым воздействие на какой-либо орган человека может быть осуществлено при помощи предмета, сходного по форме, поэтому, если растение (часть растения) напоминало части человеческого организма, оно наделялось целительными свойствами. [Коновалова, 2001, с. 37]» (например, СЕРДЦЕВА ТРАВА);

- принципы номинации, связанные с христианским культом (например, СЛЕЗЫ АДАМА, ЕГОРЬЕВО КОПЬЕ, БОГОРОДСКАЯ ТРАВА).

В этой же работе автором предпринята попытка анализа процесса номинации с когнитивных позиций. Н. И. Коновалова именует принципы номинации ономазиологическими структурами, которые, с ее точки зрения, «воплощают когнитивный опыт освоения денотативного пространства «растения» как частного фрагмента картины мира» [Коновалова, 2001, с. 46], и анализирует их, выделяя пять типов структур, допускающих по тем или иным причинам двоякое толкование мотивологического признака.

Таким образом, в работе последовательно и системно описана диалектная фитонимика говоров Урала с позиций структурно-системного подхода с привлечением данных ономазиологического, лингвокультурологического и

когнитивного анализа, что позволило автору описать народные наименования растений как фрагмент языковой картины мира диалектоносителей.

На стыке структурно-системного и антропоцентрического подходов выполнено сопоставительное исследование Н. И. Панасенко на материале наименований лекарственных растений славянских, германских и романских языков. Автор считает, что «применение только словообразовательного и ономаσιологического подхода не дает возможности определить, каким образом название лекарственного растения связано с представлениями человека об окружающем его мире, обществе, в котором он живет, а также системой концептов, которой он оперирует» [Панасенко, 2000, с. 12]. Соответственно, кроме структурно-семантического и ономаσιологического анализа Н. И. Панасенко обращается к анализу процесса категоризации и его объективации в семантике фитонимов. В рамках проведенного анализа автор описывает категории, отраженные в фитонимике: категория пространства и размера, категория времени, категория формы, категория цвета, категория оценки, а также описывает процессы метафорического и метонимического переносов как способов обработки знаний о внешнем мире. При описании процесса категоризации автор не задействует метод когнитивного моделирования, рассматривая в качестве объективации этого процесса только принципы номинации, заключенные в семантике наименований.

Опираясь на разработанную в рамках когнитивной лингвистики теорию фреймов, Н. И. Панасенко предлагает использовать фреймовую модель как структуру, которая состоит из знаний носителей языка о лекарственном растении, объективированных в фитонимике. С точки зрения когнитивного подхода исследователь описывает перцептивные каналы получения информации, закрепленные в семантике фитонимов как источник знаний о мире [Панасенко, 2000].

Познание на основе чувственного опыта является не единственным источником получения информации о мире растений, особенно растений лекарственных, поэтому данные Н. И. Панасенко, на наш взгляд, отражают лишь

часть познавательной деятельности, объективированной фитонимической лексикой. В главе 1 нашего исследования предпринята попытка более полного описания репрезентации источников (механизмов) познания в фитонимике.

В работах первых десятилетий XXI в. лингвисты в основном сосредоточиваются на лингвокультурологическом или когнитивном аспектах, используя данные структурно-семантического, ономазиологического или мотивологического анализа. Следует отметить, что объектом исследования являются не только прямые значения наименований растений, но и переносные значения, появившиеся в результате процессов метафоризации и метонимизации, когда фитоним является областью-источником, спроецированным на другие тематические группы лексики.

Например, исследование А. Г. Дементьевой посвящено описанию «ментальных процессов, определяющих формирование переносных значений фитонимических единиц, когнитивных моделей и механизмов их конструирования» [Дементьева, 2012, с. 4]. В этом же ключе рассмотрены фитонимы в статье Л. В. Бабиной и А. Г. Дементьевой, анализирующей метонимические и метафтонимические модели, по которым происходит вторичная интерпретация фитонимов, порождающая переносные значения. Авторами проанализированы базовые метонимические модели: ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ и ЧАСТЬ1 – ЧАСТЬ2 и метафтонимические модели: ПЛОД → ЦВЕТ этого плода → ЦВЕТ вообще; ЦВЕТОК → его ЦВЕТ → ЦВЕТ вообще, ПЛОД → ЗАПАХ этого плода → ЗАПАХ вообще, ЦВЕТОК → ЗАПАХ этого цветка → ЗАПАХ вообще, ПЛОД → ВКУС этого плода → ВКУС вообще.

Формированию переносных значений фитонимов в аспекте лингвокультурологии посвящены работы Р. Д. Сетарова (2000), И. Я. Пак (2006), Т. Н. Панковой (2009) и др. Р. Д. Сетаров и Т. Н. Панкова исследуют национальную специфику флористической метафоры в разных языках, при этом метафора изучается как «важный фактор репрезентации национальной картины мира и способ производной номинации» [Панкова, с. 7]. Р. Д. Сетаров привлекает для анализа материал славянских, германских и тюркских языков, Т. Н. Панкова –

русского и английского языков, выявляя специфичные (эндемичные) для этих языков переносные значения фитонимов, существующие лакуны и сходство образных значений [Сетаров, 2000; Панкова, 2009].

И. Я. Пак обращается к исследованию образной лексики с семантикой дерево/растение как лингвокультурологического феномена в коммуникативной и эстетической сферах. Образные лексические единицы анализируются «с точки зрения их полевой организации и культурной наполненности» [Пак, с. 4–7].

Лингвокультурологическому анализу прямых значений фитонимов посвящены работы Т. Н. Бурмистровой (сакральная фитонимика уральских говоров, 2008), О. И. Блиновой, А. С. Разиной (двусловные наименования растений среднеобских говоров, 2011), А. С. Разиной (культурные коннотации в названиях растений говоров Среднего Приобья, 2011), О. Г. Рубцовой (сакральные фитонимы, 2014) и др.

Т. Н. Бурмистрова и О. Г. Рубцова описывают фитонимику, отражающую сакральные представления нации. Т. Н. Бурмистрова проводит лингвокультурологический анализ сакральных элементов в русской народной фитонимике, автор использует понятие «сакральный» в широком смысле и привлекает для целей своего исследования наименования растений, содержащие в своей семантике не только компоненты, связанные с религиозным христианским культом, но и «таинственным, магическим, обрядовым, ритуальным, сверхъестественным» [Бурмистрова, 2008, с. 4]. Сакральный компонент может заключаться во внутренней форме слова, например, БОЖЬЯ МИЛОСТЬ, либо может быть не проявлен в семантике слова, но обнаруживаться в показателях языкового сознания народа (через контексты словоупотребления), например, БЕЛЕНА – «используют для привораживания, как любовное средство» [Бурмистрова, 2008, с. 4]. Кроме выявления и типологизации культурных коннотаций, автор исследует функционирование сакральных фитонимов и актуальность сакральных элементов значения, изучает способность современного носителя языка осознавать сакральные компоненты в семантике фитонимов путем психолингвистического эксперимента.

О. Г. Рубцова в качестве наименований растений с сакральным компонентом рассматривает более узкий пласт лексики, включающий только наименования лекарственных растений, отражающих религиозную христианскую мифологию, в русском, марийском, немецком и латинском языках. Автор ставит перед собой задачу не столько сопоставления, сколько описания сакральных компонентов фитонимов, классифицируя их по религиозным мифам и по положительной либо отрицательной коннотации. Например, положительно окрашенные фитонимы связаны с бытованием христианских мифов о страданиях Христа (БОГОШНИК (боярышник кроваво-красный), нем. GOTTVERGESSE (полынь), о деве Марии (рус. ГОРЮЧИЕ СЛЕЗЫ БОГОРОДИЦЫ (ландыш)), апостолах и др. Отрицательно окрашенные фитонимы связаны с представлениями о нечистой силе (рус. ЧЁРТОВ ГЛАЗ, ЧЁРТОВО МОЛОКО) [Рубцова, 2014, с. 94–97].

Статья О. И. Блиновой и А. С. Разиной посвящена лингвокультурологическому освещению двусловных фитонимов, функционирующих в говорах Среднего Приобья и ставит своей целью комплексное описание группы составных наименований растений с дефисным написанием через призму народной речевой культуры. Даны грамматическая и лексико-семантическая характеристики двусловных фитонимов, описаны типы образных наименований. Статья иллюстрирована большим количеством примеров и контекстов употреблений двусловных фитонимов с культурными коннотациями [Блинова, Разина, 2011]. Также А. С. Разиной проанализированы в лингвокультурологическом аспекте образные диалектные наименования растений, в частности, описана артефактная метафора [Разина, 2011].

Фитонимическая лексика привлекается в лингвокультурологических исследованиях, анализирующих отражения национально-культурной специфики восприятия мира в языке писателей, например, отражение менталитета русского народа в творчестве Б. Л. Пастернака через анализ употреблений фитонима «осина» [Акулинина, 2009].

Не менее пристальным интересом к народной культуре, вплетенным в нее верованиям, традициям, обычаям и приметам, репрезентированным в языке,

характеризуются исследования этнолингвистической аспектуализации (работы С. Ю. Дубровиной, 1991; Е. М. Зиновьевой, 2010; В. Б. Колосовой, 2008, 2009, 2014; А. М. Летовой, 2012; Е. Ю. Моисеевой, 2014 и др.)

Так, С. Ю. Дубровина рассматривает в этнолингвистическом аспекте отзоонимическую (включая орнитонимы) русскую ботаническую терминологию. Опираясь на лингвистические, фольклорные и этнографические факты, автор объясняет происхождение названий растений, которые связаны с бытом, культурой и традициями народа; описывает обрядово-ритуальную символику растений в славянской традиции и ее влияние на номинацию некоторых растений [Дубровина, 1991].

Исследование Е. М. Зиновьевой посвящено изучению оппозиции «благословение и проклятие» в русских названиях растений, в номинации которых задействованы образы, относящиеся к религиозной, христианской сфере употребления [Зиновьева, 2010].

В. Б. Колосова предлагает обзор этнической символики, репрезентированной славянской народной ботанической лексикой [Колосова, 2009]. Рассмотрены признаки, формирующие символический код растений (фактически, принципы номинации), описаны культурные коды в их взаимодействии в системе народной ботаники, в частности, антропоморфизм, артефактоморфизм, оппозиций «свой» - «чужой» и др. Крайне интересными и информативными для исследователей фитонимической лексики являются этноботанические очерки о конкретных растениях (василек, зверобой, одуванчик, иван-да-марья и др.), приведенные в третьей главе монографии.

Семантические особенности фитонимов, употребляемых в русском фольклоре, описаны А. М. Летовой [Летова, 2012]. Е. Ю. Моисеева исследовала названия растений русской народной и научной ботанической номенклатуры, содержащие в структуре наименования компоненты «курица» и «петух», в этнолингвистическом ключе, проанализировав приметы, верования и восприятие этих домашних птиц в русской традиционной культуре [Моисеева, 2014].

В когнитивных исследованиях ботаническая лексика часто привлекается в качестве материала. За последние два десятилетия выполнен ряд исследований когнитивной метафоры и метонимии, когнитивных моделей, когнитивных оснований процесса номинации, процессов концептуализации и категоризации (Панасенко, 2000; Оглезнева, 2001; Вершинина, 2002; Ковалевич, 2004; Василенко, 2007; Гафиятова, 2010; Исаев, 2010; Хатхе, 2010; Дементьева, 2012; Резанова, 2014; Бабина, Дементьева, 2016; Берендеева, 2016; Звягинцева, 2016; Лукьянова, 2016; Хапаева, 2016 и др.).

Когнитивно-ономасиологическому анализу лексико-семантической группы названий растений посвящены работы Н. И. Панасенко (освещалась выше). Э. В. Гафиятова рассматривает принципы номинации объектов растительного мира как принципы категоризации объективной реальности и описывает роль процесса номинации в создании фитонимической языковой картины мира [Гафиятова, 2010]. А. А. Хатхе описывает процесс номинации растений с когнитивных и лингвокультурологических позиций в русском и адыгейском языке [Хатхе, 2010].

Используя в качестве материала исследования фитонимическую лексику амурских говоров, Е. А. Оглезнева выявляет «признаки реалий, которые оказываются релевантными для номинации флоры, а также способы организации знания о ней и пути представления этого знания в лексических единицах языка» [Оглезнева, 2001, с. 46], интерпретируя их в когнитивном освещении. Принципы номинации растений описываются в работе как типы пропозиций или суждений о предмете или явлении окружающего мира. Автор выделяет два типа пропозиций, рассматривая их как когнитивные модели, на базе которых в языке формируется лексическая единица (фитоним): характеризующие и социально характеризующие наименования «X обладает свойством А», «X имеет У», функциональные наименования «X имеет отношение к У». В характеризующих наименованиях в основу положены природные и материальные свойства растений, такие как вкус, цвет, место произрастания, способ произрастания, воздействие на человека и т.п., социально характеризующие наименования – это огородные культуры. В функциональных наименованиях описывается взаимодействие человек-растение.

Метафоричные наименования описываются как полипропозитивные структуры, включающие несколько пропозиций, объединенных модусом фиктивности «X подобен Y по A» [Оглезнева, с. 47–49].

Фитонимическая лексика привлекается З. И. Резановой в анализе когнитивных метафор в среднеобских говорах [Резанова, 2014]. В частности, рассматриваются метафорические модели «МИР – ЭТО ЧЕЛОВЕК» и «ЧЕЛОВЕК – ЭТО МИР», которые задействованы при образовании прямых и переносных значений фитонимов. Отмечается, что в рамках метафорической модели «МИР – ЭТО ЧЕЛОВЕК» антропоморфная метафора используется при формировании фитонимов следующими способами:

- по социальному признаку (наименования профессий, социальных статусов, родственных отношений), например, МАТЬ-И-МАЧЕХА, ДЕД КОЛЮЧИЙ, БАРЫНЯ, НЕВЕСТА, ДОХТОР;
- переосмысление имени собственного, например, ВАНЬКА БОЛОТНЫЙ;
- с использованием элементов «внешнего членения человека»: БЕЛОГОЛОВНИК, СЕМИКОЛЕНКА, АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ;
- по поведению и ментально-психическим особенностям людей: БАБЬИ СПЛЕТНИ, МАМИНЫ СЛЕЗЫ;
- с использованием обозначений социально-межличностных отношений: БАБЬЯ СВАДЬБА.

В качестве обратной метафорической модели «ЧЕЛОВЕК - ЭТО МИР» приведены примеры формирования переносных значений фитонимов, служащих для обозначения человека и особенностей его социального поведения, например, ЯГОДКА (ласковое обращение), ШИШКА (человек высокого социального статуса) и т.п.

Исследователи когнитивной метафоры достаточно часто обращаются к фитоморфной (флористической) метафоре в различных дискурсах. Например, Т. С. Вершинина анализирует использование фитоморфной метафоры в политическом дискурсе в качестве области-источника (в терминологии Дж. Лакоффа, М.

Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004]) для создания когнитивной метафорической модели «ПОЛИТИКА - ЭТО МИР РАСТЕНИЙ» [Вершинина, 2002]. М. С. Берендеева рассматривает особенности использования флористической метафоры при построении метафорических моделей в религиозном дискурсе [Берендеева, 2016], а В. В. Звягинцева описывает метафорические и метонимические модели, созданные на базе переносных значений фитонимов в семейном дискурсе (семейные прозвища) [Звягинцева, 2016].

Процессам концептуализации с когнитивной точки зрения на материале фитонимической лексики посвящены работы О. И. Василенко (русские народные названия растений и частей растений) [Василенко, 2007] и Л. В. Хапаевой (наименования растений русского и карачаево-черкесского языка) [Хапаева, 2016].

Таким образом, можно сделать вывод, что с конца XX в. наблюдается устойчивый рост исследовательского интереса к тематической группе лексики, объединяющей названия растений (фитонимы) и частей растений (фитоморфонимы) как русского литературного языка, так и диалектов, а также национальных языков территорий бывшего СССР и других языков (германских, романских и др.).

В рамках структурно-семантического подхода аспектуализация исследований включала этимологический, ономаσιологический, мотивологический, структурно-семантический, лексикографический и лингвогеографический аспекты. Результатами исследований в структурно-семантическом аспекте является глубокое и системное изучение и описание фитонимической лексики говоров русского языка и национальных языков, например, среднеобских, уральских, елецких, камчатских и других говоров, табасаранского, чеченского и других языков.

Необходимо отметить значительный вклад исследователей-лексикографов, описавших и зафиксировавших в словарях народные названия растений, функционировавшие среди сельского населения Урала и Среднего Приобья в конце XX в. Процессы урбанизации, активно разрушающие вековой

традиционный крестьянский уклад, становятся причиной утраты этого бесценного пласта лексики, репрезентирующей национальную народную культуру и мировидение.

Антропоцентрически ориентированная научная парадигма определила появление исследований в лингвокультурологическом, этнолингвистическом и когнитивном аспектах. Следует отметить, что в работах данной аспектуализации материалом часто являются переносные значения названий растений и их частей. Частотность использования фитоморфной метафоры в различных дискурсах свидетельствует о значительной роли, которую играет растительный мир в процессах концептуализации действительности человеком.

Как показывает обзор литературы, структурно-системный подход к исследованию фитонимической лексики характеризуется как описанием тематической группы названий растений как системы с учетом всех уровней парадигматических отношений внутри группы, так и анализом отдельных аспектов этой системы: процессов номинации, мотивации, вопросов происхождения отдельных названий. Практическая значимость исследований в рамках структурно-семантического подхода обусловлена, прежде всего, лексикографическим аспектом, в рамках которого создаются словари, являющиеся источниками исследований различной аспектуализации. В рамках структурно-системного подхода анализу подвергаются только прямые значения фитонимов.

Антропоцентрически ориентированный подход характеризуется привлечением в качестве материала исследования не только прямых, но и переносных значений названий растений, что определяется иными задачами исследователей. В центре внимания находятся вопросы репрезентации когнитивных процессов и культурных представлений, изучение национальной специфики восприятия окружающего мира на материале ботанической лексики.

Тем не менее, фитонимическая лексика и ее функционирование в различных языках и дискурсах имеет существенный потенциал для лингвистических исследований в различных аспектах. Например, диалектная фитонимика является

продуктивным материалом для изучения объективации механизмов познавательной деятельности человека в речи диалектоносителей, вписанного в актуальную парадигму когнитивно ориентированных исследований в диалектологии.

1.2. Когнитивное направление в диалектологических исследованиях

Специфика диалекта как системы языка, существующей в устной форме, свободной от кодификации, присущей языку литературному, предполагает значительный потенциал для исследований процессов концептуализации и категоризации действительности обыденным человеческим сознанием. Многие зарубежные исследования в области когнитивной лингвистики, в частности, процессов категоризации, базируются на эмпирических данных, полученных при изучении бесписьменных языков коллективов с патриархальным укладом (например, исследования Б. Берлина на материале ботанической номенклатуры мексиканских индейцев [Berlin, 2003], описание Дж. Лакоффом категоризации в языке австралийских аборигенов племени дьирбал [Лакофф, 2011] и т.д.).

Идея антропоцентрически ориентированной лингвистики предполагает изучение прежде всего языковых процессов на базе обыденного сознания. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «данный (*антропоцентрический*) подход и принцип исследования позволяет по-новому поставить проблему соотношения языка и мышления, выйдя за рамки собственно философских учений и обратившись непосредственно к практическому повседневному опыту. Он дает возможность перенести акцент с теоретических знаний на обыденные, которые в большей степени определяют ежедневное использование языка» [Болдырев, 2013, с. 13].

Диалектоносители, являясь сельским населением, также представляют собой достаточно закрытые, консервативные языковые коллективы, язык которых репрезентирует особенности процесса познания и сложившуюся в результате него наивную картину мира. Т. А. Демешкина отмечает, что «проблема изучения восприятия и осмысления окружающей действительности людьми, говорящими

на диалекте, является центральной для когнитивной диалектологии» [Демешкина, 2014, с. 273].

Выделение когнитивной диалектологии как направления является одним из закономерных итогов развития диалектологических исследований в рамках антропоцентрической парадигмы с использованием целей, задач и методов исследования когнитивной лингвистики.

Когнитивная лингвистика – одно из недавно возникших направлений науки о языке, порожденное как общим «бумом» когнитивистики, так и сменой парадигмы исследований, произошедшей в языкознании в конце XX в. Когнитивистика как междисциплинарная наука возникла в США, где после Второй мировой войны, во многом в результате эмиграции из оккупированной Европы, собрался цвет мировой научной мысли.

В литературе принято считать, что интерес к проблемам когнитивных способностей человека возник на базе растущего интереса ученых разных специализаций к процессу обработки информации естественным интеллектом с целью создания искусственного интеллекта и вычислительных систем. Если приводить к общему знаменателю все существующие определения когнитивной науки, то можно сказать, что это «наука о системах представления знаний и получения информации человеком, об общих принципах, управляющих ментальными процессами» [Болдырев, 2014, с. 19].

Специалисты в области теории информации, создания искусственного интеллекта, психологи, в первую очередь, обратили внимание на тот факт, что особое место в обработке человеком информации о действительности занимает язык. Язык оказывается уровнем, на котором полученная в результате восприятия окружающей и внутренней действительности информация обрабатывается, интегрируется, осмысливается, категоризируется, хранится и передается вовне. Именно этот факт определил развитие когнитивной лингвистики как отдельного направления в языкознании.

Основной задачей этой науки виделось исследование языка как способа организации, обработки и передачи информации.

В отечественном языкознании когнитивный подход был применен преимущественно при разработке ономаσιологической теории, которая послужила основной теоретико-методологической базой и важнейшей предпосылкой для формирования нового научного направления (подробнее о роли ономаσιологической теории в формировании когнитивной лингвистики см. раздел 1.3.). Значительное влияние на развитие когнитивной лингвистики оказали также семасиологическая теория Ю. Д. Апресяна и М. В. Никитина [Апресян, 1995]; [Никитин, 1988, 2003], теория логического анализа языка Н. Д. Арутюновой и др. [Арутюнова, 1988], семиологической грамматики Ю. С. Степанова [Степанов, 2012], речевого мышления С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон, 1972], функционально-семантических полей А. В. Бондарко [Бондарко, 1983], психолингвистический подход Р. М. Фрумкиной и др. [Фрумкина, 1984, 1991]. Отправной точкой для развития отечественной когнитивистики стало появление в 80-х гг. XX века переводов на русский язык работ зарубежных лингвистов, разрабатывающих это научное направление: А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1997], Ф. Джонсон-Лэрда [Джонсон-Лэрд, 1988] М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004], Дж. Лакоффа [Лакофф, 1989, 1990, 1996, 2011], М. Минского [Минский, 1979], Ч. Филлмора [Филлмор, 1988] и др. Эти работы и сегодня составляют основную долю цитируемой зарубежной литературы по когнитивной лингвистике.

Наиболее глубоко разработанной в зарубежной когнитивной лингвистике является проблема концептуализации и категоризации мира человеческим мышлением и объективация этих процессов в языке. В ряде работ утверждается, что в современной науке осуществляется переворот от традиционного взгляда на категоризацию действительности, существовавшего со времен Аристотеля, к новому пониманию теории категоризации, названной на основании экспериментальных исследований Э. Рош и ее школы «теорией прототипов и категорий базового уровня».

Впервые о расхождении реального положения вещей и представления о категориях в аристотелевском понимании начал рассуждать Л. Витгенштейн в одной из своих поздних работ «Логико-философский трактат». Рассматривая

такое понятие как «игра», он заметил, что вещи объединяются в категории не столько на основании общих признаков, сколько на основании «фамильного сходства», кроме того категория может быть расширена за счет добавления новых членов [Витгенштейн, 1958].

Эти идеи были развиты и дополнены экспериментальными работами и их теоретическим осмыслением в трудах Элеоноры Рош и ее учеников [Rosch, Mervis, 1981].

Один из наиболее авторитетных ученых, разрабатывающих теорию прототипов, Дж. Лакофф описывает этот переворот как переход от объективизма к опытному реализму или экспериенциализму. Объективизм он считает традиционным подходом, имеющим философские основы и являющимся продуктом размышлений о природе ума на протяжении двух тысячелетий. Объективизм заключается в представлении о рациональном мышлении как о мышлении, оперирующем абстрактными символами, которые получают значение через соотношение с действительностью, трактуемой объективно, то есть вне связи с ее отражением и интерпретацией субъектом. Категории в рамках этого подхода являются символическими структурами, отражающими вещи или понятия реального мира. При этом категории определяются как набор членов с общими признаками (свойствами).

Экспериенциализм с традиционным подходом объединяют следующие черты:

- убеждение в существовании объективного мира;
- признание того, что реальность накладывает ограничения на понятия;
- концепция истины, которая идет дальше только внутренней согласованности;
- убеждение в возможности объективного познания мира.

Основное различие заключается во взглядах на природу разума: трансцендентальную в традиционном подходе и имеющую воплощенную природу, существующую благодаря телу и его чувственному опыту, в новом подходе [Лакофф, 2011, с. 10–14].

Результатом явилась разработанная теория прототипов и базовых категорий, которая описывает категоризацию как объединение вещей или понятий в категории по сходству признаков, причем, категории организованы иерархически и есть член категории, наиболее отвечающий всем наборам признаков, – прототип или центральный член категории. Кроме того, категории в структуре мышления также организованы иерархически. Существуют категории базового уровня, генерализация категорий направлена вверх, специализация – вниз. Абстрактное мышление играет большую роль в категоризации мира человеком с использованием метафорических и метонимических структур [Лакофф, 2011].

На изучении концептуализации и категоризации мира человеческим мышлением, репрезентации полученных представлений в языке базируются такие направления зарубежной лингвистики как фреймовая семантика Ч. Филлмора [Fillmore, 1969; Филлмор, 1988], теория метафоры и метонимии М. Джонсона и Дж. Лакоффа [Лакофф, Джонсон, 2004], когнитивная грамматика Р. Лангакера [Langaker, 1991] и теория ментальных пространств Ж. Фоконье [Fauconnier, 1985].

В то же время российская когнитивная лингвистика развивается в большей степени изолированно от мировой науки. Работ, в которых ведётся научная дискуссия с зарубежными коллегами, практически нет. Однако есть точка зрения, и вполне обоснованная, что классический американский когнитивизм во многом пересекается с проводившимися в России структурно-семантическими исследованиями, независимо друг от друга описываются одни и те же категории, хотя и с использованием разной терминологии [Попова, Стернин, с. 11–12]. Вероятно, именно поэтому наибольшее распространение из всех разделов когнитивной лингвистики в России получила когнитивная семантика.

В российской когнитивной лингвистике существует несколько направлений исследований. Так, И. А. Стернин и З. Д. Попова выделяют пять направлений: культурологическое (Ю. С. Степанов, 1997, 2001), лингвокультурологическое (В. И. Карасик, 2005, С. Г. Воркачёв, 2013, 2015 и др.), логическое (Н. Д. Арутюнова, 1980, 1999), семантико-когнитивное (Е. С. Кубрякова, 1994, 2004, 2007; Н. Н.

Болдырев, 2007, 2008, 2013; Е. В. Рахилина, 1998, 2000; и др.), философско-семиотическое (А. В. Кравченко, 2016) [Попова, Стернин, 2010, с. 16].

Впрочем, большинство исследователей выделяют культурологическое и лингвокультурологическое направления в отдельную дисциплину – лингвокультурологию со своим понятийным аппаратом, методами и задачами [Воробьев, 1997, с. 4].

Определенную сложность при описании существующих школ и направлений когнитивной лингвистики создает широкое понимание термина «когнитивный» в отечественном языкознании. Таким образом, «существенная разница в трактовке основных терминов и методах исследования зачастую неочевидна» [Дудова, 2014, с.70]. Отмечается, что применение термина «когнитивный» в русскоязычных публикациях обуславливается иногда данью моде, а не содержанием и направленностью исследования [Скребцова, 2011, с. 30].

В статье, посвященной обзору работ в области отечественной когнитивной лингвистики, Н. А. Дудова отмечает, что при анализе публикаций за последние 10–20 лет становится очевидным приоритет такого направления, как моделирование концептов [Дудова, 2014, с. 70]. Автор обзора приходит к выводу, что в современной отечественной когнитивной лингвистике одно из самых популярных направлений – лингвистическая концептология, в рамках которой работают несколько крупных научных школ в разных регионах России. В понимании базового термина «концепт» наблюдаются некоторые различия, но большинство исследователей опираются на понимание концепта как основной единицы сознания, имеющей овеществление (репрезентацию, объективацию, овнешнение, вербализацию) языковыми средствами.

Необходимо отметить, что в последние годы акцент с лингвоконцептологических исследований стал смещаться на другие области когнитивной лингвистики. Активно разрабатываются такие направления, как теоретические и методологические проблемы когнитивной лингвистики, ментальные репрезентации и ментальные пространства, когнитивное

моделирование, концептуализация и категоризация мира в языке, оценочная категоризация, когниция и коммуникация, моделирование связей внутри когнитивной лингвистики, связь когнитивной лингвистики с другими науками, взаимодействие языка и культуры в когнитивном аспекте, когнитивные аспекты дискурса, лексики, грамматики, терминологии, деривации.

Как в любой молодой науке, в когнитивной лингвистике идут активные процессы выработки единого терминологического аппарата, обобщения и структурирования теоретической базы, оформление новых направлений и исследовательских программ.

В качестве одного из новых направлений когнитивной лингвистики в Томской диалектологической школе выделяется упоминавшаяся выше когнитивная диалектология, предмет которой «лежит в плоскости выявления диалектной специфики способов восприятия, хранения и обработки информации. В качестве аспектов когнитивной диалектологии выделяется изучение особенностей познавательной деятельности на диалекте, выявление типов языкового сознания носителей диалекта, когнитивных моделей восприятия действительности» [Демешкина, 2015, с. 140]. Для понимания актуальности этого направления необходимо обратиться к истории русской диалектологии и современным тенденциям ее развития.

Традиционно предметом диалектологии были «территориально ограниченные региональные формы речи» [Герд, 2010, с. 9]. При этом отмечается, что применительно к понятию «диалект» следует различать широкое, общенаучное понятие «диалект» и более узкое понятие.

Широкому понятию соответствует определение диалекта как «разновидности, варианта языка, текста». Соответственно, к диалектам относятся любые разновидности, варианты языка, текста, выделяемые по тем или иным признакам. Это и территориально ограниченные, и профессиональные диалекты и региолекты; и городские, так называемые социальные диалекты (профессиональные языки, жаргоны и т. д., разные виды литературной

разговорной речи). Сюда же относятся подъязыки разных наук, литературных школ, идиолекты ученых и писателей.

Второе, узкое, определение соответствует пониманию диалекта как «разновидности языка, употребляемого в качестве общения лицами, связанными географически, территориально. Исторически с точки зрения социальной — это, прежде всего, язык крестьян» [Герд, 2010, с. 8]. Таким образом, к диалектам относятся территориально ограниченные типы языковых состояний, а именно: традиционные диалекты, наречия, говоры, полудиалект, региолект. В традиции русской диалектологии принято более узкое понимание диалекта и предмета диалектологии.

До 80-х гг. XX в. диалектология развивалась в рамках структурно-системной парадигмы: значительное количество исследований в области фонетики, морфологии, лексикологии и, в меньшей степени, синтаксиса, позволили достаточно полно описать говоры как систему языка. Системно разработаны лексикографическое и лингвогеографическое направления, также рассматривались вопросы функционирования русских народных говоров.

С конца XX в. в отечественном языкознании происходит постепенная смена научной парадигмы, возрастает интерес лингвистов к антропоцентрически ориентированным исследованиям. Диалектология не остается в стороне от этих процессов, на диалектном материале выполняется значительное количество исследований в области этнолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. В центр внимания исследователей попадает специфика диалекта как особого типа речевой коммуникации, формируется коммуникативное направление диалектологии. В стадии становления находится корпусная диалектология, цель которой создание электронных коллекций текстов и баз данных. Таким образом, современная русская диалектология «представляет собой полипарадигмальную научную область» [Гольдин, Крючкова, 2010, с. 7].

Одна из ведущих диалектологических школ России – Томская диалектологическая школа (далее ТДШ), – опираясь на огромный опыт исследований и накопленный за более чем 60-летнюю историю сбора корпус

диалектных материалов, активно развивает ряд новых направлений в рамках антропоцентрического подхода.

Учеными Школы активно развивается лингвокультурологическая парадигма. В конце 90-х гг. XX в. О. И. Блиновой введен термин «народная речевая культура», восходящий к теории Н. И. Толстого о соотношении языка и культуры. В 2002 г. ею обосновано выделение диалектной лингвокультурологии как направления диалектологических исследований и систематизированы аспекты этой области научного знания. Основная направленность лингвокультурологических исследований ТДШ: это культурные концепты, культурные традиции, культурное пространство, ценностная картина мира. В работах Н. А. Агаповой, Т. Б. Банковой, Т. А. Демешкиной, Л. Г. Гынгазовой, Е. В. Иванцовой, Г. В. Калиткиной, З. И. Резановой, А. Н. Ростовской, А. Н. Серебренниковой, Е. А. Юриной анализируется функционирование культуроспецифической лексики диалекта, рассматриваются универсальные категории диалектной культуры, исследуются основополагающие концепты лингвокультуры говоров.

На стыке лингвокультурологической и когнитивной парадигм выполнено описание концептов диалектной лингвокультуры, например, исследования основополагающих концептов: «память», «знание», «жизнь», «смерть», «душа» (работы Т. Б. Банковой, 1998, 2000 и Л. Г. Гынгазовой, 2003); «человек» [Резанова, 2014], дихотомия «хорошо-плохо» [Гынгазова, Иванцова, 2012, 2013].

С привлечением диалектного материала выполняются исследования миромоделирующей функции метафоры (работы Л. И. Ермоленкиной, З. И. Резановой, Л. Б. Коберник, Л. В. Надеиной, Д. А. Галимовой), цель которых «представить метафорическую систему русского языка в аспекте ее моделирующих возможностей в языковой картине мира как варианте интегральной модели мира» [Томская диалектологическая школа, 2006, с. 194]. На втором этапе этого глобального проекта привлекается диалектный материал

Итогом плодотворной работы ученых школы в течение последних двух десятилетий, а также результатом осмысления современного состояния

диалектологических исследований стало выделение диалектной лингвокультурологии и когнитивной диалектологии как векторов дальнейшего развития отечественной диалектологии.

В статье «Векторы развития современной русской диалектологии» Т. А. Демешкина описывает объект, методы, аспекты и источники когнитивной диалектологии. Объектом когнитивной диалектологии является способность хранения и обработки информации на диалекте, а методами исследования: концептуальный анализ, метод когнитивной интерпретации, лингвистическое моделирование, аспекты: изучение обыденного сознания, типы диалектного знания [Демешкина, 2014, с. 274]. Разумеется, этот перечень может быть расширен и дополнен по мере развития когнитивной диалектологии как науки.

На материале различных русских говоров выполнен целый ряд исследований, характеризующихся когнитивной проблематикой. Так, анализируется: языковая картина мира носителей диалекта и ее фрагменты (работы М. С. Атабаевой, 2011; Е. В. Брысиной, 2012; О. А. Булгаковой, 2010; Н. В. Бурко, 2009; М. Г. Вершининой, 2013; Н. А. Григоренко, 2007; С. И. Драчевой и Н. А. Волковой, 2014; И. Б. Качинской, 2011; Т. А. Литвиновой, 2011; Т. И. Морозовой, 2014 и др.); языковое сознание и лингвистическое моделирование, когнитивное моделирование (О. В. Артемьева, 2000; М. А. Осадчий, 2007; А. В. Проскурина, 2013; И. П. Фаломкина, 2012 и др.); языковое сознание и ценности (Е. А. Штехман, 2013; С. А. Юрченко, 2008 и др.), репрезентация ментальных структур, семантических оппозиций в диалекте (О. Ю. Крючкова, 2010; Е. И. Сьянова, 2007 и др.) и другие вопросы.

Являясь одним из разделов активно развивающейся когнитивной лингвистики, когнитивная диалектология находится в самом начале своего становления и характеризуется теми же «болезнями роста», что и когнитивная лингвистика в целом. А именно: несовершенством терминологического аппарата, отсутствием единых подходов, методов исследований, преобладанием одной тематики исследований (например, описание концептов или анализ фрагментов

языковой картины мира), что приводит к появлению большого количества однотипных работ.

В качестве позитивных тенденций стоит отметить успешную апробацию методов когнитивной лингвистики на диалектном материале, появление исследований, активно разрабатывающих новые направления, такие как ментальные репрезентации и ментальные пространства, когнитивное моделирование, концептуализация и категоризация мира, оценочная категоризация и т.д.

Когнитивная парадигма диалектологических исследований предполагает «исследование взаимодействия трех аспектов языкового оперирования знанием: собственно репрезентативного, семиотического и интерпретационного, - как результата реализации трех основных функций языка: когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей» [Пожарицкая, 2005, с. 12].

Репрезентативный аспект представлен в когнитивной диалектологии исследованиями процессов концептуализации и категоризации мира, т.е. исследованиями репрезентации окружающей действительности в мышлении человека и объективации этих процессов в диалекте.

Семиотический аспект предполагает изучение процессов вторичной концептуализации и категоризации, проявляющейся в языке на функциональном уровне в виде вторичного означивания языковых единиц, и является наименее разработанным в когнитивной лингвистике в целом, и в когнитивной диалектологии, в частности.

Интерпретационный аспект представлен исследованиями процессов оценочной категоризации и концептуализации мира на основе индивидуальной и (или) коллективной картины мира, обусловленной социальными факторами, и является наиболее разработанным в когнитивной диалектологии.

Не менее интересна и когнитивная интерпретация процессов номинации, так как номинация связывает воедино «когнитивные механизмы, вербализацию результатов познавательной деятельности и приемы передачи информации в речевой коммуникации» [Гафурова, 2010, с. 215].

Таким образом, исследование диалектного материала в когнитивно-ономасиологическом аспекте, базирующееся на накопленном опыте диалектологических исследований с использованием методов ономасиологии и когнитивной лингвистики, позволяет описать задействованные в процессе познания когнитивные механизмы сознания диалектносителей и результаты этой деятельности, вербализованные в речи диалектного коллектива.

Основным способом кодирования результатов познавательной деятельности в языке является процесс именованя объектов познания средствами языка, то есть словом – процесс номинации.

1.3. Процесс номинации в когнитивном освещении

Семантические исследования языка, выполненные в рамках структурно-системного подхода в отечественном языкознании, еще до формирования антропоцентрически ориентированного подхода ставили вопрос о связи языка и познавательной деятельности человека. Таковыми являются, прежде всего, работы Г. В. Колшанского, посвященные вопросам языка и мышления, гносеологическому аспекту изучения семантики языка (Г.В. Колшанский, 1975, 1976, 1977, 2013) и рассматривающие язык как средство «физической объективации мышления» [Колшанский, 2013, с. 9]. В 70-х гг. XX в. Г. В. Колшанский формулирует отправную точку когнитивных исследований: «Язык есть не что иное, как действительно практическое сознание, ибо он есть закрепление тех мыслительных феноменов, которые получили свое вторичное существование в виде словесных знаков» [Колшанский, 2013, с. 103]. Такое понимание языка является фундаментальной идеей когнитивной семантики – идеей «о принципиально единой природе языковых и других когнитивных механизмов и процессов и об их принципиальной связанности с природой человека» [Кустова, 2000, с. 85].

Тесную связь семантических исследований и когнитивной науки отмечает Е. С. Кубрякова. По ее мнению, «само значение определяется как когнитивный

феномен, а любые данные об этом феномене – как проливающие свет на структуры сознания, их «форматы» и внутреннее устройство» [Кубрякова, 1994, с. 37]. В связи с этим отметим, что неслучайно ядро когнитивной лингвистики составляет когнитивная семантика, в которой уделяется пристальное внимание проблеме взаимоотношений «язык – мышление – действительность».

Проблемами отражения объективной действительности в языке в рамках семантики занимаются такие направления, как ономазиология (теория номинации) и мотивология (теория мотивации), одним из центральных понятий которых является понятие внутренней формы слова, связывающие воедино триаду «язык – мышление – действительность».

Понятие «внутренняя форма» было введено в языкознание В. фон Гумбольдтом как «внутренняя форма языка». Затем разработано на уровне словесного знака в контексте психологического направления А. А. Потебней как «внутренняя форма слова». Под внутренней формой слова А. А. Потебня понимал «центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными», при этом поясняя, что внутренняя форма слова «есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [Потебня, 1993, с. 100], а представление – это «известное содержание нашей мысли ... как форма, в какой чувственный образ входит в сознание» [Потебня, там же].

В ономазиологической и мотивологической теории понятие внутренней формы слова было доработано в соответствии с направленностью исследований. Например, в ономазиологии под внутренней формой слова понимается «образ, легший в основу наименования» [Гак, 1966, с. 27], иными словами «материализованный в слове признак номинации» [Блинова О. И., 1984, с. 25], а в мотивологии внутренняя форма слова трактуется как «морфо-семантическая структура слова, позволяющая объяснить связь его звучания и значения» [Блинова О. И., 1984, с. 26]. Основное различие между этими двумя формулировками заключается в различии между ономазиологическим и мотивологическим подходом: в первом признак номинации рассматривается в контексте номинационной истории слова и, соответственно, является

диахронным; во втором изучается мотивированность слова в соответствии с принципом синхронности, «с точки зрения его реального состояния в определенный период языкового развития» [Шевчик, 2011, с. 8]. В случае, если мотивировочный и номинационный признак совпадают, внутренняя форма слова совпадет и в трактовке обоих подходов, однако если слово немотивировано или подверглось процессам ремотивации, то внутренняя форма будет толковаться по-разному в рамках ономаσιологического и мотивологического исследования.

Наиболее разработанным в отечественном языкознании является ономаσιологический подход, «который рассматривает содержательную сторону языковых единиц... с точки зрения предметной направленности, то есть соотносительности языковых единиц с внеязыковым предметным рядом как средства обозначения, именованного последнего» [Уфимцева и др., 1977, с. 19].

Несмотря на то, что само понятие «ономаσιология» как наука о выражении «психического» словом появилось в языкознании в начале XX в. (А. Цаунер (1903), К. Яберг (1917)), основные принципы, методы и понятийный аппарат ономаσιологии были сформулированы в отечественной лингвистике в 70-80х гг. XX в. Наиболее полно теоретические вопросы освещены в коллективных монографиях: «Русская разговорная речь» (1973, Гл. 5), «Языковая номинация (Общие вопросы)» (1977), «Языковая номинация (Виды наименований)» (1977), в сборниках статей, например, «Проблемы ономаσιологии» (1977) и др. Существенный вклад в разработку теории номинации внесли работы Э. С. Азнауровой (1977), О. И. Блиновой (1989), В. Г. Гака (1966, 1977), Н. Д. Голева (1972, 1974), Л. А. Капанадзе (1973), Н. Г. Комлева (1968), Е. С. Кубряковой (1986), Б. А. Серебрянникова (1977), Ю. С. Степанова (1977), В. Н. Телия (1977), И. С. Торопцева (1974), А. А. Уфимцевой (1977) и др.

К 80-м годам XX в. был сформирован основной терминологический аппарат ономаσιологии. В настоящей работе используются понятия «принцип номинации», «признак номинации» и «способ номинации». Вслед за О. И. Блиновой принцип номинации понимается как «исходное положение, правило, которое формируется на основе обобщения мотивировочных (*в нашем случае*

номинационных) признаков говорящим коллективом и одновременно служит отправной базой для новых наименований» [Блинова О. И., 1989, с. 67], а способ номинации как «прием реализации принципа номинации» [Блинова О. И., там же], который может быть прямым или опосредованным (с использованием метафоры и метонимии). Под признаком номинации понимается характерный признак реалии, положенный в основу наименования, который может либо совпадать, либо не совпадать с мотивировочным признаком.

Необходимо отметить, что термин «номинация» в ономасиологических исследованиях употребляется и «в динамическом аспекте, обозначая процесс наименования, и в статическом, обозначая результат, само наименование» [Гак, 1977, с. 232]. Отмечается и тесная связь ономасиологии с внеязыковой действительностью. Н. Д. Голев пишет: «Подход со стороны внеязыкового содержания обуславливает ... важную черту ономасиологии – ее ориентацию на рассмотрение лексических явлений со стороны их генезиса, происхождения из внеязыковых категорий» [Голев, 1974, с. 37].

В частности, Н. Д. Голев замечает по поводу описания процесса речевой номинации и его механизмов: «решение (*задачи описания процесса номинации*) далеко выходит за рамки собственно лингвистики, так как реконструировать речемыслительные процессы /к каковым и относится процесс номинации/, исходя лишь из речевого материала, вряд ли возможно или, по крайней мере, очень трудно» [Голев, там же].

Развитие ономасиологии в 70–80-х гг. шло в основном по пути структурного описания и классификации выделенных принципов и способов номинации на примере различных тематических групп лексики русского языка, его говоров и других языков, в том числе в сопоставительном аспекте (В. Г. Арьянова (фитонимы говоров Среднего Приобья, 1989); А. А. Бекбалаев (наименования лиц в немецком языке, 1979); И. В. Блинова (фитонимы русского литературного языка и говоров Среднего Приобья, 1996); Т. А. Боброва (фитонимы русского языка, 1976); К. Н. Буруханов (зоонимы казахского языка, 1971); М. М. Гинатуллин (орнитонимы русского языка, 1973); А. М. Гребнева

(фитонимы мордовских языков, 1984); В. И. Дьякова (топонимы воронежских говоров, 1974); В. В. Копчева (фитонимы русского языка и научной ботанической номенклатуры, 1985); В. К. Павел (молдавские говоры, 1983); Л. Д. Почепцова (фитонимы английского языка Австралии, 1970); А. И. Рудных (имена собственные вещей в русском языке, 1974); С. В. Соколов (орнитонимы удмуртского языка, 1973); О. П. Сологуб (орнитонимы говоров русского языка, 1987); Ю. Э. Сюръялайнен (фитонимы финских говоров Ленинградской области, 1984); Р. Я. Тюрина (названия природных объектов в говорах Среднего Приобья, 1973); Л. А. Фатыхова (названия насекомых в русском и башкирском языках, 1983) и др.

При этом практически все исследователи-ономасиологи, выделяя принципы номинации, характерные для той или иной тематической группы лексики, отмечали, что основной задачей ономасиологического анализа является выявление «объективно существующих внешних связей между словами и обозначаемыми их сущностями» [Павел, 1983, с. 88], полагая, что именно принцип номинации объективирует эти связи. Исследователи подчеркивают, что выбор того или иного принципа номинации обусловлен объективными свойствами реалий (Боброва, 1974; Гольдин, 1970; Голев, 1972; Павел, 1983; Соколов, 1973 и др.).

В то же время многие обратили внимание и на другую сторону процесса номинации, а именно на субъективность выбора признака, положенного в основу наименования, а значит и принципа номинации: «создание словесного знака как имени – факт психологии и социально-духовной жизни человека» [Уфимцева, Азнаурова, Кубрякова, Телия, с. 33]. Таким образом, работы ономасиологического направления демонстрировали интерес не только к формальной стороне номинации: образование словесного знака средствами языка на базе объективных свойств реалии, но и к прагматическим, эмоционально-экспрессивным, культурологическим факторам номинации.

Е. С. Кубрякова, анализируя ономасиологическое направление отечественного языкознания, пишет: «не вызывает сомнения тот факт, что в работах

ономасиологического направления ярко прослеживалась тенденция отразить собственно когнитивные, познавательные моменты в номинативной деятельности и особенности создаваемых в этих процессах структур сознания, которые надлежало объективировать в актах номинации» [Кубрякова, 2004, с. 61]. Разработанная российскими лингвистами теория номинации, по ее мнению, является «ранней версией когнитивизма» [там же, с. 60] и поэтому правомерно рассматривать ее как вариант когнитивной теории.

Е. С. Кубрякова предлагает термин «когнитивная ономасиология», основными задачами которой являются реинтерпретация полученных данных (в новых когнитивных терминах) и новая когнитивная трактовка целого ряда единиц и процессов номинации [там же, с. 322].

Тесную связь когнитивной науки (когнитивной лингвистики) и ономасиологии отмечает один из российских лингвистов-когнитологов Г. И. Берестнев: «самое пристальное внимание когнитивная лингвистика уделяет языковой номинации – называнию имеющихся у человека идей или представлений посредством языковых единиц» [Берестнев, 2002, с. 5]. Необходимо отметить, что как когнитивист Г. И. Берестнев в первую очередь отмечает факт называния уже не объектов или реалий действительности в процессе номинации, а «идей или представлений». И далее он замечает, что «содержательная мотивация этого акта обнаруживает актуальную в момент номинации «точку зрения» носителей языка на тот или иной фрагмент действительности и в итоге позволяет понять специфику мировидения данного народа» [там же, с. 5].

Таким образом, в отличие от традиционной ономасиологии, где в первую очередь анализировалась связь «реалия – слово» (с учетом субъективных факторов именованного), в когнитивной ономасиологии основной акцент делается на особенностях *ментального освоения* фактов окружающей действительности, уделяется особое внимание репрезентации ее объектов в сознании человека и анализируются связи: реалия – ментальная репрезентация (представление, понятие) – языковая репрезентация (слово).

Именно об этом писал Г. В. Колшанский на первых этапах становления отечественной ономазиологии: «сущность номинации заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека, абстракцию как отображение реальных предметов и явлений в сознании» [Колшанский, 1976, с. 12]. Номинация является комплексным когнитивным познавательным процессом, имеющим как доязыковую стадию формирования ментального представления, так и языковую стадию оформления результатов познания средствами языка.

Когнитивно ориентированное ономазиологическое исследование должно отвечать основным принципам когнитивного подхода к фактам языка (сформулированным Е. С. Кубряковой):

- экспансионизму, то есть активно привлекать данные других гуманитарных наук (гносеологии, психологии, культурологии);
- антропоцентризму, то есть ставить своей целью глубокое познание когнитивных способностей человека через изучение фактов языка как свойства человеческой когниции, так как «язык выступает атрибутом мыслительного существа личности человека ... и поэтому выражает в своей системе и структуре все особенности этого человеческого освоения мира» [Колшанский, 1990, с. 26];
- функционализму, рассматривая в качестве первичной когнитивную функцию языка (хранение и получение знаний), а коммуникативную как производную от нее;
- экспланаторности.

В рамках когнитивной ономазиологии, с применением разработок когнитивной лингвистики, нами сформулированы основные понятия ономазиологического анализа: признак номинации, принцип номинации и способ номинации, которые понимаются следующим образом:

- признак номинации представляет собой репрезентацию результата познания объекта действительности, зафиксированную в ментальной единице с

использованием типовых когнитивных моделей, активирующих перцептивный, рациональный и культурный фрагменты опыта;

- принцип номинации понимается как репрезентация типа членения мира в результате процессов категоризации и концептуализации реальности познающим сознанием;

- способ номинации объективирует способ концептуализации действительности: прямой способ номинации используется для фиксации полученного опыта непосредственно, характеризуя объект действительности как он есть (при формировании ментальной единицы используются пропозициональные модели); опосредованный способ номинации объективирует результаты концептуализации действительности с использованием других категорий опыта (с использованием метафоры, метонимии или кинестетического опыта, выраженного через образы-схемы) (см. обзор типов когнитивного моделирования действительности Глава 3, 3.1.).

Понятие когнитивной модели является также существенным для когнитивно-ономасиологического анализа, хотя в отличие от признака, принципа и способа номинации является понятием, описывающим формирование ментальной единицы, которая далее, в процессе номинации, репрезентируется в языке. Под когнитивной моделью понимается типовая схема, по которой информация, полученная в процессе познания объекта реальности, обрабатывается и фиксируется в сознании человека.

Таким образом, сущность процесса номинации как явления, имеющего ментальную и языковую природу, предполагает исследование номинации в рамках когнитивной лингвистики, а именно когнитивной ономасиологии. Ономасиологический анализ является одним из приемов когнитивного исследования и позволяет через выявление на уровне языкового знака (слова) признака, принципа и способа номинации исследовать особенности человеческой когниции.

Признак номинации выявляется на основе внутренней формы слова, мотивированной или реконструированной с использованием этимологических

источников. Так как признак номинации отражает характерный признак реалии, положенный в основу наименования, то в целях когнитивно-ономасиологического исследования признак номинации используется как репрезентация результата познавательной деятельности человека при взаимодействии с реальностью. Полученная информация обрабатывается, кодируется и хранится в ментальной сфере посредством когнитивных моделей: пропозициональных, метонимических, метафорических (подробнее см. Глава 3).

Существенная информация о выборе познающим субъектом той или иной когнитивной модели, кроме признака номинации, может быть получена при определении способа номинации. Так как способ номинации характеризуется как прием либо непосредственной реализации признака номинации в слове (прямой способ номинации), либо опосредованной с использованием метафоры или метонимии, то определение способа номинации позволяет сделать вывод о том, какой тип когнитивной модели репрезентируется словом: пропозициональная при прямом или метафорическая/метонимическая при опосредованном способе номинации.

На основании группировки сходных признаков номинации выявляются принципы номинации – типовые схемы, задействованные в процессе наименования. Выявление принципов номинации позволяет сделать выводы, во-первых, о том, какие ментальные механизмы были задействованы в процессе познавательной деятельности, иными словами, каким путем была получена информация о реалии, объективированная словом. Во-вторых, принципы номинации репрезентируют результаты процесса категоризации, например, выделение познающим сознанием категорий цвета, формы, размера, вкуса, оценочных категорий и др.

Таким образом, когнитивно-ономасиологическое исследование осуществляется с поэтапным применением результатов ономасиологического анализа от частного (признака номинации) к общему (способам номинации и когнитивным моделям, принципам номинации и объективированным ими механизмам мышления).

Соответственно, методика когнитивно-ономасиологического исследования реализуется в несколько этапов:

1. Выявление и формулировка признака номинации.

2. Определение способа номинации: если признак номинации воплощен в слове предикативной частью формулировки, описывающей признак реалии, то способ номинации определяется как прямой, в противном случае способ номинации является опосредованным. Поясним на примере материала исследования: РЕЗУЧКА (Костер безостый, *Bromus inermis* Leys.), признак номинации «растение режет руки», предикат «режет» реализуется в слове напрямую – «резучка».

2.1. Выявление прямого способа номинации определяет вывод о репрезентации в слове пропозициональной когнитивной модели.

2.2. Выявление опосредованного способа номинации требует дополнительно определить тип репрезентируемой когнитивной модели: метонимическая или метафорическая. Метонимическая предполагает перенос по смежности (реалия – другой объект), метафорическая когнитивная модель – по сходству (реалия – другой объект).

3. Анализ и описание типов когнитивных моделей и их подтипов, задействующих фрагменты концептуальной системы коллектива диалектоносителей, в том числе практического и культурного опыта.

3.1. Анализ выделенных метонимических когнитивных моделей предполагает выявление источника метонимического переноса и классификации моделей на основе типовых выявленных объектов-источников.

3.2. Анализ выделенных метафорических моделей предполагает выявление типовых источников метафорического переноса и классификация их на основании репрезентаций культурного опыта языкового коллектива (например, использование мифоморфной, артефактной, антропоморфной метафоры).

4. Анализ продуктивности когнитивных моделей и формирование комплексного представления о процессе когнитивного моделирования,

осуществляющегося в рамках познания фрагмента действительности, репрезентированного исследуемой тематической группой лексики.

5. Выявление принципов номинации на основании группировки сходных признаков номинации и анализ объективации ими механизмов познавательной деятельности человека: чувственного восприятия или рационально осмысленного практического опыта. Анализ задействованных при познавательной деятельности прецептивных каналов.

6. Обобщение результатов исследования.

Выводы по Главе 1

1. Фитонимика как объект лингвистических исследований обладает значительным эвристическим потенциалом, так как, во-первых, представляет собой давно сложившуюся объемную лексико-семантическую группу с обширными парадигматическими отношениями, во-вторых, репрезентирует специфику народного мировидения и культурных традиций в области взаимоотношений «человек-природа», в-третьих, переносные значения фитолексики являются источником одного из продуктивных видов метафоры – фитоморфной. Эти факторы обеспечивают востребованность лексико-семантической группы названий растений и их частей в качестве материала исследований различной аспектуализации.

2. Когнитивная парадигма исследований является одним из перспективных направлений на современном этапе развития диалектологии как науки, так как позволяет через описание и интерпретацию процессов концептуализации и категоризации окружающего мира диалектоносителями, формирования наивной картины мира, репрезентированными в диалекте, находить ответы на ключевые вопросы когнитивистики: как человеческое сознание обрабатывает и хранит информацию, полученную в процессе познавательной деятельности.

3. Когнитивно-ономасиологическое исследование фокусируется на результатах ментального освоения человеком фактов окружающей

действительности, объективированных в языке в процессе номинации, через анализ связей: реалия – ментальная репрезентация (понятие) – языковая репрезентация (слово). Данные когнитивно-ономасиологического исследования позволяют выделять когнитивные модели, задействованные языковым коллективом в процессе познания действительности, обработки, хранения полученной информации и обмена ею; классифицировать их и типологизировать; выявлять специфические культурные основания, объективированные в процессе номинации; характеризовать особенности процесса познания, проявляющиеся в использовании различных типов опыта: чувственного восприятия и рационального осмысления практических результатов взаимодействия с объектом.

Глава 2. Принципы ментальной обработки информации о внешнем мире, объективированные в диалектной фитонимике

2.1. Чувственное восприятие и рациональный опыт как механизмы познания

Процесс познания человеком окружающего мира – проблема, занимавшая умы ученых со времен античности. Несколько столетий вопросы познания разрабатывались в рамках философии и философской логики, в результате чего были сформированы два основных гносеологических подхода: рационализм и эмпиризм.

Основоположником рационалистической теории познания являлся Рене Декарт (1596–1650), предложивший метод, состоящий из 4 правил (рациональная очевидность, анализ и синтез информации, сомнение) и превращающий познание в организованную деятельность разума, предполагая познание как научное постижение.

Основы эмпиризма были сформулированы Джоном Локком (1632–1704), который считал, что непосредственно можно осознавать только сенсорные состояния, в его терминологии «идеи». По Локку, существуют всего две формы опыта: внешняя (ощущения, информация, получаемая от органов чувств) и внутренняя, представляющая собой рефлексию. Дж. Локк опровергал представления Декарта о наличии врожденных идей и интуиции, предполагая, что в нашем разуме нет ничего, что не было бы получено нами в качестве сенсорного опыта. Локк предложил законы, по которым происходит формирование сложных идей из простых ощущений, причем центральной идеей для процессов познания является идея причинно-следственной связи, которая устанавливается на основании чувственного индивидуального опыта [Шашкевич, 1976].

Идеи эмпиризма до логического предела довел Давид Юм (1711–1776), который описал содержимое человеческого разума как комплекс впечатлений и идей. По Юму, всякое восприятие имеет двойственный характер: оно ощущается живым и ярким образом как впечатление (фактически информация от

перцептивных каналов) и обдумывается (в более слабой форме) как идея, таким образом, впечатления являются причиной идей. Д. Юм писал: «Когда спрашивают, какова природа всех наших заключений относительно фактов, то самым надлежащим ответом является, по-видимому, следующий: они основаны на отношении причинности. Если далее спрашивают, что лежит в основании всех наших рассуждений и заключений касательно этого отношения, то можно ответить одним словом: опыт» [Юм, 1995, с. 42]. Традиции английского эмпиризма были восприняты и продолжены в XX в. Бертраном Расселом, который писал в одном из трудов, посвященных процессам познания: «Все наше знание реальной действительности причинно зависит от перцептивного опыта» [Рассел, 1999, с. 135] и разделял суждения восприятия на эмпирические и логические.

Один из ведущих современных когнитивных психологов Б. М. Величковский отмечает следующие основные этапы развития науки о человеческом познании в рамках когнитивной психологии [Величковский, 2006, Т.1].

1. Формирование психологии познания как науки на основе идей эмпирицистов. Разработка теории двух уровней познания: перцепции и апперцепции, предложенная Вильгельмом Вундтом (1832-1920). Представление процесса восприятия и познания как иерархически организованной структуры. Затем доминирующий в первой половине XX в. в психологии бихевиоризм прервал изучение проблемы познания практически на полвека.

2. Возвращение к проблеме восприятия и познания в психологии параллельно с общим «когнитивным бумом» в гуманитарных науках в 60-х гг. XX в. Именно тогда термин «когнитивный» стал применяться не только по отношению к процессам познания, но и к сфере восприятия и эмоций. В этот же период к процессам познания стали применять компьютерную метафору, понимая человеческую когницию как обработку информации на основе внутренних моделей, являющихся репрезентацией действительности.

3. Кризис когнитивных исследований процессов восприятия и познания в середине 80-х гг. XX в. Масштабные исследования процессов переработки

информации, в том числе с привлечением данных нейрофизиологии, не дали ожидаемых результатов в виде понимания принципов организации человеческого познания.

4. Формирование в начале XXI в. центральной идеи когнитивных наук о том, что «архитектура познания представляет собой ... скорее мозаику множества параллельных и относительно автономных в функциональном отношении процессов, а совсем не организованное в единый механизм целое» [Величковский, 2006, Т.1, с. 129]. Доминирующим способом описания архитектуры познавательных процессов становится концепция нейронных сетей. Причем, современные модели познания базируются в основном на результатах нейробиологических исследований.

Однако необходимо признать, что, несмотря на все зримые достижения в области когнитивных наук и «несмотря на широкое употребление словосочетания «процесс восприятия», понятие перцептивного процесса остается неопределенным» [Барабанщиков, 2006, с. 7]. Как единое целое перцептивный процесс неизвестен современной науке, а его природа отождествляется с динамикой отдельных сторон: приемом и переработкой информации, возникновением и разрушением гештальтов, активностью органов чувств и др. процессами [Барабанщиков, там же].

Таким образом, описание и постижение процессов восприятия, изучение механизмов познания в современной науке находится на стадии конструирования целого по частям знания, поступающим от разных наук. Нейрофизиология и нейробиология исследуют так называемое «hardware» (на основе компьютерной метафоры), в то время как когнитивная психология, лингвистика больше имеют дело с «software». Необходимо признать, что сложность феномена человеческой когниции обуславливает невозможность на сегодняшний день получения общей концепции работы механизмов восприятия и познания.

Тем не менее, не вызывает никаких сомнений факт, что перцептивные каналы являются основным источником получения информации о реально существующих объектах предметного мира. Полученная информация

(«впечатления» в терминологии философов – эмпиристов) обрабатывается на первом уровне перцепции (В. Вундт, У. Найссер), а затем на втором уровне – апперцепции – формирует представление об объекте на основе чувственного восприятия («идеи» Д. Юма), которое вербализуется. Если познание объекта происходит впервые, то процесс вербализации представления совпадает с процессом номинации объекта. Вербализованные результаты познания позволяют использовать их для исследования процессов человеческой когниции точно так же, как и результаты психологических экспериментов. Е. С. Кубрякова отмечает: «На долю лингвиста выпадает строить предположения не только о том, какая система собственно лингвистических форм стоит за речемыслительной деятельностью, но и о том, как языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как они отражают его познание. Про эту ипостась языка и говорят, что он позволяет доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человекам, структурам его сознания» [Кубрякова, 1994, с. 37].

Б. М. Величковский относит лингвистический анализ (в частности, анализ лексической семантики) к методам изучения обыденного сознания [Величковский, 2006, Т. 2, с. 91].

В частности, метод ономастического анализа предполагает выявление общих оснований для называния объекта реальности словом, группирующих сходные признаки номинации, то есть принципов номинации. Анализ типовых принципов номинации дает представление о том, как организована познавательная деятельность языкового коллектива, какие результаты познания являются основаниями для наименования, какие механизмы познания оказываются при этом задействованы.

Проведенный анализ семантики диалектных названий растений (коллектив диалектоносителей – носители обыденного, наивного сознания) демонстрирует, что познание не ограничивается результатами обработки информации, полученной по перцептивным каналам.

Безусловно, чувственное восприятие является доминирующим механизмом познания реальных, что находит свое отражение в семантике фитонимов,

фиксирующей результаты процесса номинации впервые познаваемых участков действительности. В то же время, часть наименований образована на основе признаков реалии, которые могли быть осознаны и сформулированы только в результате постепенного накапливания информации об ее свойствах на основе рационального опыта и логических умозаключений. Такой информацией являются, например, лекарственные свойства растений или их ядовитость, возможность использовать их в пищу, добавляя в какие-то блюда, возможность применять их в быту или в сакральных практиках (гадании, избавлении от нечистой силы). Даже такие характеристики растений, сформированные зрительным восприятием, как место произрастания и время цветения (или созревания плодов), предполагают накопление определенного опыта и формирования логических выводов из многократных наблюдений, например: «это растение встречается вдоль дорог (или у водоемов), растет обычно в поле или в лесу, цветет сразу, как сойдет снег, или самым первым и т.д.».

Таким образом, мы предполагаем, что обыденное сознание диалектоносителей использует в качестве механизмов познания и чувственное восприятие (информацию от перцептивных каналов), и рациональный опыт, основанный на накоплении практических результатов повседневной деятельности и логических умозаключениях. Объективацией данных механизмов познания в языке являются принципы номинации фитонимов, представляющие собой обобщения характерных признаков растений, положенных в основу наименований.

Выделяя и классифицируя принципы номинации, исследователи фитонимической лексики разделяют их на объективные и субъективные (Н. И. Коновалова), на объективные и условный (В. В. Копчева), однако основанием для подобного разделения являются такие критерии, как признаки, присущие самому растению (объективные принципы номинации), либо «эмоционально-оценочные, характеристические, сакральные и др. мотивы номинации» [Коновалова, 1993, с. 14] (субъективные принципы номинации).

В. В. Копчева выделяет отдельно условный принцип номинации, относя к нему названия растений, сформированные на основе персонификации и полагая, что «эти наименования индифферентны в смысле информативности. Основания номинации выявить достаточно трудно, если не сказать невозможно» [Копчева, 1985, с. 90]. К подобным названиям с условным принципам номинации исследователь относит такие фитонимы, как ИВАН-ЧАЙ, МАРЬЯ-КОРЕНЬ и др., репрезентирующие собой архаичное, мифологическое народное сознание, отождествляющее объекты природы с живыми существами, что и выражается в персонифицированных, «именных» названиях некоторых растений, которые чаще всего имеют распространенную практику применения в повседневной жизни людей. Н. И. Коновалова такие наименования относит к категории фитонимов с субъективным принципом номинации, наряду с названиями растений, отражающими поверья, связанные с народным календарем и языческими представлениями и верованиями (например, принципами симпатической магии) [Коновалова, 1993, с. 14–15].

Остальные принципы номинации оба автора относят к объективным, связанными непосредственно со свойствами самого растения. При этом В. В. Копчева выделяет 16 типов принципов номинации (на материале народных названий растений) с оценкой их продуктивности: окраска (цвет), форма, размер, покров, структура, общий внешний вид, запах, вкус, способ жизнедеятельности, звук, место произрастания, география растения, время активности, использование человеком, воздействие на человека, использование животными и воздействие на животных [Копчева, с. 67–90].

Н. И. Коновалова классифицирует выделенные ею принципы номинации по следующим основаниям: особенностям внешнего вида, включая сюда сходство растения с другими растениями, животными, предметами быта, частями человеческого тела, цвет и характер поверхности; вкусовым качествам; запаху; месту произрастания; характеру использования растения человеком; воздействию на человека и животных; времени цветения; реакции растения на внешние

раздражители; способу употребления растения (например, ПРИМОЧНИК, РАСТИРАЛЬНИК), всего 9 групп.

В когнитивно-ономазиологическом исследовании флористической лексики нескольких языков Н. И. Панасенко проанализировала связь процесса номинации фитонимов с каналами восприятия, классифицируя принципы номинации (в ее терминологии – мотивировочные признаки) по видам человеческой перцепции.

Тем не менее, данные исследования, в которых выделены и подробно описаны принципы номинации фитонимов, в том числе в непосредственной связи с источниками получения информации о них (каналами восприятия), не ставят вопрос об объективации в названиях растений тех или иных механизмов человеческого познания. Познавательная деятельность человека не исчерпывается переработкой информации, полученной в процессе перцепции, и факты языка способны это наглядно продемонстрировать.

2.1.1. Принципы номинации, объективирующие чувственное восприятие

Чувственное восприятие окружающей действительности базируется на функционировании в системе человеческой перцепции пяти каналов: зрительного, слухового, вкусового, обонятельного и осязательного. Объективные свойства реалий, преломляясь и интерпретируясь анализаторами каналов восприятия, приобретают субъективный характер, на основе которого познающий человек получает представление об объекте действительности. Тем не менее, информация, полученная от каналов восприятия и объективированная в семантике слова, обозначающего реалию, через признак и принцип номинации исследователями относится к информации объективной (или объектной) [Сологуб, 1987, с. 22]. Фактически, наши каналы восприятия (органы чувств) являются основными поставщиками информации об окружающем мире. С учетом этого статуса перцептивных каналов чувственное восприятие является доминирующим источником формирования ментальных представлений об объектах, которые репрезентируются в системе языка в виде слов – обозначений этих объектов.

Анализ репрезентаций процессов восприятия в языке способен дополнительно подтвердить данные психологических и нейробиологических (нейрофизиологических) экспериментов, которые выявляют приоритетность информации, поступающей по перцептивным каналам. Например, в исследовании перцептивной картины мира диалектной языковой личности, выполненном С. С. Земичевой, приведены следующие данные: «шире всего представлены обозначения зрительного восприятия (54%), в меньшей степени слухового (21%), далее по убывающей располагаются обозначения осязательных (16%), вкусовых (6%) и обонятельных (3%) ощущений» [Земичева, с. 175]. Исследования особенностей восприятия, объективированных различными тематическими группами лексики, дают дополнительную информацию о специфике перцепции при контакте с различными типами объектов внешнего мира.

В частности, работы ономаσιологической аспектуализации, в которых выделяются те или иные типовые признаки, положенные в основу номинации объектов и выполненные на материале лексики, обозначающей вещный (воспринимаемый органами чувств) мир, дополняют представление об особенностях человеческой перцепции. Рассмотрим объективацию различных каналов восприятия принципами номинации, на базе которых происходят процессы номинации объектов растительного мира. Описание приведено в порядке убывания частотности использования результатов восприятия, полученных по тому или иному каналу перцепции, в процессе номинации фитонимов, данные по частотности наглядно представлены на рисунке 2.

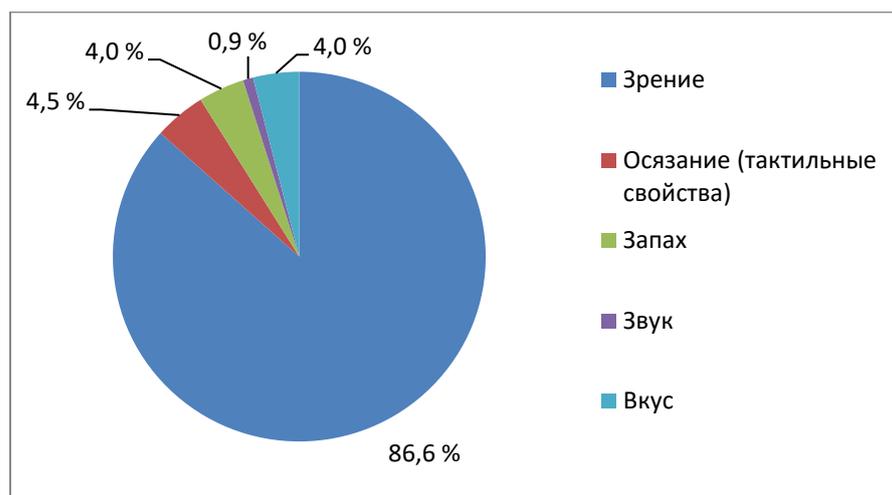

Рисунок 2 – Объективация каналов восприятия в процессе номинации фитонимов

2.1.1.1. Объективация зрительного канала перцепции

Посредством зрения человек получает различную информацию о реалиях окружающего мира: об их цвете, форме, размере, деталях внешнего вида. Наиболее существенные (яркие) признаки выделяются из целостного образа объекта и становятся базой для формирования ментального представления, репрезентирующегося в процессе языковой номинации словом. Исследователи отмечают разные принципы номинации, объективирующие зрительное восприятие: окраска и особенности внешнего вида (орнитонимы и др. зоонимы) [Гинатуллин, 1983; Голев, 1971; Соколов, 1973; Сологуб, 1987 и др.], цвет, форма, блеск (минералы) [Рудных, 1974]; цвет, внешний вид (фитонимы) [Арьянова, 1968; Блинова И. В., 1996; Копчева, 1985; Коновалова, 1993; Панасенко, 2000].

Исследуя принципы номинации народных названий птиц и рыб, О. П. Сологуб отмечает: «Признаки окраски весьма продуктивно используются в естественных условиях народной номинации объектов различного рода, поскольку именно они чаще всего являются наиболее броскими, заметными отличительными признаками называемых объектов, в большой степени отвечают

потребностям обыденного видовыделения, основывающегося прежде всего на поверхностных, бросающихся в глаза признаках» [Сологуб, 1987, с. 56]. Однако анализ принципов номинации фитонимии на первый план выводит зрительное восприятие не цвета, а внешнего вида растения: общего внешнего вида, внешнего вида и формы частей. По данным В. В. Копчевой, форма растения и его частей становится признаком, положенным в основу наименования, в 21, 3 % фитонимов, а окраска (цвет) – только в 14, 4% [Копчева, 1985].

Рассмотрим принципы номинации, выделенные на материале диалектной фитонимии Среднего Приобья и объективирующие зрительную перцепцию. Характеристики объекта, устанавливающиеся путем зрительного наблюдения и являющиеся отправной точкой наименования, можно объединить в четыре группы. Это принципы номинации по внешнему виду растения (или его части), цвету, размеру и характерным особенностям произрастания. Количественное соотношение фитонимов с принципами номинации, объективирующими зрительное восприятие, представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Принципы номинации фитонимов, объективирующие зрительную перцепцию

Внешний вид	572
Цвет	139
Характерные особенности	109
Размер	67
Всего фитонимов, объективирующих зрение	887

Рассмотрим подробнее реализацию описываемых принципов номинации в диалектной фитонимике.

1. Принцип номинации по внешнему виду.

Под внешним видом растения (части) понимается его форма, особенности строения, количество отдельных частей (листьев, цветков, частей стебля и др.) и общее восприятие внешнего вида. Это самый частотный принцип номинации,

реализованный в 64% фитонимов, объективирующих зрительное восприятие. Чаще всего данный принцип номинации реализуется в слове с использованием опосредованного способа номинации, метафоры. Диалектоносители сравнивают растение с другими, уже известными им растениями, с животными, с различными артефактами, с частями человеческого тела, с явлениями неживой природы.

Приведем примеры, в которых на основании признака номинации выделен принцип номинации, подлежащий группировке. В данной работе примеры содержат: а) русское и латинское ботанические наименования растения для идентификации денотата; б) формулировку выделенного признака номинации; в) контексты, характеризующие денотат и поясняющие основания для выделения признака номинации. Контексты содержат записи речи диалектоносителей, а также выдержки из зоны толкования словарной статьи, либо этимологические данные, обосновывающие выделение признака номинации. Географические пометы в контекстах приводятся в соответствии с источником материала [1].

БАШМАЧОК. Башмачок красный, *Cypripedium macranthum* Swartz. Признак номинации «цветы растения по форме напоминают башмачок» (рисунок 3), (форма). «Вот это башмачки. Видишь, у них цветки в форме башмачка Цветом они бело-лиловые (Том. Н. –Арх.)».

Рисунок 3 – Башмачок красный, *Cypripedium macranthum* Swartz.

Фото Д. Мезенина

КЛЮВИКИ. Аистник цикутный, *Erodium cicutarium* L.Herit. Признак номинации «семена растения по форме напоминают птичий клюв» (рисунок 4), (форма).

«Эта трава клювики. Растёт клювиками. Цветёт она красноватым цветом. А потом у неё красные клювики, как у гусей (Мар. Мар.)».

Рисунок 4 – Аистник цикутный, *Erodium cicutarium* L.Herit.

Фото Г. Чулановой

ТРЁХЛИСТНИК. Белокрыльник болотный, *Calla palustris* L. Признак номинации «растение имеет три листа», (количество). «Трёхлистник на болоте растёт. У него из одного корешка три листочка растут. Листья такие, как у ландыша, только меньше (В. –Кет., Б. Яр)».

РУБАШКА. Ярутка полевая, *Fhlaspi arvense* L. Признак номинации «семена растения находятся в плоских стручках, как будто в рубашке», (особенности строения). «Это рубашка, семена, как в рубашках (Юрг. Шал.)».

СЕМИКОЛЕННАЯ ТРАВА. Горец почечуйный, *Polygonum persicaria* L. Признак номинации «стебель растения состоит из частей (коленец)», (количество + особенности строения). «Да вот эту, которую кличут семиколенная трава. Потому что стебель у неё с семью коленами, посмотрите-ка сами (Шег. Мон.)».

Дикий МОРКОВНИК. Бутень Прескотта, *Chaerophyllum prescottii*. Признак номинации «листья растения по внешнему виду напоминают морковь», (общий внешний вид). «Дикий морковник, лис(т) как у морковки, видишь (Том. Кол.)».

Значительно реже признак номинации, характеризующий внешний вид, воплощается в слове с использованием прямого способа номинации, но подобные примеры тоже имеют место.

КУПАЛЬНИЦА. Купальница азиатская (рисунок 5), *Trollius asiaticus* L. Признак номинации «растение с яркими, красивыми цветами» («купавный – красивый» [Меркулова, с. 34-35], (общий внешний вид). «Ива цветёт весной, тальник, черёмуха белоснежная, огоньки, их ещё жарками или купальницами называют (Яйск. Ярыш.)».

Рисунок 5 – Купальница азиатская, *Trollius asiaticus* L. Фото М. Сотниковой

СПОРЫНЬ, СПОРЫШ. Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare* L. Признак номинации «растет обильным покровом/ растение с обильными мелкими листиками и цветочками» (srog- обильный [Фасмер, Т. 3, с. 738], (общий внешний вид). «А перед домом у меня вся полянка усеяна птичьей гречкой. Это спорыш по-другому или травка-муравка ещё называется (Яйск. Кайла)». «Спорыш везде при дорогах растёт, и у меня тоже вырос. У его листочки маленькие и много их на стебельку растёт. А цветочков почти и не видно, маленькие сильно. Он невысоко растёт. (А.-Судж.)».

2. Принцип номинации по цвету.

Характеристика по цвету является второй доминантой зрительного восприятия растений диалектоносителями. Исследователи фитонимики отмечают небольшой цветовой спектр, выделяемый при номинации растений [Копчева, 1985], обычно это красный, желтый, белый, синий цвета, без констатации оттенков и нюансов цвета. Причем, оттенки цвета осознаются

диалектоносителями и характеризуются ими при подробном описании многих растений, что показывают контексты употреблений фитонимов, однако непосредственно в процессе номинации оказываются задействованными только базовые цвета спектра. Иногда передается даже не цвет, а степень яркости, интенсивности цвета растения, например, ГОРИЦВЕТ. Адонис весенний, *Adonis vernalis* L. Признак номинации «растение с яркими цветами, как будто горящими». «Горицвет растёт или стародубка. Он весной цветёт с огоньками. Вон прям как горит, яркий такой (Том. Н.-Рожд.)».

В процессе обозначения реалии словом, базирующемся на цветовой характеристике растения, диалектоносители используют две основные номинационные стратегии:

А. Непосредственное обозначение цвета растения, как правило, какой-то его части (цветка, корня, стебля), например, БЕЛОЦВЕТ. Белозор болотный, *Parnassia palustris* L. Признак номинации «растение с белыми цветами». «Это белоцвет, девка, цветок беленький (Мар. Благ.)».

ЖЕЛТУНИЦА. 1. Льянка обыкновенная, *Linaria vulgaris* Mill. «Ну вот, например, желтуница растёт тоже. И цветёт-то она жёлтым, но как-то не очень высокая она трава (Яшк. Полон.)». 2. Пижма обыкновенная, *Tanacetum vulgare* L. «Желтуница цветёт жёлтыми шишечками (Кож. Ант.)». Признак номинации «растение с желтыми цветами».

СИНЕВУХА. Горечавка крупнолистная, *Gentiana macrophylla* Pall. Признак номинации «растение с синими цветами». «Синеуха, она растёт ... листья такие длинные и цветочки у ней синие (Яшк. Полон.)».

Следует заметить, что непосредственное обозначение цвета тоже может идти двумя путями: прямое обозначение (КРАСНЫЙ КОРЕНЬ) или использование антропоморфной метафоры, детализирующей часть растения, цвет которой фиксируется в фитониме, например, БЕЛОГОЛОВНИК. Признак номинации «растение с белыми цветами». 1. Зорька луговая (дрема белая), *Melandryum album* (Milld) Garke. «Белоголовник, цветок белый (В.-Кет., Мох.)». 2. Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria* (L) Maxim. «С него чай заваривают, из

белоголовника. Он белым цветёт (Том. Н.-Рожд.). Белоголовник белым цветёт, такие большие шапки, запашистый, душистый чай (Мар. Кол.). Белоголовник запашистый, бела голова, чай с его, в чаю нравится (Шег. Карг.)). 3. Ромашка непахучая, *Matricaria inodora* L. «Белоголовник беленьким цветёт, шишечки таки по ём, делаются как кувшинчик, листочки как у ромашки, всяки узорчаты бывают (Том. Меж.)».

Б. Сравнение по цвету с артефактами и другими растениями.

СЕРЕБРЯНКА. Василистник малый, *Thalictrum minus* L. Признак номинации «растение с листьями серебристого цвета» (**как серебро**). «Я знаю траву серебрянку. Это тоже в поле. Утром, когда роса, она прямо как серебряная, как серебро блестит (Яйск. Полом.). Знаешь, есть серебрянка? Трава это, она в лугах растёт, и листья у неё как серебром посыпаны (Яйск. Кайла)».

ФИАЛКА. Ирис сибирский, *Iris sibirica* L. Признак номинации «растение с синими цветами, как у фиалки». «Фиалки мелконьки, синеньки (Мар. Тюм.)».

Достаточно часто цвет является дополнительной характеристикой растения и передается в составе двусловного наименования, организованного по схеме существительное + прилагательное / прилагательное + существительное, причем существительное характеризует основной признак номинации, а прилагательное – вспомогательный, менее важный, в данном случае цвет, например: Колокольчик **СИНЕНЬКИЙ**. Бубенчик лилиелистный, *Adenophora liliifolia* Ledb. Признак номинации «растение с синими цветами». Принцип номинации «цвет (**синий**)». «Ещё колокольчики синенькие были. Они таки хорошеньки. Синенькие. На одной веточке их много-много. И пахнет хорошо. ... (Мар. Благ.)».

3. Принцип номинации по характерным особенностям произрастания

Констатируемые посредством зрительного канала восприятия свойства растения, которые являются его отличительными особенностями, свойствами, привлекают внимание, вследствие чего становятся основанием для наименования. Принцип номинации характеризуется разнородным составом признаков — он объединяет признаки номинации, которые можно обозначить как а) способ произрастания (плетистые, вьющиеся, стелящиеся по земле растения); б)

характерные свойства, обусловленные особенностями морфологического строения (выделение при надломе стебля сока, строение листьев или цветков, задерживающее воду, свойство корня мылиться и др.); в) общие свойства растения (вечнозеленое, долго не увядающее, сохраняющее форму и яркость цветка при засушивании и т.п.). Большинство фитонимов в этой группе представлены однословными наименованиями, либо двусловными, но фиксирующими один признак номинации. Чаще для передачи признака номинации (и, соответственно, принципа) используется прямой способ номинации: ВЬЮН. Вьюнок полевой, *Convolvulus arvensis* L. Признак номинации «растение вьющееся» (характерные особенности произрастания). «Вьюн есть. Его много-много растёт, и он извивается весь, оттого и называют его вьюном (Ас. Мин.)». КАЧАЛОЧКА, КАЧИЛОЧКА. Тимофеевка луговая, *Phleum pratense* L. Признак номинации «соцветие растения качается на ветру» (характерные особенности произрастания). «Растёт тимофеевка. Мы их качалочками звали али качилочками. Они такими валёчками растут. Когда ветер дует, то они качаются. Пушистенки таки (Том. Н.-Рожд.)».

ЛИПУЧКА. Подмаренник цепкий, *Galium aparine* L. Признак номинации «растение липнет, цепляется» (характерные особенности произрастания). «Липучка на тоненькой веточке, прилипнет и не оторвёшь. Зелёненьки листочки, прилипает, будто кто его намазал клеем каким, её не отдерёшь (Том. Меж.)».

Но есть и примеры использования опосредованного метафорического способа номинации (артефактная метафора): МОЛОЧНИК. Признак номинации «растение выделяет при надломе стебля млечный сок» (рисунок 6) (характерные свойства). 1. Козлобородник луговой, *Tragopogon pratense* L. «Молочник, что молочко (Том. Каф.)». 2. Одуванчик лекарственный, *Taraxacum officinale* Wigg. «Одуванчики растут, их ещё молочниками называют, потому что если сорвёшь его, то белый сок выделяется, как молочко (Яйск. Кайла)». 3. Осот полевой, *Sonchus oleraceus* L. «А это молошник. Его раздавишь, так белый сок течёт, на молоко похож (Шег. Мельн.)».

Рисунок 6 – Осот полевой, *Sonchus oleraceus* L. Фото Т. Гриб

4. Принцип номинации по размеру.

В. В. Копчева считает, что «народная номенклатура отмечает самые общие впечатления габаритов: «большой – малый»» [Копчева, 1985, с. 75]. Действительно, в основном размер растения оценивается в рамках этой оппозиции, причем, в том числе фиксируется в качестве дополнительного признака в составе двусловных наименований. В фитонимике говоров Среднего Приобья встречаются немногочисленные наименования, объективирующие оппозицию «широкий – узкий». Например, ШИРОКОПЁРНИК. Признак номинации «растение с широкими листьями (перьями)». 1. Манник водный, *Glyceria aquatica* (L) Wahl. «Широконёрник с широкими перьями на елани по низкому месту (Шег. Кайт.)». 2. Чемерица, *Veratrum* L. «Широконёрник, кукушка – лист, как у фикуса, бористый, стебель толстый, она жирная (Шег. Карг.)».

Способы выражения информации о размере растения подробнее рассмотрены ниже (см. 2.2. Репрезентация процесса категоризации в диалектной фитонимике).

Приведем примеры реализации принципа номинации по размеру: БОЛЬШЕГОЛОВНИК. Василек шероховатый, *Centaurea scabiosa* L. Признак номинации «большие цветки растения». «А это большеголовник, потому что у

него большие шишки. Чешуйчатые. Шишечки чешуйчатые, а цветок, ну, близко к сиреневому (Яшк. Полон.)».

КОНСКАЯ капуста. Чемерица, *Veratrum L.* Признак номинации «растение большого размера, конского» (рисунок 7). «Конская капуста, длинна така растёт... (Том. Меж.)».

Рисунок 7 – Чемерица, *Veratrum L.* Фото А. Гришина

Крапива МАЛЕНЬКАЯ. Крапива малая, *Urtica urens L.* Признак номинации «крапива маленького размера». «Крапива есть маленькая жалючая такая, уж шибко она жалится. Сама она невысокая такая, листочки меленькие такие и позеленее будут. И цвет у неё меленький-меленький (Том. Канд.)».

СТВОЛЫ. Борщевик рассеченолистный, *Heracleum dissectum Ledb.* Признак номинации «стебли растения большие, как стволы деревьев». «Ещё и стволы их зовут. У них толстая трубка, она высокая растёт, толстая, как ствол у дерева, бывает даже два-два с половиной метра, а там потом семена по верху. Они плоски таки, крупны. (Мар. Благ.)».

Таким образом, зрительное восприятие объектов растительного мира объективировано в диалектной фитонимике говоров Среднего Приобья 4 типами принципов номинаций, из которых превалирующим является принцип номинации по внешнему виду растения. Объективация визуальной перцепции реализуется в языке прямым и опосредованным способом номинации, последний выражается различными типами метафорического переноса (артефактная, антропоморфная, фитоморфная, зооморфная и натурфактная (объекты неживой природы)

метафора). Данные о доминирующем характере метафорической номинации по принципу «внешний вид растения (его части)» подтверждают наблюдения Н. Д. Голева о способах номинации в диалектной лексике природы: «метафорический способ номинации в гораздо большей степени связан с названиями по внешнему виду реалий» [Голев, 1972, с. 97].

Метонимический перенос как вид опосредованного способа номинации практически не задействован в формировании языковых обозначений растений, основывающихся на визуально выделяемых признаках.

Соотношение принципов номинации, объективирующих канал зрения, представлено на рисунке 8.

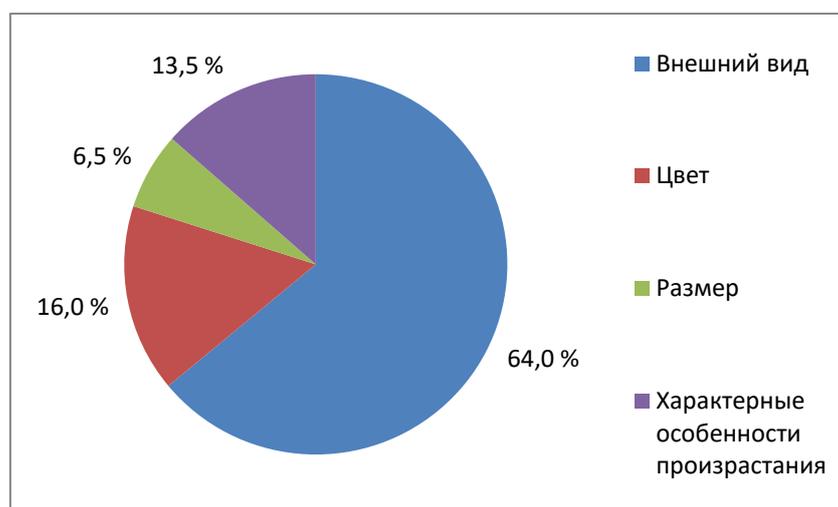

Рисунок 8 – Соотношение принципов номинации, объективирующих визуальное восприятие

2.1.1.2. Объективация осязательного канала перцепции

Осязательный канал восприятия предполагает, в отличие от зрительного, непосредственный контакт человека с познаваемым объектом. Осязание играет важную роль в познании человеком окружающего мира, а в случае утраты возможности получать информацию через визуальное восприятие, становится основным источником сведений о форме и внешнем виде различных предметов.

Исследователь модусов перцепции в языке И. Г. Рузин выделил основные результаты осязательного восприятия окружающей среды в форме оппозиций: гладкий – шероховатый, острый – тупой, сухой – мокрый, влажный, сырой, холодный – теплый [Рузин, 1994].

Н. И. Панасенко на основании результатов исследования названий лекарственных растений в нескольких языках отмечает, что осязание является вторым по значимости (после зрения) перцептивным каналом, объективированным в семантике фитонимов [Панасенко, 2000, с. 271], и выделяет несколько типов мотивировочных признаков, связанных с тактильным восприятием растений:

- Качество поверхности: грубая, прочная, гладкая, колючая, острая.
- Текстура (в сравнении с тканью): шерсть, бархат, войлок и т.п.
- Консистенция: упругая, мягкая, твердая.
- Температурные ощущения: холод – тепло.
- Ощущение наличия/отсутствия влаги: сухой – мокрый.
- Жирность
- Липкость
- «То, к чему невозможно притронуться» (порезы, ожоги и пр.) [Панасенко, 2000, с. 273].

Результаты анализа диалектной фитонимики говоров Среднего Приобья не подтверждают существенной значимости тактильных характеристик растения в процессе номинации, и соответственно, значительной роли канала осязания, описанной Н. И. Панасенко. Фактически, в среднеприобской диалектной фитонимике осязание объективируется в равной степени одинаково, как вкус и запах (Рисунок 2, Таблица 2). Также выделенные признаки номинации, связанные с осязаемыми свойствами растений, не демонстрируют такого широкого спектра качеств, как в исследовании Н. И. Панасенко, вероятно, в результате более узкой выборки языкового материала (напомним, что в исследовании Н. И. Панасенко привлекались данные нескольких языков). В диалектной фитонимике Среднего

Приобщая объективация осязательного канала представлена признаками: мягкий - жесткий, гладкий – негладкий, теплый – холодный, колючий, мокрый.

Процесс наименования растений на основе тактильных свойств происходит двумя путями: либо путем прямой констатации качественной характеристики (мокрый, колючий, мягкий, гладкий) с использованием прямого способа номинации, либо через сравнение с эталонным объектом, обладающим в представлении именуемого схожими осязаемыми качествами, то есть с использованием метафоры.

Приведем примеры прямого обозначения тактильных свойств. КОЛЮЧКА. Репейничек волосистый, *Agrimonia pilosa Ledeb.* Признак номинации «растение с колючими соцветиями». «*Колючка, или его называют репешок. ... А когда осенью он отцветет, у него такая вот...прилипает к одежде она всё время, колючечки (Яшк. Полон.)*».

МОКРИЦА. Звездчатка-мокрица, *Stellaria media (L.) Cyr.* Признак номинации «растение влажное, мокрое на ощупь». «*А мокрицей называется потому, что она всегда сыровата, ее порвёшь, и руки потом мокры (Ас. Мин.)*».

Примеры метафорического обозначения результатов тактильного восприятия через эталонный объект: БАРХАТНИК, БАРХОТКА. Медуница мягчайшая, *Pulmonaria mollissima A. Kerner.* Признак номинации «листья растения мягкие и опушенные, как бархат». «*У бархотки листья длинные, бархатистые (Тайга)*».

ЗАЯЧЬИ УШКИ. Медуница мягчайшая, *Pulmonaria mollissima A. Kerner.* Признак номинации «листья растения мягкие, как уши зайца». «*Заячьи уши коровы любят, они мяконьки таки, пушисты (Мар. Кол.)*».

ШЕЛКОВНИК, ШЕЛКОВА ТРАВА. Ковыль перистый, *Stipa pennata L.S. ampl.* Признак номинации «соцветия растения мягкие, как шелк». «*Шелковником называют ковыль (Яшк. Итк.) Ковыль, он лохматенький, белёсый, как пушинки на нём, пушистый (Мар. Мар.)*».

Иногда сравнение с эталоном достигает высокого уровня абстракции и задействует не столько его познаваемые на ощупь свойства, сколько

архетипические представления об образах мягкости, тепла, холода и др. Например, МАТЬ-И-МАЧЕХА. Мать-и-мачеха обыкновенная, *Tissilago farfara* L. Признак номинации «листья растения с одной стороны холодные и гладкие на ощупь, как мачеха, с другой – мягкие и теплые, как мать». «Про мать-и-мачеху..., мать – внизу, тёплая, мягкая мать, вверху гладкая – это мачеха. Мачеха-то неласковая, а там-то ласкова, бархатна, это-то мать, а это тётка (Том. Аник.). Вikanька, про эту, как её, твою мать-и-мачеху вспомнила, у нас маменька всегда про её говорила, что она с одной стороны мягкая, как мать, а с другой жёсткая, как мачеха, вот и название такое замудрёное (Асино). «Мать-и-мачеха...у ей одна сторона холодна, хоть солнышко грет, а друга всегда тёпленька, как мать. Значит, котора холодна – мачеха (Ас. Мин.)».

ЦАРЬ-ТРАВА. Чертополох курчавый, *Carduus crispus* L. Признак номинации «очень колючее растение». «Царь-трава, потому что не подойдешь – колюча. ... Рукой простой не возьмешь (В.-Кет. Б. Яр)».

Чаще всего, тактильный признак является основным и единственным основанием для номинации словом, но в некоторых случаях он может быть дополнительной характеристикой растения, выраженной прилагательным в двусловной номинации и имеющей видоразличительное значение, например, пучка ГЛАДКАЯ (Дудник лесной, *Angelica sylvestris* L.) и пучка НЕГЛАДКАЯ (Борщевик рассеченолистный, *Heracleum dissectum* Ledb.).

Характеристики растений, основывающиеся на результате тактильного взаимодействия человека с ним, рассматриваются нами как объективация рационального опыта, безусловно, базирующегося на осязательной перцепции, но тем не менее не являющимися именно тактильной характеристикой самого объекта. Например, осязаемым качеством растения являются его острые листья, а результатом взаимодействия с ним (кстати, необязательным) – возможность пореза; наличие жгучих волосков на стебле – свойство растения, а ожог руки – результат взаимодействия с ним. Основываясь на этой логике, мы рассматриваем наименования, констатирующие воздействие растения на человека при тактильном контакте, типа РЕЗУЧКА, ОЖАЛЬНИК, ЖГУЧКА как объективацию

рационального, практического опыта человека, а не непосредственно чувственного восприятия.

Объединенные в группу «принцип номинации: тактильные свойства», признаки номинации диалектных фитонимов не подтверждают тезис С. С. Земичевой о том, что «тактильные характеристики животных, растений также отмечаются реже, обычно в тех случаях, когда имеют практическую ценность» [Земичева, 2016, с. 148].

По нашим наблюдениям, номинация растения по тактильным свойствам имеет второстепенный характер и происходит в случае наличия у растения выраженного признака, связанного с осязательным каналом получения информации, и не имеет прямой зависимости от практического применения растения и его ценности для диалектоносителей.

2.1.1.3. Объективация обонятельного канала перцепции

Обонятельный канал перцепции объективируется в языке фитонимами с принципом номинации «по запаху». Анализ материала данного исследования подтверждает наблюдение Н. И. Панасенко о свойстве обоняния как канала получения информации о растениях: «По отношению к обонятельным ощущениям важно отметить более выраженный, нежели в других внешних ощущениях, чувственный тон этих ощущений, заключающихся в переживании удовольствия или неудовольствия» [Панасенко, 2000, с. 281].

Действительно, большая часть названий растений, в основу наименования которых положена характеристика по присущему им запаху, образована прямым способом номинации и непосредственно информирует о приятном/неприятном качестве запаха (27 фитонимов из 41).

1. Признаки номинации, характеризующие неприятный запах. Содержат в семантике коннотативные компоненты, выражающие негативную оценку. Чаще всего реализуются в слове напрямую, с использованием прямого способа номинации и определения неприятного запаха как «вони» (ВОНЮЧКА,

ВОНЮЧНИК, ВОНЮЧИЙ корень, ВОНЮЧИЕ огоньки). Например, ВОНЮЧКА. Признак номинации «растение с неприятным запахом, вонючее». 1. Адонис весенний, *Adonis vernalis* L. «Вонючка вонюча така. Их так и называли вонючки. Они среди огоньков растут (Том. Н.-Рожд.)». 2. Вонючка обыкновенная, *Cimicifuga foetida* L. «А ещё вонючка, вонючая (Крив. Каз.)».

В единичных случаях неприятный запах может быть обозначен метафорически, например, через образ черта как отрицательного персонажа христианской мифологии: ЧЕРТОВО серебро (Василистник вонючий, *Thalictrum foetidum* L.). «Многолетнее, покрытое жестковатыми волосками и железками травянистое растение с неприятным запахом (зона толкования)».

2. Признаки номинации, характеризующие приятный запах. Реализованы в слове напрямую, непосредственно корневой морфемой слова «душистый»: ДУШНИЦА, ДУШНИЧКА, ДУШМЯНКА, ДУШОК, ДУШИЧКА. Душица обыкновенная, *Origanum vulgare* L. Признак номинации «растение с приятным запахом, душистое». «Эта трава, как лето наступат, все поляночки, овражки, дороженьки – все в ей. Травица пахучая така, где растёт она, воздух сладкий такой и пчёллов вокруг множество летат (Бакч. Порот.)». «Душички трава. Пахнет хорошо. Можно чай пить. Тоже от давления, и от головы, и от всего (Яйск. Мальц.)».

В некоторых случаях приятный запах является дополнительно выделяемым признаком, и это свойство реалии объективируется в двусловном наименовании одной из частей, выраженной прилагательным: ромашка ДУШИСТАЯ (Ромашка дисковидная, *Matricaria matricariodes* (Less.) Porter.), ДУШИСТЫЙ горошек (1. Чина клубненосная, *Lathyrus tuberosus* L. 2. Чина луговая, *Lathyrus pratensis* L.).

Кроме приятного/неприятного запаха, в наименовании растения может быть зафиксирован:

А. Факт наличия у растения интенсивного запаха без его оценки по шкале приятный – неприятный. Например, ПАХУЧКА. Чернокорень лекарственный, *Synoglossum officinale* L. Признак номинации «растение пахучее, с сильным

запахом». «Пахучка встречается возле щебнистых залежей. Это травка такая, сильно пахнет она, цветёт лиловым цветом (Яйск. Кайла)».

КУПЫРЬ. 1. Борщевик рассеченолистный, *Heracleum dissectum Ledb.* 2. Дудник лесной, *Angelica sylvestris L.* Свиный КУПЫРЬ. Бутень Прескотта, *Chaerophyllum prescottii*. Зонтичные растения с сильным запахом называются купырь, от корня – коп, то есть «пахучий» [Меркулова, 1967, с. 65–66].

Б. Характеристика запаха растения в сравнении с каким-либо объектом – источником похожего запаха. Реализуется в слове через опосредованный способ номинации, метафору. Например, МЕДОВНИК, МЕДОВАЯ ТРАВА. Признак номинации «растение имеет запах, похожий на мед». 1. Дербенник иволистный (плакун иволистный), *Lythrum salicaria L.* «Медовник. Растёт на болотах, и запах у него, мёдом пахнет. ... (Мар. Благ.)». 2. Подмаренник настоящий, *Galium verum L.* «Медовники на полях растут. Цветы жёлтые, как у одуванчика, но они высокие и мёдом пахнут (Том. Н.-Рожд.)». 3. МЕДОВНИК. Золотарник обыкновенный (золотая розга), *Solidago virgaurea L.* МЕДОВУЛЬНИК. Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria (L) Maxim.* Признак номинации «растение имеет запах, похожий на мед». «Белоголовник, всё медовульником кличут (Крив. Перш.) ...По полям едешь – его много. Вкусно пахнет, как мёдом. Чай им часто заваривают (Чебул. Н.- Ал.)».

МЯТА, лесная МЯТА. Душица обыкновенная, *Origanum vulgare L.* Признак номинации «Растение пахнет, как мята». «Мята, душичка. Она сиреневым с розовым оттенком цветёт. Также собираем её для чая (Мар. Мар.)».

КЛОПОВНИК. Признак номинации «растение пахнет, как клопы». 1. Клоповник обыкновенный, *Lepidium ruderale L.* «Клоповник есть. Но он как клопы пахнет. А знаешь чё, даже в малине есть.... (Том. Н.-Рожд.)». 2. Ярутка полевая, *Fhlaspi arvense L.* «Есть така травка вонючка, что клоп, клоповник. Вонючка-вонючка. От как клопами прям. ... (Том. Н.-Рожд.)». Эти фитонимы наименее частотны (13 из 41 наименования) и фактически описывают ассоциации по запаху с тремя объектами-эталоном: мед и мята, клоп.

2.1.1.4. Объективация вкусового канала перцепции

Вкусовая перцепция объективирована в фитонимике говоров Среднего Приобья группой наименований, образованных на основе принципа номинации по вкусу растения.

С. С. Земичева, сравнивая языковую реализацию вкусовой перцепции в речи диалектоносителей с языком художественной литературы, отметила, что «диалектоноситель использует вкусообозначения чаще в прямом значении» [Земичева, 2016, с. 166].

Тем не менее, если говорить о тематической группе названий дикорастущих травянистых растений, чей вкусовой диапазон в принципе достаточно ограничен, то объективация вкусовой перцепции реализуется примерно в равных долях прямым способом номинации и опосредованным (метафорой): из 41 фитонима, характерным признаком наименования которого является вкус, 22 фитонима образованы прямым способом номинации, 19 фитонимов – опосредованно, через сравнение с вкусами других объектов.

Приведем примеры прямого способа номинации: ГОРЧАК. Горец перечный, *Polygonum hydropiper* L. Признак номинации «растение горькое на вкус». «Однолетнее голое травянистое растение. ...Трава растения обладает горьким жгучим вкусом (зона толкования)».

ГОРЧАНКА. Змееголовник поникающий, *Dracoscephalum nutans* L. Признак номинации «растение горького вкуса». «Это горчанка. Она почему-то ... наверно, горьковатая (Яшк. Полон.)».

КИСЛЕНИЦА, КИСЛИЦА, КИСЛИЧКА, КИСЛИЧНИК. Признак номинации «растение кислое на вкус». 1. Кислица заячья, *Oxalis acetosella* L. «Сначала кисличку ели. Три листика, очень вкусенькая такая, кисленькая (Карг. Карг.). Называли мы её кислицей. Она кисленькая, если её всё время (Чаин. Об.)». 2. Щавель малый, *Rumex acetosella* L. «Кисленица – трава така под вид щавеля. Такая же кислая. ... (Кож. Ант.)». 3. Щавель обыкновенный, *Rumex acetosa* L. «Кисличка, так называют щавель, он кислый (Алекс. Св. Пр.)».

При опосредованном способе номинации вкус объективируется через сравнение с объектом – эталоном. Например, в синонимичном названии уже упомянутого растения Горец перечный, *Polygonum hydropiper* L. горький, жгучий вкус выражается через сравнение с известным диалектоносителям эталоном горького вкуса: ПЕРЕЦ, водяной ПЕРЕЦ. «Его ешшо водяной перец называют, он очень горький, как перец (Тис. Комс.)».

Приведем другие примеры использования при объективации вкуса опосредованного способа номинации.

МЕДУНИХА, МЕДУНИЦА, МЕДУНИЧКА, МЕДУНОЧНИК, МЕДУННИК. Медуница мягчайшая, *Pulmonaria mollissima* A. Kerner. Признак номинации «растение сладкое, как мед». «От простудных заболеваний ещё медуница есть, она со сладким привкусом, поэтому и зовётся медуницей (Яйск. Кайла). Когда вырвешь этот цветочек – сладкий-сладкий. Медунки поэтому. Ели корешок, но корешок не сладкий. А ели цветок сладкий. И поэтому называли медунки (Том. Н.-Рожд)».

Сравнение с эталонным объектом может осуществляться двусловными наименованиями, где основным признаком, положенным в основу номинации, является горький (жгучий) вкус, но добавляется уточнение, выраженное прилагательным «дикий», «полевой», например, ДИКИЙ ЧЕСНОК (ЧЕСНОК ДИКИЙ), ПОЛЕВОЙ ЧЕСНОК. Признак номинации «растение горькое, как чеснок. 1. Лук косой (уксун), *Allium obliquum* L. «А это у нас называют чеснок дикий (Тяж. Н.-Преобр.)». 2. Лук победный (черемша), *Allium Victorialis* L. 3. Лук-резун, *Allium schoenoprasum* L. «Дикий чеснок или скорода. Это она на лугах растёт. Мы его в голодный год ели (Асино)».

Таким образом, всего в диалектной фитонимике объективируются три варианта результатов вкусовой перцепции: характеристика вкуса растения как сладкого, кислого, горького (жгучего как оттенка горького вкуса), при этом сладкий является наиболее редким вкусом, зафиксированным в семантике фитонимов (9 из 41 наименования).

2.1.1.5. Объективация слухового канала перцепции

Несмотря на то, что слуховой канал перцепции является в целом достаточно значимым в общей картине человеческого восприятия (см. работы С. С. Земичевой, И. Г. Рузина, Н. А. Рябининой (Верхотуровой), Т. А. Демешкиной, Л. Б. Крюковой, Н. В. Куриковой и др.), в семантике фитонимов он объективируется самым незначительным образом. С. С. Земичева предположила, что это «связано, по-видимому, с тем, что эти звуки (*звучание растений*) не значимы в практическом или культурном плане» [Земичева, 2016, с. 133].

На наш взгляд, причина столь малого количества наименований растений, в основу которых положены признаки, характеризующие издаваемые звуки, в том, что производство звуков в принципе не характерно для растений, а если это происходит, то звучание растения становится ярким признаком и отмечается в процессе номинации. Действительно, по оценке В. В. Копчевой, принцип номинации по звуку реализован в самом меньшем количестве народных названий растений – всего 0,3 % [Копчева, 1985, с. 68]. Материал фитонимики говоров Среднего Приобья подтверждает эту тенденцию, всего 9 фитонимов объективируют слуховой канал восприятия, что составляет 0,9 % от всех названий растений, обозначающих характеристики реалий, полученные через чувственное восприятие.

Признаки номинации, связанные со слуховым восприятием и формирующие принцип номинации по звуку, можно условно разделить на 2 группы:

1. Признаки, характеризующие сам факт того, что растение издает какой-то шум. Может реализовываться в слове напрямую, прямым способом номинации, либо обозначаться опосредованно, через сравнение. Например, ШУМИХА, ДЕНЕЖКА, ДЕНЕЖНИК. Погремок обыкновенный, *Rhinanthus crista galli* L. Признак номинации 1: «растение издает шум». Признак номинации 2: «растение издает шум, как будто денежки гремят». «*Это денежник называют, он будет греметь, когда итцветёт (Том. Верш.)*».

2. Признаки, описывающие характер издаваемых звуков (щелчки, скрип). Реализуется в слове с помощью прямого способа номинации, корневой морфемой слова, обозначающего звук. Опосредованных, метафорических способов номинации не выявлено. Например, ЩЕЛКУНЕЦ. Зорька луговая (дрема белая), *Melandryum album (Milld) Garke*. Признак номинации «растение издает щелчки». «*Двулетнее травянистое растение ...с белыми пятилепестковыми цветками, чашечка которых во время образования плодов сильно вздувается, покрывает коробочку с семенами, при раздавливании может издавать щелкающий звук (зона толкования)*». СКРИПУН. Хвощ зимующий, *Equisetum hiemale L.* Признак номинации «растение скрипит». «*Полевой хвощ пушистый очень, а бывает другой, бывает ещё такой: у него стебель в пальчик, скрипун называется, им полы раньше натирали. Его два-три в пучок возьмешь, и он скрипит так между собой (Чаин. Об.)*».

Соответственно, слуховой канал является наименее активным при познавательной деятельности человека, связанной с растительным миром, что объясняется спецификой самих объектов познания, не являющихся, как правило, источниками звука. Те немногие наименования, в основу которых в процессе номинации положены характеристики по звуку, формируются в языке, как правило, через прямую передачу информации о качестве звука либо о самом факте звукопроизводства. Метафора в этой области – явление единичное.

Таким образом, проведенный анализ диалектной фитонимики Среднего Приобья подтверждает данные исследований человеческой перцепции о доминирующей роли зрительного канала восприятия в познавательной деятельности человека (86,6% фитонимов). Посредством зрения человек получает информацию о растениях, которая становится основанием для фиксации данной характеристики словом: а) внешний вид растения в целом или его характерной части (цветка, листа, корня, стебля); б) цвет (обычно цветка, реже корня, стебля, листа); в) размер растения; г) характерные особенности произрастания.

Безусловно, посредством зрения человек получает информацию и о месте произрастания растения, но так как фиксация этого признака требует накопления

данных, рационального осмысления приобретенного опыта наблюдений растения в том или ином месте обитания, то принцип номинации по месту произрастания отнесен нами к объективации иного механизма познания – рационального опыта. Кроме того, как показывает материал, многие обозначения места произрастания, выраженные прилагательными в составе двусловных наименований, первая часть которых содержит сравнение дикорастущего растения с культурным, являются оценочной характеристикой растения как «ненастоящего» («дикий», «полевой», «лесной») и не связаны с визуальным наблюдением растения в той или иной среде обитания.

Для объективации визуального канала восприятия характерна фиксация полученной информации в процессе номинации опосредованным способом через сравнение с уже известными объектами: артефактами, другими растениями (фитоморфная метафора), животными, частями тела человека и др.

Гораздо менее значимыми являются каналы осязания, вкуса и обоняния. Для фитонимов, объективирующих эти каналы, в большей степени характерен прямой способ номинации, передающий информацию о характерном признаке напрямую, корневой морфемой слова, обозначающего в языке этот признак. Реже используется опосредованный способ номинации - сравнение с объектами-эталоном, что особенно характерно для объективации осязательного и обонятельного каналов.

Слуховой канал объективируется единичными фитонимами. Данные по объективации восприятия как механизма познания принципами номинации названий растений в диалектной фитонимике приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Объективация каналов восприятия в процессе номинации фитонимов

Вид чувственного восприятия (канал перцепции)	Кол-во фитонимов	% от общего кол-ва (чувств. восприятие)	Прямой способ номинации	Опосредованный способ номинации (метафора)
Зрение	887	86,6	186	701
Осязание	46	4,5	22	24
Запах	41	4,0	27	14
Вкус	41	4,0	22	19
Звук	9	0,9	7	2

2.1.2. Принципы номинации, объективирующие рациональный опыт как механизм познания

Практический характер процесса номинации растений (и лексики природы в целом) не раз отмечался исследователями (Н. Д. Голев, Н. И. Коновалова, В. В. Копчева, Р. Я. Тюрина и др.), причем отмечается, что именуются в основном растения, имеющие для языкового коллектива практическую ценность, значимость: «практическая ценность объекта – одно из главных условий его наречения» [Копчева, 1985, с. 47]. Также констатируется значительная роль положенных в основу наименования признаков, которые характеризуют полезное применение растений (в народной медицине и ветеринарии, в быту).

Следует заметить, что любой практический опыт взаимодействия с природными объектами, растениями в частности, полученный языковым коллективом, предполагает накопление эмпирических данных и их рациональное осмысление в рамках культуры народного природопользования. Результаты подобного осмысления, сформированные традиции использования растений в различного рода лечебных, бытовых и сакральных практиках, безусловно, должны были найти отражение и закрепление в языке. Собственно, одна из основных функций языка – это функция накопления, хранения и передачи знаний. Именно поэтому в фитонимике любого языка могут быть выделены принципы номинации, объективирующие полученный рациональный опыт взаимодействия «человек – мир растений».

Диалектная фитонимика как тематическая группа лексики, которой оперирует население деревни, представляет интересный материал для выделения подобных принципов номинации. Традиционный уклад жизни крестьянства предполагает интенсивное использование растений в повседневной жизни и формирование в течение нескольких поколений настоящей сокровищницы знаний об их съедобных и лекарственных свойствах или потенциальной вреде, а само сознание деревенского жителя, пронизанное народной и христианской

мифологией, фольклором, склонно наделять некоторые растения сверхъестественными свойствами и воспринимать их как живые существа.

Например, названия растений в говорах Среднего Приобья при выявлении признаков номинации, положенных в основу наименования, демонстрируют существенную роль именно рационального осмысления как механизма познания окружающей действительности. Эти признаки по своей схожести могут быть объединены в несколько типовых принципов номинации, разделяющихся на две качественно различные группы.

Первая группа принципов номинации, объективирующих рациональный опыт как механизм познания, связана с теми свойствами растений, которые могут иметь непосредственное отношение к человеку: это накопленный опыт их применения, знания о воздействии на человека и домашних животных (чаще вредное), оценка свойств растения как полезного или как вредного. В целом, эти принципы номинации могут быть обозначены вслед за Н. И. Коноваловой [Коновалова, 1993, 2001] как субъективные.

Вторая группа принципов номинации объективирует те знания о растениях, которые языковой коллектив обобщал и осмысливал в процессе познания их как объектов окружающего мира, но эти знания содержат информацию о каких-либо свойствах растения, не связанных с практическим использованием человеком. Например, информация о месте произрастания, времени цветения, информация о свойствах растения, которая могла быть получена только эмпирическим путем и наблюдениями (разделение папоротников на мужской и женский (ЖЕНСКИЙ ПАПОРОТНИК, Орляк обыкновенный, *Pteridium aquilinum* (L) Kuhn.)). Эту группу принципов номинации обозначим как объективные.

2.1.2.1. Субъективные принципы номинации

Значительная доля наименований растений с субъективным принципом номинации – это названия растений, используемых человеком для своих нужд: в народной медицине и ветеринарии; в быту в качестве ингредиентов блюд и

хозяйственных предметов; в сакральных практиках (избавлении от нечистой силы, гаданиях); использование растения как корма для домашних животных или наблюдения за их пищевыми предпочтениями. Кроме практического применения, диалектоносители фиксируют в фитонимах полученный опыт вредного воздействия растения на человека или животное. Рассмотрим эти принципы номинации.

1. Принципы номинации, объективирующие опыт применения человеком для своих нужд.

Наибольшее количество фитонимов в этой группе связано с лекарственными свойствами растений, благодаря которым они могут излечивать определенные болезни или органы (109 фитонимов); применением в пищу и использованием в хозяйстве, в сакральных практиках, в частности, для очищения от нечистой силы (65 фитонимов); а также использованием в детских играх и гаданиях (11 фитонимов).

1.1. Лекарственное применение (примеры):

ГРЫЖНАЯ ТРАВА, ГРЫЖНИК. Звездчатка-мокрица, *Stellaria media* (L.) Сур. Признак номинации «растение лечит грыжу» (**болезнь**). «Есть ещё трава, грыжная называется. Она такая невысокая, как будто вовсе без стеблей, светло-зелёная, по земле стелется. Сорняк, но говорят, если прикладывать к больному месту – грыжа проходит. ... (Чаин. У.-Б.). ...Хотя мне говорили, что она помогает при болезнях легких, печени, от грыжи. Её ещё грыжник называют, но не знаю (Яшк. Полом.)».

ПОРЕЗНИК. Клевер белый, *Trifolium repens* L. Признак номинации «растение лечит порезы» (**болезнь**). «Клевер белый, порезник. Потому что при порезах её прикладывают. Она моментом затягивает. ... (Яшк. У.-С.)».

ШУМОВКА. Льянка обыкновенная, *Linaria vulgaris* Mill. Признак номинации «растение лечит головную боль (шум в голове)» (**болезнь**). «А вот это шумовка. Она от шума в голове. Когда вот голова сильно шумит, её и пьют. Шумовка, она жёлтеньким цветёт. ...Её собирают, сушат, когда цветёт, она всё лето цветёт, а потом от головы пьют, чтобы, значит, голова не болела (Мар. Кол.)».

СЕРДЕЧНИК, СЕРДЕЧНАЯ ТРАВА. Пустырник пятилопастный, *Leonurus quinquelobatus Gilib.* Признак номинации «растение лечит болезни сердца» (**орган**). «А вот сердечная трава от давления и сердца хорошо помогает. ... (Том. Бобр.). Сердечник, мелкие розовые цветки, используют как сердечное средство (Том. Н.-Арх.)».

1.2. Применение в быту и сакральных практиках (примеры):

БОРЩОВНИК. Признак номинации «растение используется как ингредиент для борща». 1. Борщевик рассеченолистный, *Heraclium dissectum Ledb.* «А борщовник, так его есть можно. ... (Яйск. Мальц.)». 2. Щавель обыкновенный, *Rumex acetosa L.* «То конский ишавель называются, а то едят его, это борщовник, он кислый (В.-Кет. М. Яр).

КРЫНОЧНИК. Плаун деряба, *Lycopodium annotinum L.* Признак номинации «растение используется для мытья крынок». «Крынки мыли им, ишо его крыношником звали (В.-Кет. Б. Яр)».

РУМЯНКА. Синяк обыкновенный, *Echium vulgare L.* Признак номинации «растение используется как румяна». «Это румянка, его цветами девки щёки румянили, в их краска красная есть, но оно ядовитое (Мар. Благ.)».

ЧЕРТОПОЛОХ. Синеголовник плосколистный, *Eryngium planum L.* Признак номинации «растение помогает против нечистой силы, отпугивает». «Это не колючка, а чертополох, всякую нечисть от дома отводит, а ещё синеголовником зовут, от испуга хорошо (Юрг. Юрг.). Вот такой травы чертополоха нарвать да класть кругом во дворе. Всяка дрянь, плохой человек не зайдёт, а то и зайдёт, так назад повернёт. ... (Том. Аник.)».

2. Принцип номинации, объективирующий опыт применения растения в качестве корма для домашних животных.

Не менее ценным практическим опытом использования растений являются наблюдения за пищевыми привычками сельскохозяйственных животных. Накопленная информация о добавлении в рацион кормления дикорастущих трав фиксируется в качестве нужных сведений в фитонимах. В качестве исходного источника для наименования используется название животного, для корма

которого используется то или иное растение, чаще всего, это свинья и гусь, реже корова, конь, курица. Приведем примеры.

ГУСИНАЯ ТРАВА. Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare* L. Признак номинации «растение, которое едят гуси». «Спорыш, у него названий много. ... Ну, его ещё называют гусиная трава, потому что гуси, гуси очень хорошо на нём жиреют. ... (Бел. Бач.). Это гусиная трава. Она такая мелкая. ...Её гуси очень хорошо едят (Мар. Знам)».

КОРОВНИК (БЕЛОГОЛОВНИК). Сныть обыкновенная, *Aegorodium podagraria* L. Признак номинации «растением питаются коровы». «Белоголовник коровы его любят (Юрг. Шал.)».

СВИНАРНИК, пучка СВИНАРНИКОВАЯ, пучка СВИНЯЧА. Бутень Прескотта, *Chaerophyllum prescottii*. Признак номинации «растение употребляется в корм свиньям». «Свиняча пучка везде растёт. Белым цветёт. Много цветов. Её свиньи едят и поправляца. ... (Том. Н.-Рожд.). Есть ешио свинарник, пучка свинарникова, свинарник, лис(т) отменный, на морковь походит (Том. Кол.)».

ЧУШАТНИК, лопух СВИНЯЧИЙ. Ширица колосистая, *Amarantus retroflexus* L. Признак номинации «растение употребляется в корм свиньям». «Это чушатник, свиньи хорошо едят (Том. Яр.)».

Также имеется единичный пример фиксации информации о питании диких животных, например, МАРАЛИЙ КОРЕНЬ. Левзея сафроловидная, *Leuzea carthamoides* (Willd). Признак номинации «растение употребляют в пищу маралы». «Собирали маралий корень, трава такая долголетняя. ... Его марал, олень, любит, и потому он так называется. Он при мужских и женских болезнях помогает. Его пить надо. (Яйск. Мальц.)».

Доминирующим способом номинации для этих двух принципов является метонимический перенос по типам: «болезнь – растение», «излечиваемый орган – растение», «блюдо – растение», «животное – растение», «предмет бытовой – растение», реже используется прямой способ номинации, и практически не задействован метафорический способ. Способ номинации дополнительно подчеркивает рациональный и практический характер формирования названий

растений, так как необходимо максимально точно зафиксировать информацию о применении и сохранить ее для передачи последующим поколениям.

3. Принцип номинации, объективирующий знания о воздействии на человека или животных, о свойствах растения как ядовитого или вредного.

Кроме знаний о полезном применении растений важной для диалектоносителей является информация о потенциальной угрозе, вреде, который может быть нанесен человеку или сельскохозяйственным животным после употребления растения внутрь или при тактильном контакте. Данная информация объективируется признаками номинации, характеризующими либо свойство растения как ядовитое, вредное, либо сообщаящими информацию о результате воздействия растения на человека/животных. Чтобы не создавать разветвленную классификацию, все эти признаки можно объединить в одну группу по принципу номинации «воздействие на человека или животных/ядовитые, вредные свойства растения».

Данный принцип номинации реализуется в слове тремя способами номинации: прямым, опосредованным метафорическим и опосредованным метонимическим. Прямой способ номинации используется, когда результат воздействия растения на человека фиксируется в слове напрямую, с использованием корневой морфемы глагола, обозначающего действие растения, или прилагательного, описывающего вредную характеристику растения (всего 24 фитонима). Например, ВОДОРЕЗНИК, РЕЗУНЕЦ. Телорез алоэлистный, *Stratiotes aloides* L. Признак номинации «растение режется». *«Водорезник как столетник колючий в оёрах (Зыр. Черд.). Водяная трава под вид алая, резунец, по нём пойдёшь голой, царапятся сильно, нацарапат, покраснеет (колп. В.-Заим.)».*

РЕЗУНЕЦ, РЕЗЕЦ. Осока, *Carex* L. Признак номинации «растение режется». *«Бывает рукой заденешь резунец, и кровь потекла. Это травка с узкими листочками. Вот оне-то и режутся. Чтоб заживало быстрей, подорожник прикладываю (Кож. Урт.). Резец есь, который идёшь и порезать ноги можно. .. (Том. Меж.)».*

Пучка СОРОВАЯ (БОРЩОВНИК). Борщевик рассеченолистный, *Heracleum dissectum Ledb.* Признак номинации «растение засоряет покосы, вредное». «Кода косят, говорят: «Ой, кака там трава плоха, там один борщовник». Они уже вроде как сено надо сгребать, а оно вроде как сыровато. Плоха трава, кода один борщовник. ... (Том. Верш.)».

Опосредованный метафорический способ номинации (37 фитонимов) используется при фиксации как возможного воздействия растения на человека (чаще всего, через зооморфную отглагольную метафору, описывающую действие растения в сравнении с вредоносными действиями животных: кусает, жалит), так и при общей характеристике растения как ядовитого. Для этих целей используется зооморфная метафора, в основе которой образы животных, считающиеся в традиционной народной культуре нечистыми или опасными: волк, ворона, сорока, собака. Приведем примеры обоих типов метафорического способа номинации.

ЖАЛЮЧКА, КУСАЧКА. Крапива малая, *Urtica urens L.* Признак номинации «растение жалится». «Крапива есть маленькая, жалючая такая, уж шибко она жалится. ... (Том. Канд.)»

ВОЛЧИЙ глаз, ВОЛЧЬЕ ЛЫКО, ВОРОНИЙ глаз, ВОРОНЬЯ ЯГОДА, СОРОЧЬЯ ЯГОДА. Вороний глаз, *Paris quadrifolia L.* Признак номинации «растение ядовитое». «Очень ядовитое растение вороний глаз, волчье лыко. Это ягодка наверху. Такая синяя красивая, на таких красивых листочках. Очень ядовитое. В лесу всегда стоит до конца. Ни птицы, ни животные – никто его не ест (Ас. Б.-К.)».

ВОЛЧЬЯ ЯГОДА, СОБАЧЬЯ ЯГОДА. Паслен персидский, *Solanum persicum Willd.* Признак номинации «растение ядовитое». «Волчья ягода такая длинная и красная. Они все ядовиты (Карг. Карг.)».

Опосредованный метонимический способ номинации (28 фитонимов) используется для характеристики эффекта, которое растение производит на человека. Главное отличие его от прямого способа номинации в объектно-субъектной позиции именуемого. Если при прямом способе номинации фитоним

сообщает об объективном свойстве растения, то при метонимическом опосредованном в слове фиксируется информация о состоянии субъекта после применения растения. Например, БЕШЕНАЯ ТРАВА. Белена черная, *Hyoscyamus niger* L. Признак номинации «растение делает человека бешеным». «А то белена. Наешься – с ума будешь сходить. ... (Яйск.Ярыш.). Собрана, как герань, такой букетик и там это она, как сказать, маленько семечки. Если семечек наешься, то совсем дурнеешь (Том. Бог.). Ещё у нас в лесу растёт белена, а ещё её называют бешеная трава. ... (Том. Н.-Арх.)».

БОЛИГОЛОВКА. Болиголов пятнистый (омег), *Conium maculatum* L. Признак номинации «растение вызывает у человека головную боль». «Да и на покосе есть ядовитая такая трава, если её много нюхать будешь, то голова разболится. ... А называется болиголовка (Яйск. Полон.)».

ХМЕЛЬ. Хмель обыкновенный, *Humulus lupulus* L. Признак номинации «растение делает человека хмельным». «Хмель .. что от него вишь ведь пьяными делаются. Я вот его рвать не могу, я вот как нарву хмель, так обязательно пьянею, сразу голова болит, мне и пить не надо, я его только буду рвать, голова заболит (Пар. Тар.)».

ЧИХОТНАЯ ТРАВА. Птармика хрящеватая, *Ptar mica cartilaginea* Ledeb. Признак номинации «растение вызывает чихание». Используется (порошок сушеных листьев) в народной медицине при насморке [Он-лайн Энциклопедия лекарственных растений, <http://lektrava.ru/encyclopedia/chikhotnik-khryashchevatyyu>, дата обращения 11. 12. 2017г.]. «А ещё, знаете, трава чихотная растёт. А растение такое, пушистый стебелёк, цветёт белыми цветочками, которые в кучу собраны, а листочки такие, как бы это объяснить, угольчатые что ли, не слишком широкие, длинненькие такие (Яйск. Арыш.)».

2.1.2.2. Объективные принципы номинации

Объективные принципы номинации объединяют признаки, характеризующие те или иные свойства растений, знания о которых

сформированы на основе рационального осмысления результатов многократных эмпирических наблюдений. Прежде всего, это место произрастания и время цветения растения. Особое место занимают признаки номинации фитонимов, объективирующие характеристику «похожий на культурное растение, но ненастоящий, растущий в диком виде».

В единичных случаях (2 фитонима) принцип номинации «характерная особенность растения», рассмотренный выше, в разделе, посвященном результатам чувственного восприятия мира растений, может объективировать и результаты рационального осмысления свойств растений, то есть те выводы, зафиксированные в наименовании растения, которые потребовали неоднократных наблюдений, например, СОЛНЫШКО (Гвоздика-травянка, *Dianthus deltoides L.*). Признак номинации «растение открывается с восходом солнца и закрывается на ночь», принцип номинации «характерное свойство (произрастания)». Информация о свойстве, положенном в основу наименования, безусловно, получена через чувственный канал восприятия (зрение), но ее окончательное осмысление произошло в результате наблюдений и рефлексивных выводов на основании полученного опыта. В связи с непродуктивностью этих характеристик как основы для создания имени в рационально формируемых представлениях о растениях, в данном разделе мы не выделяем отдельно принцип номинации «характерное свойство произрастания». Рассмотрим подробнее принципы номинации по месту произрастания и времени цветения.

1. Принцип номинации по месту произрастания (186 фитонимов).

Принцип номинации объективирует результаты наблюдений диалектоносителей за привычными для растений местами обитания. Фитонимы с принципом номинации по месту произрастания представляют собой достаточно пеструю картину. Прежде всего, признаки номинации, объединяемые этим принципом номинации, носят разнородный характер. Внутри группировки признаков можно выделить три типа:

- признаки, указывающие на регион происхождения или произрастания растения (Россия, Сибирь);

- признаки, указывающие на среду обитания, тип местности, где встречается растение, например, горы, болото, лес, озеро, луг, поле, сад/огород или с большей степенью детализации, например, дорога, берег реки, покосы, гривы (холмы);

- признаки, характеризующие растение как «дикое», иногда с дополнительным значением «ненастоящее».

Разноплановость представленных признаков номинации способствует тому, что исследователи вычлениют на их основании различные принципы номинации. Например, В. В. Копчева относит к разным принципам номинации фитонимы с признаком номинации, указывающим на регион произрастания/происхождения, (принцип номинации по географии растения (РУССКАЯ ПУЧКА, КОПОРСКИЙ ЧАЙ)) и остальные признаки, характеризующие местность произрастания или свойство «дикое» (принцип номинации по месту произрастания) [Копчева, 1985]. На наш взгляд, более логичным кажется разделение признаков, характеризующих регион, ландшафт, конкретное место произрастания и признак (обычно имеющий дополнительный характер), содержащий компонент значения «дикое, ненастоящее» в случае двусловного наименования, основной компонент которого выражает сравнение растения с культурным по внешнему виду, например, ДИКАЯ РЯБИНКА, МЫШИЙ ГОРОХ, ЗАЯЧЬЯ КАПУСТА, ПОЛЕВОЙ ЛУК и т.п. Рассмотрим их как два подтипа принципа номинации по месту произрастания.

1.1. Принцип номинации по месту произрастания (регион, среда обитания, урочище/местность).

Наблюдения за типичными местообитаниями растений часто являются источниками существенной с практической точки зрения информацией для деревенских жителей, так как в случае, если растение имеет некоторую ценность (лекарственные свойства, съедобность и др.), важно знать и понимать, где и в каких местах это растение можно обнаружить для сбора. Впрочем, практическая ценность растения – необязательный фактор для фиксации в слове информации о месте его произрастания. Пытливый ум наблюдателя отмечает особенности

окружающих природных объектов, сопоставляет эту информацию со своим накопленным опытом и сохраняет ее с помощью языка, метко именуя реалии.

Характеристики растения по региональной, географической его принадлежности объективированы в очень малом числе фитонимов (7 фитонимов) и являются второстепенными, выраженными в составе двусловных наименований прилагательным. Всего отмечено три географических отсылки: из них две характеризуют регион – «русский», «сибирский», а одна по имени народности, населяющей местность, «остяцкий». Необходимо заметить, что Россия для населения Сибири – это часто обозначение европейской части страны, таким образом, растение, имеющие происхождение или распространение в европейской части нашей страны может обозначаться как «русское». Например, Пучка РУССКАЯ. Борщевик рассеченолистный, *Heracleum dissectum Ledb.* Признак номинации «Растущая в России, русская». «Пучка, русские пучки, сладкие (Шег. Карг.)».

Приведем остальные примеры.

Горицвет СИБИРСКИЙ, Адонис весенний, *Adonis vernalis L.* Признак номинации «растущий в Сибири». «Горицвет весенний и сибирский ещё называется, а у нас просто незапальная трава. ... (Том. Верш.)».

СИБИРСКИЙ женьшень. Пион уклоняющийся, *Paeonia anomala L.* Признак номинации «растущий в Сибири». «...Все его раньше заготавливали корень, его называли у нас здесь сибирский женьшень. Очень полезное растение, лекарственное. ... (Яшк. Полом.)».

Более частотным признаком номинации является признак, характеризующий среду обитания растения. Здесь наблюдается большой разброс по степени детализации: от общей характеристики, что растение водное (ВОДЯНОЙ перец, Горец перечный, *Polygonum hydropiper L.*), до конкретных указаний, что его можно встретить на обрывистых берегах рек (ПОДЪЯРНИК, Мать-и-мачеха обыкновенная, *Tissilago farfara L.*), или на пашнях (ВЫПАШНОЙ пырей, Пырей ползучий (обыкновенный), *Agropyrum repens (l) P.B.*), или на

покосах (ПОКОСНИК, Нивяник обыкновенный (поповник), *Leucathemum vulgare Lam.*).

Обычно характеристика дается по типу местообитания, где встречается растение. Приведем примеры.

БОЛОТНИК. Калужница болотная, *Caltha palustris L.* Признак номинации «растущее на болоте». «Болотники растут. Они и называются болотники – в болоте растут. Вон там, за Идой Фёдоровой. Прямо в болоте (Том. Н.-Рожд.)».

Лопух ОЗЁРНЫЙ. Лимнантемум кувшинковидный, *Limnanthemum nymphoides (L) Link.* Признак номинации «растущий на озере». «Лопух озёрный – жёлтые, белые светки на воде плавают (Зыр. Черд.)».

А также: БОРОВОЙ ЛИСТ (Володушка золотистая, *Vupleurum aureum Fisch.*), ГОРНА крововичка (Лапчатка гусиная, *Potentilla anserina L.*), ромашка ЛУГОВАЯ (Нивяник обыкновенный (поповник), *Leucathemum vulgare Lam.*), ОГОРОДНЫЙ желтняк (дикое растение Лютик едкий, *Ranunculus acer L.*, часто растущее в огородах как сорняк), ромашка ПОЛЕВАЯ (Ромашка лекарственная, *Matricaria chamomilla L.*), ПРОЛЕСКА (Фиалка коротковолосистая, *Viola hirta L.*) и др.

Диалектоносители нередко дают более детальную характеристику места произрастания, например, что растение встречается в основном на дорогах:

ПОДОРОЖНИК, (1. Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare L.*, 2. Подорожник обыкновенный, *Plantago major L.*); на плесах рек и озер (ПЛЕСНЯ, Ряска маленькая, *Lemna minor L.*); на пашнях (ЖИТЕЦ, пырей ВЫПАШНОЙ, Пырей ползучий (обыкновенный), *Agropyrum repens (l) P.V.*) и т.д.

1.2. Принцип номинации по месту произрастания, характеризующий растение как дикорастущее, в том числе «ненастоящее».

Данная группа признаков номинации характерна исключительно для двусловных наименований, первый компонент которых, выраженный именем существительным, дает базовую характеристику растения, обычно на основе данных визуального восприятия, путем сравнения его с внешне похожим или родственным культивируемым растением. Второй компонент, который выражен

прилагательным, разграничивает сравниваемые объекты, квалифицируя денотат как «дикий» и «ненастоящий». В проанализированном материале выделяется три способа объективации информации о растении как о «похожем на культурное, но диком, ненастоящем»:

- во-первых, простая констатация факта, выраженная прилагательным «дикий, -ая» (ДИКАЯ морковь, Бутень Прескотта, *Chaerophyllum prescottii*; Вьюн ДИКИЙ, Вьюнок полевой, *Convolvulus arvensis* L., ДИКАЯ гвоздика, Гвоздика-травянка, *Dianthus deltoides* L.; ДИКИЙ горох, Горошек мышиный, *Vicia cracca* L.; ДИКИЙ пырей, Ежа сборная, *Dactylis glomerata* L.; ДИКИЙ хмель, Княжик сибирский, *Atragene sibirica* L.; ДИКИЙ лук, Лук косой (уксун), *Allium obliquum* L.; ДИКИЙ пион, Пион уклоняющийся, *Paeonia anomala* L. и др.);
- во-вторых, использование конкретных локаций, выраженных прилагательными «полевой, -ая», «луговой, -ая», «лесной, ая» (ПОЛЕВОЙ чай (Кипрей узколистный, *Chamaenerium angustifolium* (L) Scop.; ПОЛЕВОЙ чеснок, Лук маленький, *Allium tenuissimum* L.; Пион ЛЕСНОЙ, Пион уклоняющийся, *Paeonia anomala* L. ; ЛУГОВОЙ горох, Чина луговая, *Lathyrus pratensis* L. и др.);
- в-третьих, использование «звериных» образов и прилагательных «заячий,-ья», «кукушкин,-а», «кошачий», «журавлиный» и др. (КУКУШКИНА капуста, Чемерица, *Veratrum* L.; ЗАЯЧЬЯ капуста, Очиток пурпуровый, *Sedum purpureum* Schult.; ЖУРАВЛИНЫЙ горох, Горошек мышиный, *Vicia cracca* L. и др.).

Использование отзоонимных прилагательных в качестве маркера «дикий» отмечалось В. В. Копчевой: «о диком характере произрастания информируют и эпитеты типа «воробьиный», «мышиный» и т.п.» [Копчева, 1985, с. 83]. Однако в случае как раз прилагательных «воробьиный», «мышиный» интерпретация не так однозначна. Отметим, что прилагательное «мышиный» прежде всего маркирует такое свойство, как размер растения или его части, потому что используется в двусловных наименованиях, обозначающих, например, растения с очень маленькими плодами (МЫШИЙ ГОРОХ, МЫШИНЫЙ ГОРОХ 1. Горошек мышиный, *Vicia cracca* L., 2. Чина луговая, *Lathyrus pratensis* L.). Использование его в качестве маркера «ненастоящий» тоже присутствует, но, скорее всего,

вторично. Это подтверждается данными рефлексии диалектоносителей: «А это мыший горох. Он под вид гороха. Но только меньше, вот и зовут мыший. ... (Колп. Типс.). В народе его называют мышинный горошек, потому на нём маленькие стручки, как горох. ... (Тег. Тег.). Мышинный горошек все говорили. Прямо таки стручки, как у гороха, токо маленьки (Том. Н.-Рожд.)».

Спорным является вопрос о наличии компонента значения «ненастоящее» у прилагательных «полевой, -ая», «луговой, -ая», «лесной, -ая», так как весьма распространено использование этих прилагательных в качестве характеристики растения по месту произрастания без сравнения с культурным или другим растением.

Неоднородность состава группы фитонимов, объединенных принципом номинации по месту произрастания проявляется и в способе номинации. Большинство наименований в этой группе (68%) образованы с использованием опосредованного метонимического способа, когда название урочища/местности переносится на растение, например, ЧЕРНОГОРКА (Адонис весенний, *Adonis vernalis* L.), признак номинации «растет на выжженных палами пригорках (черных)»; ЛЕСНАЯ гвоздичка (Гвоздика пышная, *Dianthus superbus* L.), признак номинации «растет в лесу»; ТРАВЯНКА (Гвоздика-травянка, *Dianthus deltoides* L.), признак номинации «растет в траве»; ПОЛЕВАЯ лилия (Желтая лилия, *Hermercallis flava* L.), признак номинации «растет в поле»; Ванька БОЛОТНЫЙ (Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria* (L) Maxim.), признак номинации «растущий на болоте»; ВОДЯНКА (Лютик едкий, *Ranunculus acer* L.), признак номинации «растущий у воды, в заболоченных местах» и др.

Опосредованный метафорический (18%) и прямой способы номинации (14%) продуктивны менее, чем опосредованный метонимический. Прямой способ номинации представлен только прилагательным «дикий», а метафорический опосредованный - образными сравнениями с животными, например, населяющими ту же экологическую нишу (болото, озеро): УТИНКА (Водолуб болотный, *Heleocharis palustris* R Br.), ЛЯГУШЕЧНИК (1. Белокрыльник болотный, *Calla palustris* L.) 2. Водолуб болотный, *Heleocharis palustris* R Br. 3.

Калужница болотная, *Caltha palustris L.*), или формирующими характеристику растения как дикорастущего (см. выше).

2. Принцип номинации по времени цветения (активности).

Принцип номинации, объективирующий результаты наблюдений крестьян за временем цветения (или другой фазы активности, например, созревания плодов) растений мало продуктивен для диалектной фитонимики Среднего Приобья (15 фитонимов, что составляет около 2% от общего количества объективаций рационального опыта). В основном отмечается раннее цветение растений. ПОДСНЕЖНИК. Признак номинации «цветет из-под снега». 1. Ветреница голубая, *Anemone coerulea*. «Подснежники бывают, как снег сойдёт, так ребяташки рвут, беленьки таки, голубеньки (Том. Н.-Ишт.)». 2. Ветреница лесная, *Anemone sylvestris L.* «Ешио подснежник есь. Он самый первый зацветает. В апреле, ешио снег не весь стает, глядишь, цветочки белентки выглядывают из снега почти. Неприметный ведь цветок, а душу радует. ... (Тис. Комс.)». 3. Прострел широкоцветный (сон-трава), *Pulsatilla patens (L) Mill.* «Подснежник, как снег стает, они первыми цветут (В.-Кет. Б.Яр). 4. Фиалка коротковолосистая, *Viola hirta L.* «Раньше всех появляются ранние цветущие: пролеска, хохлатка, ветреница. .. Пролеска маленькая такая, сантиметра три, синенькая, на фиалку похожа. Её по-разному называют, ребяташки называют её подснежником (Мар. М.-Песч.). 5. Хохлатка желтая, *Corydalis bracteata (Steph.) Pers.* «Подснежники цветут самые первые. Они разные, разные цветут: жёлтенькие, голубенькие, беленькие. Эти жёлтенькие. Вот где-нибудь на горочке они (Мар. М. –Песч.)».

МАЙСКИЙ ЦВЕТОК. Ветреница лесная, *Anemone sylvestris L.* Признак номинации «цветет в мае». «Майские цветочки беленьки, первые появляются (Мар. Тюм.)».

ПЕРВОЦВЕТ. Первоцвет крупночашечный, *Primula macracalyx Vge.* Признак номинации «цветет первым». «Я пользуюсь, лечусь вот первоцветом. Он перво-перво цветёт, жёлтенько, у меня в огороде. ... (Том. Меж.)».

В качестве способа номинации используется прямой и опосредованный метонимический.

Итак, рациональный опыт как механизм познания окружающей действительности объективируется девятью принципами номинации, которые можно разделить на субъективные и объективные. Субъективные принципы номинации связаны с практическим опытом человека по использованию растений в народной медицине и ветеринарии, в быту, в сакральных практиках, в качестве корма для домашнего скота, а также с накопленными знаниями о воздействии растений на человека, их ядовитых и других вредоносных свойствах. Объективные принципы номинации представляют собой комплекс эмпирически сформированных знаний о местах произрастания растений, времени их цветения и дополнительной оценкой некоторых растений как ненастоящих в сравнении с культурными растениями и артефактами. Соотношение объективных и субъективных принципов номинации представлено на рисунке 9 и составляет: 61 % - субъективные, 39 % - объективные.

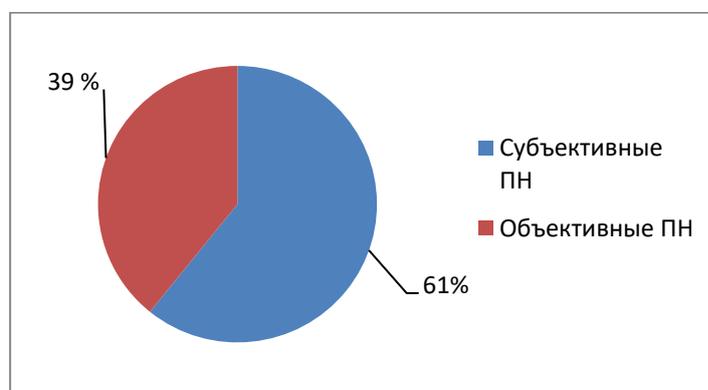

Рисунок 9 – Соотношение субъективных и объективных принципов номинации, объективирующих рациональный опыт как механизм познания

Таким образом, диалектоносители на базе рационального опыта как механизма познания окружающего их растительного мира осмысливают и объективные признаки растений, и свойства трав, имеющие значение для человека как природопользователя, как субъекта, контактирующего с растениями и использующего их для своих целей. Объективные свойства растений

фиксируются в процессе наименования объективными принципами номинации, результаты познавательной деятельности, имеющие практический характер для языкового коллектива, воплощаются в слове с использованием субъективных принципов номинации. Значительное преобладание фитонимов с субъективным принципом номинации подтверждает ранее зафиксированный ономазиологами факт практической ориентации процесса номинации в сфере природной лексики.

2.1.1. Объективация мифологического сознания в семантике фитонимов

Большинство диалектных фитонимов объективируют тот или иной механизм (тип) познания окружающей действительности человеком: чувственное восприятие или рациональный опыт. Однако существует небольшая группа наименований растений (28 фитонимов), которая по признакам, положенным в основу именования этих растительных объектов словом, не объективирует ни каналы перцепции, ни какой-либо полученный и рационально осмысленный практический опыт.

Истоки наименования лежат полностью в области древних, мифологических представлений человека о мире природы, где все представляется одушевленным, а зачастую и одухотворенным. Древний миф населяет леса, реки и озера незримыми, но живыми духами, оживляет деревья и травы. Так, растения получают человеческие имена, в соответствии с представлениями о мужском или женском начале. Высокие, мощные растения именуются Иванами, а красивые нежные цветы – Марьями и Авдотьями. Обычно это растения распространенные, активно используемые крестьянским сообществом. Иногда способ использования дополнительно закрепляет мужскую или женскую отнесенность растения. Например, два самых типичных растения, использующиеся в качестве чая, Лабазник вязолистный и Кипрей узколистый имеют названия: ВАНЬКА болотный, ВАНЬКА-чай, ИВАН кочкин, ИВАН-чай (Кипрей узколистый, *Chamaenerium angustifolium* (L) Scop.); ВАНЬКА, ВАНЬКА мокрый, ВАНЬКА-чай, ИВАН, ИВАН белый, ИВАН болотов, ИВАН голова, ИВАН качало

(Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria* (L) Maxim.). «Иван кочкин **большой**. Зеленые кусты, а цветёт белым **большим** букетом. Вкусно так пахнет. ...На покос ездим, **чай** завариваем и пьём. Душистый очень **чай** получается (Яйск. Мальца.). Иван белый, **он высокий** такой, белыми **крупными шапками** цветёт и пахнет сильно мёдом. С него **чай** варют, смешать с душиками, с иван-чаем, самородиновых листьев добавишь и зимой попиваи (Мар. Кол.)».

Растение с красивыми розовыми цветками Пион уклоняющийся, семена которого девочки и девушки используют для изготовления бус, а корни в народной медицине, кроме прочего, применяются для лечения женских болезней, называется МАРЬЯ, МАРЬЯ-КОРЕНЬЯ (Пион уклоняющийся, *Paeonia apomala* L.), а яркий цветок Купальница азиатская, обычно собираемый в букеты, именуется АВДОТКИ. «Марья коренья синим светёт, потом делают буски (Яйск. Мох.). ...И на мой взгляд, по-моему, у нас **самые красивые** два цветка: марье коренье и кукушкины слезки (Яйск. Полом.)». «По всяким полянкам зацветали, красный цвет, их ещё называли авдотки. Видимо, распространённое имя Дуняша, Авдотья, вот так и называли авдотки их. Я их люблю, огоньки (Мар. Благ.)».

Следует сделать вывод, что эти фитонимы объективируют сохраненные в лексической системе диалекта следы древнего архаичного сознания, которое мифологизировало и одушевляло объекты природы. Таким образом, в описанное ранее нами деление ментальной сферы диалектоносителя на области, сформированные результатами действия таких механизмов познания мира, как чувственное восприятие и рациональный опыт, необходимо внести коррективы, добавив отдельную область, представляющую остатки древнего мифологического сознания.

К этой же сфере мифологического сознания и его репрезентации в диалектных названиях растений относится наименование ЖАР-ЦВЕТОК (Папоротник мужской, *Dryopteris filix mas*. (L.) Schott.), которое не обосновано ни свойствами денотата, ни способами его применения. Более того, у данного растения цветка в принципе не существует, тем более такого, каким рисует его

миф: «Он-то всё от людей прячется. Не хочет, чтобы цветок его огненный видели. Цветёт он один раз в год накануне дня Ивана Купала. Между листьями вначале вырастает светящаяся точка, она шевелится, растёт, а ровно в полночь с треском лопается и появляется светящийся ярким светом цветок, при этом гром грохочет и молнии лес освещают, как днем. Поэтому его и зовут жар-цветок..(Чаин. Бунд.)».

Несуществующий цветок, представление о котором лежит полностью в области фантазии, не может быть воспринят органами чувств, информация о нем не может быть получена путем эмпирического опыта, поэтому этот фитоним также отнесен нами к группе названий, сформированных мифологическим восприятием действительности.

Отметим, что мифологические элементы в системе фитонимики нередкое явление, существует целый пласт наименований растений, который исследуется лингвистами и этнографами как сакральная фитонимия. Как правило, мифологические и фольклорные элементы используются в процессе познания окружающей действительности, образно структурируя информацию как об объективных свойствах растений (запахе, внешнем виде, цвете и др.), полученную по перцептивным каналам, так и знания, сформированные на основе практического опыта, например, о способах применения растений или их опасных свойствах. Например, ЧЕРТОВО СЕРЕБРО (Василистник вонючий, *Thalictrum foetidum* L.) – признак номинации «неприятный запах»; ЧЕРТОВА БОРОДА, (Папоротник мужской, *Dryopteris filix mas.* (L.) Schott.), признак номинации «форма куста напоминает торчащую бороду»; БОГОВЫ БАТОЖКИ (Зопник клубненосный, *Phlomis tuberosa* L.), признак номинации «лекарственное растение с мощными стеблями (батогам)», ВОРОНЬЯ ЯГОДА (Вороний глаз, *Paris quadrifolia* L.), признак номинации «растение ядовитое».

Существуют, на первый взгляд, рационально не обоснованные способы применения растения, тоже лежащие в плоскости мифа, например, многозначный фитоним ЧЕРТОПОЛОХ, которым окуривали помещения для содержания скотины в качестве средства от нечистой силы, или поверья о несчастье, которое

могут принести растения, например, касающиеся растения Рогоз широколистный, *Typha latifolia* L.: ЧЁРТОВЫ ПАЛОЧКИ. Подобные фитонимы объединены по принципу номинации, объективирующему рациональный опыт как механизм познания, так как для обыденного, наивного сознания диалектоносителей, подобное применение растений является рационально обоснованным и включенным в их повседневные практики наряду с кормлением скота и приготовлением блюд из растений, так же, как и вред от нечистой силы, привлеченной растением, может быть поставлен в один ряд с объективно существующим риском отравления или пореза от контакта с растением. Исходя из этих соображений, мы считаем объективацией мифологического сознания не все сакрально маркированные фитонимы, а только незначительную их часть, номинация которых не обусловлена ни результатами перцепции, ни рациональным практическим опытом языкового коллектива.

Итак, подведем итоги.

1. В процессе познания объектов растительного мира диалектоносители в качестве механизмов формирования ментальных представлений о растениях используют либо чувственное восприятие, либо эмпирический, рационально осмысленный опыт, причем доминирующим способом познания является перцепция (65%). Кроме этого, обыденное, наивное сознание диалектоносителя содержит архаические элементы мифологического восприятия окружающего мира, которые, впрочем, представлены в незначительном объеме (2%). Соотношение используемых механизмов познания приведено на рисунке 10.

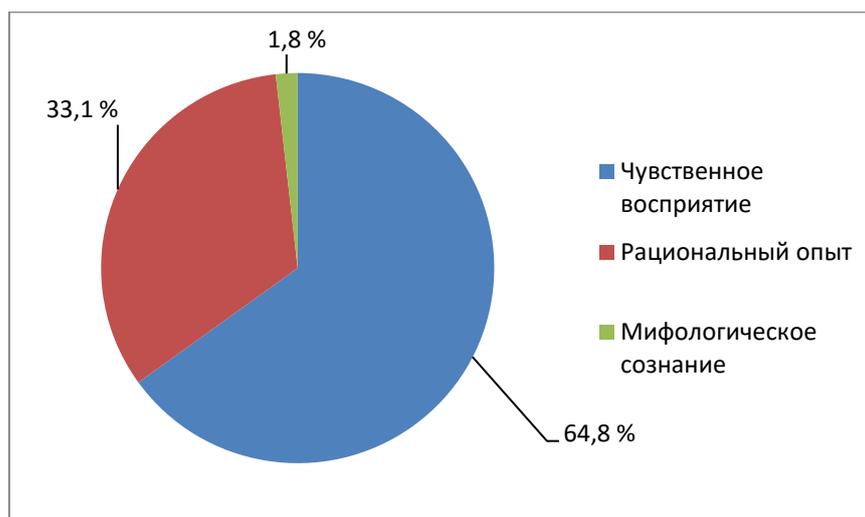

Рисунок 10 – Соотношение способов познавательной деятельности (механизмов познания)

2. В процессе перцептивного восприятия растений активными являются каналы зрения, осязания, вкуса и обоняния. Слуховой канал практически не проявлен в семантике фитонимов (0,9%) в связи с особенностями денотата, а именно его «бесшумным» существованием за редкими исключениями. Доминирующим каналом восприятия является зрение (86,6 %), осязание, вкус и обоняние имеют примерно равную значимость – 4,5 %, 4 % и 4% соответственно. Посредством доминирующего зрительного канала восприятия диалектоносители получают информацию об особенностях внешнего вида растения (или его части), цвете, размере, характерных особенностях, выделяемых визуально.

3. Рациональный опыт как способ (механизм) познания объективируется двумя группами принципов номинации: объективными, характеризующими на основе эмпирического опыта растение по месту его произрастания, времени цветения и квалификации его как только похожего на культурное, но ненастоящего; а также субъективными, связанными с опытом применения растения человеком и эмпирически сформированными знаниями о его воздействии на человека и вредоносных свойствах. Субъективные принципы номинации объективируют результаты оценочной категоризации познаваемой

действительности, выражающиеся в отражении в диалектной фитонимике внеязыковых категорий «польза» и «вред», которые будут рассмотрены далее.

2.1. Репрезентация процесса категоризации в диалектной фитонимике

Процессы категоризации и концептуализации окружающей действительности являются одним из результатов ментальной обработки информации о внешнем мире в целом и о растениях в частности.

Процесс категоризации растительного мира познающим человеческим сознанием на примере лекарственных растений описан Н. И. Панасенко, рассматривающей категорию как познавательную форму мышления человека [Панасенко, 2000]. Исследователь выделяет следующие категории: категорию пространства и размера, категорию времени, категорию формы, категорию цвета, категорию оценки. В рамках описания данных категорий автор характеризует языковые способы выражения категоризации в языке: морфологические (части речи, суффиксы-деминутивы и суффиксы-пейоративы) и лексические (семантика слова) [Панасенко, 2000].

На наш взгляд, категории, выделенные Н. И. Панасенко, имеют не однородную природу, а представляют собой результаты категоризации растительного мира, имеющие различные основания. Процесс категоризации так же, как процесс номинации, может быть основан на объективных свойствах реалий, и тогда фокус познавательной деятельности сосредоточен непосредственно на характеристиках самого объекта. В этом случае членение растительного мира осуществляется с использованием категорий цвета, времени, пространства (места), размера, формы. Но практически ориентированная познавательная деятельность сосредотачивается на тех свойствах реалии, которые оказывают то или иное влияние на человека, которые могут быть использованы им для своих потребностей. Человек категоризирует мир, поставив на первое место не объект окружающей действительности, а себя и свои потребности, оценив предмет вещного мира как «хороший» или «плохой». Таким образом,

оценочная категоризация отличается как тип членения мира от категоризации на объективных основаниях своей субъективной природой.

Описывая диалектную фитонимику Среднего Приобья с точки зрения объективации познавательной деятельности человека в названиях растений, приведем результаты анализа обоих типов категоризации. Объективная категоризация рассмотрена на примере категории размера, также проанализирована оценочная (субъективная) категоризация, в рамках которой выделены внеязыковые категории «польза» и «вред», ранее не описанные исследователями фитонимической лексики.

2.2.1. Категории «польза» и «вред» в диалектной фитонимике

Склонность человека к постоянному оцениванию определяет сложную структуру семантической категории оценки в языке. Во всех классификациях, представленных в отечественной лингвистике, выделяется рациональная оценка, частным видом которой является утилитарная оценка, связанная с повседневной деятельностью человека, с практическим знанием об объекте действительности (работы Арутюновой Н. Д. (1988), Васильева Л. М. (1996), Вольф Е. М. (1985, 1988), Ягубовой М. А. (1996) и др.).

В диалектной фитонимике Среднего Приобья утилитарная оценка, прежде всего, связана с рассмотренными выше субъективными принципами номинации, сформированными на основе рационального, практического опыта диалектоносителей и представлена семантической оппозицией «польза-вред». Данная семантическая оппозиция объективирует внеязыковые категории пользы и вреда. Так как категория – «это одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 45] и «категории обобщают свойства вещей» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 46], знания человека о мире в целом, и о растениях в частности, структурируются в том числе и как представления о вещах, приносящих пользу и вред. Такое «концептуальное

объединение объектов» [Болдырев, 2007, с. 23] формирует в ментальной сфере человека категории пользы и вреда, имеющие когнитивный характер.

Диалект является языком, прежде всего, сельского населения, для которого природа – это среда повседневного существования. Комплекс знаний о мире растений формировался в деревнях веками и включает обширный пласт сведений, в том числе прагматического, утилитарного характера. Таким образом, функционирующие в диалекте фитонимы представляют ценный материал для исследований категорий пользы и вреда, выраженных одноименной семантической оппозицией.

Категории пользы и вреда, как уже отмечалось, объективируются принципами номинации, связанными с практическим использованием растений, в чем проявляется их польза для человека - природопользователя, и со знаниями о потенциальной опасности или вреде.

Три принципа номинации, выделенные в предыдущем разделе и имеющие субъективный характер, объективируют категории пользы и вреда.

1. Принцип номинации по использованию растения человеком для своих нужд (в медицине, в быту, в сакральных практиках).

ДВЕНАДЦАТИГРЫЖНАЯ ТРАВА. Дендратема Завадского, *Dendrathera Zawadskii (Herb.) Tzvel.* Признак номинации «используется для лечения грыж». «Двенадцатигрыжная трава от грыжи и для аппетита (Яшк.Итк.)».

КРЫНОЧНИК. Плаун деряба, *Lycopodium annotinum L.* Признак номинации «используется для мытья крынок». «Крыношник красивый. <...>. Крынки мыли, он твёрдый (В.-Кет. Мох.)».

ЙОДОВА ТРАВА. Медуница мягчайшая, *Pulmonaria mollissima A. Kerner.* Признак номинации «используется как йод». «Йодова трава еще растет у меня в огороде, вспомнила, у ей такой большой широкий лист, её помнут-помнут так, чтобы сок вышел, и обтираются, йода в ней много (Яйск. Арыш.)».

2. Принцип номинации по использованию растения домашними животными (в основном, в качестве корма) и человеком для домашних животных.

ГУСЯЧЬЯ ТРАВА, ЧУШЕЧЬЯ ТРАВА. Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare* L. Признак номинации «трава, которую едят гуси». «<...> её любят чушки. Ну и гусята щиплют. А большие её любят поросятки. У неё так много названий, у этой травы. Некоторые называют гусячья трава, некоторые – чушечья трава (Том. Бог.)».

КОРОВНИК. Сныть обыкновенная, *Aegorodium podagraria* L. Признак номинации «используется как корм для коров». «Коровы его любят (Юрг. Шал.)».

3. Принцип номинации, объединяющий признаки номинации, описывающие вредные и опасные свойства растения, негативное воздействие на человека.

ВОЛЧЬЕ ЛЫКО. Волчник обыкновенный, *Daphne mezereum* L. Признак номинации «ядовитое растение». «Всегда хочется нарвать букет, а нельзя, трудно они рвутся, а зубами нельзя, сок там ядовитый, обожжешь рот до язвы, вот за что зовут волчье лыко (Яйск. Арыш.)».

ДУРМАН. Дурман обыкновенный, *Dature stramonium* L. Признак номинации «делающий человека дурным». «Это дурман. Дуреют от его (Том. Н-Рожд.)».

Оценка пользы и вреда в приведенных фитонимах содержится в коннотативной части значения слова и может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. Чаще оценочные коннотации выражены имплицитно, они «скрыты в семантике слова, подразумеваются» [Шаховский, 1982, с. 30]. Данные диалектные наименования растений содержат в своем значении указание на конкретную область применения или конкретный вред, выражающееся посредством признака номинации и определяет выбор принципа номинации. Таким образом, оценочная коннотация эксплицитно не выражена, но подразумевается, что растение может быть полезным или вредным.

Исключение составляет группа фитонимов с семантикой «вред», обозначающих ядовитые растения (20 лексических единиц), травы, засоряющие

сенокосные луга (5 лексических единиц), приносящие, по поверьям, несчастье (4 лексические единицы). В этих наименованиях оценочная коннотация выражена эксплицитно, редко посредством сакрального кода (ЧЕРТОВА ПАЛКА. Рогоз широколистный, *Typha latifolia* L.), в основном, посредством зоологического кода, то есть с использованием зооморфной и орнитоморфной метафоры.

В основе метафоры – образы животных, глубокими корнями уходящие в архаичное, мифологическое сознание народа, интенсивно использовавшиеся в традиционной славянской мифологии, а также в фольклоре и обрядовой магии – образы волка (9 фитонимов), вороны (6 фитонимов), сороки (5 фитонимов), собаки (1 фитоним), медведя (1 фитоним), змеи (1 фитоним), абстрактно зверя (1 фитоним). Например, ВОЛЧЬЯ ЯГОДА. Паслен персидский, *Solanum persicum* Willd. Признак номинации «растение с ядовитыми ягодами». *«Волчья ягода. От её не едят. Она ядовита. Красенька. Всё говорили: «Токо съешь – станешь волком». Но она ядовита (Том. Н-Рожд.)».*

ВОРОНЕШНИК. Желтая лилия, *Nemerocallis flava* L. Признак номинации «растение с жестким стеблем, засоряющее покосы». *«Косишь, говоришь: «Ой, эта трава не едовая». Если воронешник, говоришь: «Ой, не едовая, скот не будет есть» (Зыр. Черд.)».*

Очевидно, что наиболее продуктивными для выражения в фитониме значения вреда являются образы волка, вороны и сороки, традиционно имеющие негативную окраску в славянском фольклоре, воспринимающиеся как демоническое, опасное или вредное, нечистое существо. В этих наименованиях к рациональной оценке растения как вредного добавляется оценка эмоциональная, которая с использованием традиционного кода культуры предупреждает не просто о вреде, но об опасности или существенном уроне хозяйственной деятельности.

В эту же группу фитонимов с эксплицитно выраженной оценкой, но со значением пользы, входят 6 фитонимов с положительным сакральным компонентом семантики, обозначающим лекарственные растения и растения, широко использующиеся в обрядовой практике (например, изгнание нечистой

силы или похоронный обряд). БОЖЬИ БАТОЖКИ. Пустырник пятилопастный, *Leonurus quinquelobatus* Gilib. Признак номинации «полезное, лекарственное растение». БОГОРОДСКАЯ ТРАВА. Тимьян обыкновенный (ползучий), *Thymus serpyllium* L. Признак номинации «растение для сакрального использования». *«Богородская трава растёт. Её, знаешь, покойникам подушки набивали. Старухи рвали её, а кто умрёт – подушки набивали. (Том. Н-Рожд.)»*

Соотношение в исследуемом материале наименований растений с эксплицитным и имплицитным выражением оценочной коннотации составляет 12% и 88% соответственно. Это обусловлено, прежде всего, экстралингвистическим фактором, а именно необходимостью сохранять, накапливать и передавать полученные практические знания о полезных и вредных свойствах растений в самой доступной для носителя языка форме. В этих условиях максимально точная информация о свойствах денотата становится ключевой задачей в процессе номинации, а задача субъективной оценки уходит в тень, в скрытые смыслы, в область имплицитной семантики.

Результаты познавательной деятельности, заключенные в частности в оценке пользы или вреда, кодируются в языке как конкретная информация об их свойствах, определяя выбор признака номинации, принципа номинации и способа номинации. Наиболее востребованным в процессе номинации растений, наименования которых объективируют категорию «польза», является опосредованный метонимический способ (84% фитонимов). Как уже отмечалось ранее, метонимия максимально отвечает цели точной передачи рационального, практического опыта. Типовыми для объективации категории «польза» являются метонимические переносы:

- «болезнь – растение» (РАННИК. Володушка золотистая, *Viplex aureum* Fisch. *«Моя бабушка говорила: «Володушка раны заживляет, поэтому и дали ей в народе название ранник (Яшк. Яшк.)»*. ЧИРЬЁН-ТРАВА. Вороний глаз, *Paris quadrifolia* L. *«Вороний глаз ещё чирьён-трава зовут. Когда чирьи, её прикладывают. Хорошо помогает. Прямо высасывает (Том. Яр.)»*. ГЕМОПРОЙНИК. Кровохлебка лекарственная, *Sanguisorba officinalis* L.

«Геморройник состоит из суставчиков. <...>. Много его тут. От геморроя (Кож. Апт.)». и др.)

- «орган – растение» (ГОРЛАНКА. Лапчатка гусиная, *Potentilla anserina* L. «Это трава горланка, когда горло болит (Том. Верш.)». СЕРДЕЧНАЯ ТРАВА. Пустырник пятилопастный, *Leonurus quinquelobatus* Gilib. «А вот сердечная трава от давления и сердца хорошо помогает (Том. Бобр.)» и др.)

- «блюдо – растение» (БОРЩОВКА. Борщевик рассеченолистный. *Heraclium dissectum* Ledb. «Ну, купыри разные бывают, гладкие, а бывают с опушением такие – борщовка их ещё называют, потому что их в борщ ложили, борщ варили (Мар.Благ.)». ПОЛЕВОЙ ЧАЙ. Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria* (L) Maxim. «Полевой чай, называется, белоголовник, растёт на лугах, в болотах. <...>.Мы, бывало, чай заваривали, он вкусный такой, приятный. (Ас. Каз.)». и др.), а также описанные ранее переносы «предмет домашнего обихода – растение» (ВЕНИК, Дескурайния струйчатая, *Descurainia sophia* (L) Webb) и «животное – растение» (СВИНЯЧЬЯ ТРАВА, Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare* L. и др.).

В то же время только 24% наименований, относящихся к категории «вред» образованы в результате метонимического переноса, обычно в качестве фиксации в слове эффекта воздействия растения на человека, например, БЗДНИКА (Паслен черный, *Solanum nigrum* L.), БЛЕКОТА или БЕСИВО (Белена черная, *Hyoscyamus niger* L.).

Для категории «вред» более характерным является опосредованный метафорический способ номинации (42%), представленный зооморфной (см. выше), антропоморфной и мифоморфной метафорой.

Антропоморфная метафора используется для негативной оценки растения как вредного через сопоставление с неодобряемыми чертами человеческого характера, например, ЗЛЮЧА КРАПИВА. Крапива малая, *Urtica urens* L. Растение со жгучими стеблями и листьями, «злючее». «Она ж такая паскуда: вот обожжешь, она и сегодня, и завтра ещё жгёт. Она ядовитая такая (Том. Ит.)». ЛЮТИК. Лютик едкий, *Ranunculus acris* L. Ядовитое растение, «лютое». «Нет,

это лютики, а у нас куриная слепота называли. Говорили, если к глазам поднести-ослепнешь (Том. Бог.)».

Мифологические представления о потенциальном вреде растения выражаются с использованием образов нечистой силы: ЧЁРТОВЫ ПАЛОЧКИ, ЧЁРТОВЫ ПОЛОСКИ. Рогоз широколистный, *Typha latifolia* L. По народным поверьям нельзя срывать и приносить в дом, приносит обитателям несчастье и привлекает нечистую силу. *«Ребятишки камыш принесли домой, так мама его весь выкинула. «Нельзя, – говорит, – домой чёртовы палочки приносить, тёмная сила возьмёт власть над нами, и дома одни несчастья будут» (Кож.Урт.)».* *«Камыш растёт по берегам прудов, его ещё чёртовыми полосками называют, его в доме ставить нельзя, плохая примета (Яйск. Арыш.)».*

Незначительное количество фитонимов (12%), объективирующих категорию «польза», также образованы с использованием опосредованного метафорического способа номинации, например, БОГОВЫ БАТОЖКИ. Зопник клубненосный, *Phlomis tuberosa* L. Растение обладает лекарственными свойствами. *«Ну, она от головы принимается, от многих болезней (Яйск. Итк.)».* Подобная непродуктивность метафоры объясняется тем, что «наличие метафоричности в названии – это, несомненно, отход от непосредственной ориентации на прагматический фактор в актах номинации» [Голев, 1983, с. 85], который играет важнейшую роль в объективации категории «польза».

Прямой способ часто используется в номинации растений, представляющих потенциальную опасность для человека (34% названий). Большинство фитонимов, объективирующих категорию «вред» и сформированных с использованием прямого способа номинации, выражены в языке отглагольными существительными и прилагательными и обозначают растения с режущими, колющими и жалящими стеблями и листьями. Например, ЖАЛЬНИК (ЖАБРЕЙ). Жабрей двураздельный, *Galeopsis bifida* Boening. Растение с колючим, жалящим стеблем, растение, которое «жалит». *«Жабрей, он колючий, опасный. Вот раньше, когда хлеб сеяли, то его веяли на веялке, чтоб он не попал в зерно (Яйск. Полом)».*

ЖАЛЮЧКА. Крапива малая, *Urtica urens* L. Растение с колючим, жалящим стеблем и листьями, растение, которое «жалит». См. ЗЛЮЧА КРАПИВА, ОГОНЬ – КРАПИВА.

РЕЗУЧКА. Осока, *Carex* L. Растение с режущими, острыми листьями, растение, которое «режет». *«Осока, ну она резучка, так она резучка. Её хоть скоси, хоть сеном, всё равно режешься (Том.Ит.)».*

Единичные примеры, представляющие категорию «польза» (3%), описывают целебные свойства растения как объекта, например, РОМАШКА ЛЕЧЕБНАЯ. Ромашка дисковидная, *Matricaria matricariodes* (Less.) Porter. Растение, имеющее лечебные свойства, которое «лечит». *«Ромашка вот эта тоже лечебная. Эта ромашка махровая, лечебная. (Том.Аник.)».*

Выбор диалектоносителями способа номинации при означивании информации о полезных и вредных свойствах растений в сводном виде представлен в таблице 3.

Таблица 3 – Соотношение способов номинации при репрезентации категорий «польза» и «вред»

Способ номинации	Категория «польза»	Категория «вред»
Опосредованный метонимический	85%	24%
Опосредованный метафорический	12%	42%
Прямой	3%	34%

Таким образом, необходимость хранения и точной передачи последующим поколениям накопленного опыта о конкретном практическом применении растений для лечения того или иного заболевания или органа, использования его домашними животными в качестве корма или человеком в своем повседневном быту обуславливает доминирование в исследуемом материале фитонимов с метонимическим опосредованным способом номинации. Метафорический опосредованный и прямой способы чаще используются при кодировании информации о потенциальном вреде, особенно если растение является ядовитым.

В таких случаях метафора усиливает рациональное знание эмоциональным компонентом.

Категории пользы и вреда сформированы на основе опыта языкового коллектива, как познающего субъекта, и объективируются в языке утилитарной оценкой, выраженной семантической оппозицией «польза-вред». В говорах Среднего Приобья категории польза и вред представлены, в частности, в комплексе знаний и представлений о практическом применении, полезных и вредных свойствах мира растений и объективированы диалектными фитонимами, содержащими оценочную коннотацию.

Оценочная коннотация с семантикой «польза» и «вред» чаще выражена имплицитно, оценка подразумевается, исходя из значения фитонима как «растения с полезным применением» или «растения, которое может нанести вред». Имплицитную оценочную коннотацию содержат 88% исследованных фитонимов. Остальные 12% названий растений содержат оценочную коннотацию, выраженную эксплицитно посредством зоологического или сакрального кода, и большая часть этих фитонимов обозначают опасные, ядовитые растения.

Данная оценочная категоризация объективируется пятой частью всего проанализированного материала (20% фитонимов), наглядно это соотношение продемонстрировано на рисунке 11.

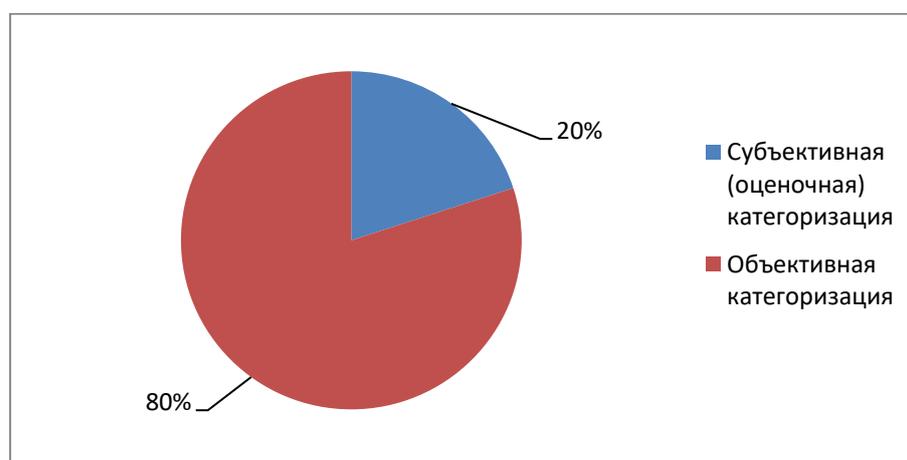

Рисунок 11 – Соотношение в материале репрезентаций объективной и субъективной (оценочной) категоризации

2.2.2. Категория размера

В качестве примера объективации в диалектной фитонимике процесса категоризации на основании объективных признаков реалий рассмотрим объективацию внеязыковой категории размера, которая в наименованиях растений говоров Среднего Приобья реализуется семантическими оппозициями «большой – маленький», «широкий – узкий».

Формирование представления о размере растения происходит на этапе визуального ознакомления с ним через зрительный канал перцепции. Безусловно, для того, чтобы полученные впечатления были зафиксированы в слове в процессе номинации, растение должно отражать крайние точки оппозиции, то есть впечатлять своим слишком большим или слишком маленьким размером, иметь в качестве характерного, отличительного признака узкие или широкие листья.

Категория размера объективируется достаточно небольшим количеством фитонимов – 67 наименований, что составляет 4% от всего объема проанализированного материала.

Категория размера, как и оценочные категории пользы и вреда, может быть объективирована в семантике фитонима как эксплицитно, так и имплицитно. Но в отличие от категорий пользы и вреда информация о размере растения в семантике их названий примерно в равной степени выражается эксплицитно или имплицитно, а именно: 48% фитонимов объективируют категорию размера эксплицитно и 52% – имплицитно.

Рассмотрим способы объективации категории размера. Эксплицитно выраженная категория размера фиксируется в слове напрямую, через описание растения как «большого», «маленького», «имеющего широкие листья», «имеющего узкие листья». Признак номинации, характеризующий размер, может быть выражен как дополнительный в составе двусловного наименования. На языковом уровне это обычно прилагательное: БОЛЬШАЯ, КРУПНАЯ крапива (Крапива обыкновенная (двудомная), *Urtica dioica* L.), МЕЛКАЯ, МАЛАЯ, МАЛЕНЬКАЯ крапива (Крапива малая, *Urtica urens* L.), ромашка БОЛЬШАЯ

(Нивяник обыкновенный (поповник), *Leucathemum vulgare Lam.*), ромашка МАЛЕНЬКАЯ, МЕЛКАЯ (Ромашка дисковидная, *Matricaria matricariodes (Less.) Porter.*).

Как видно и приведенных примеров, категоризация растения по размеру в качестве дополнительной характеристики часто имеет видоразличительное значение, что также демонстрируется контекстами, представляющими восприятие диалектоносителями этих растений: *«Это малая крапива, а это большая. Цветут обе мал-мало (Колп. Тис.). Ну вот крапива. Большая и маленькая растёт. Вот которая маленькая, та самая злющая. ... (Том. Алекс.). Крапива есть маленькая жалючая такая, уж шибко она жалится. ... А большая вырастает выше человека. ... (Том. Канд.)».* *«Ромашка есть два сорта. Это мелкая лечебная, а то есть покрупнее. От два сорта. От меленькая на дороге растёт. Мелка которая, от эта лечебная. А та нет (Том. Н.-Рожд.)».*

По мнению Н. И. Панасенко, при номинации растения на основании размера как признака номинации «размер предмета соотносится с размером человека» [Панасенко, с. 254]. Анализ фитонимической лексики говоров Среднего Приобья позволяет сделать несколько иной вывод. Чаще размер растения сравнивается либо с другим растением того же вида или внешне сходным (как видно из примеров выше), либо делается вывод о его размере на основании представлений об эталонном представителе растительного мира: растение может быть или больше, или меньше среднестатистического экземпляра. Названия КОНСКАЯ ПУЧКА или КОНСКИЙ ЩАВЕЛЬ подразумевают, что эти растения значительно больше обычного.

Оппозиция «широкий-узкий» тоже может быть выражена в составе двусловного фитонима прилагательным, например, пырей ШИРОКОПЁРЫЙ, ШИРОКОЛИСТНЫЙ, ШИРОКИЙ (Ежа сборная, *Dactylis glomerata L.*) и тоже иметь видоразличительное значение. *«А это пырей широколистный, посмотрите, он походит на пырей, и он какой-то..листья широкие и колоски такие грубые, ветвистые такие (Яшк. Полон.). Пырей есть вузенький. Широкий есть, как палец (Крив. Жук.)».*

Эксплицитно выраженная категория размера растения может содержаться и в однословных наименованиях, где размер части растения, как правило, характеризуется непосредственно как «большое» или «широкое», а часть растения, о которой идет речь, обозначается опосредованно и метафорически, например, многозначный фитоним БОЛЬШЕГОЛОВНИК 1. Василек шероховатый, *Centaurea scabiosa* L. «А это большеголовник, потому что у него большие шишки. (Яшк. Полон.)». 2. Левзея сафроловидная, *Leuzea carthamoides* (Willd). «Большеголовник есть. ... А верхушка похожа на большой шарик (Тайга)». ШИРОКОПЁРНИК. Манник водный, *Glyceria aquatica* (L) Wahl. «Широконёрник с широкими перьями на елани по низкому месту (Шег. Кайт)».

Гораздо реже эксплицитная характеристика размера является единственным признаком номинации, причем всего растения целиком, например, УЗИК, Ирис-касатик, *Iris ruthenica* Ker.-Gawl.»И ещё я вот вспомнила, такие вот есть ... ирис или узик. Цветут...листья у них длинненькие, заострённые... (Яшк. Полон.)».

Если говорить об имплицитных способах выражения результатов категоризации по размеру, то следует отметить, что все они связаны с опосредованным, метафорическим путем фиксации в слове характеристики. Зафиксировано три типа метафорического способа выражения категории размера: зооморфная метафора, антропоморфная, связанная с социально-культурными представлениями о «большом и значимом человеке», и фитоморфная, использующая образы других растений.

В зооморфной метафоре используются образы очень маленьких и очень больших животных для оценки растения как большого или маленького. На одной стороне оппозиции образы комара, птицы, воробья, мыши, на другой – коня и медведя. Например, многозначный фитоним МЫШИНЫЙ горох. 1. Горошек мышиный, *Vicia cracca* L. «Мышиный горох, он красивый. Но кога отцветает у него стручки, как у гороха, и там маленькие-маленькие горошинки... (Мар. Мар.)». 2. Чина луговая, *Lathyrus pratensis* L. Другие примеры, мсодержащие зооморфно выраженную оценку «маленький»: ВОРОБЬЁВА каша, Сумочник пастуший, *Capsella bursa pastoris* (L.) Medic. «Трава такая невысокая, она вот

светёт мелко-меленько, и когда отсветёт, плод у неё типа треугольничка, как сумочка. ... Её ещё называют воробьёва каша (Том. Ит.)». КОМАРЬИ ОРЕШКИ (Пион уклоняющийся, *Paeonia anomala* L.), ПТИЧЬЯ ТРАВКА (Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare* L.), МЫШЬЯ РЕПКА (Астрагал датский, *Astragalus danicus* Retz.) и др.

Зооморфная метафора, выражающая характеристику «большой», связана с образами самых крупных животных: из домашних – конь, из диких – медведь. Например, МЕДВЕЖЬЯ ПУЧКА, Дудник лесной, *Angelica sylvestris* L. Травянистое растение с высоким, до ста восьмидесяти сантиметров высотой, цилиндрическим ...стеблем (зона толкования). КОНСКИЙ ЩАВЕЛЬ, КОНЁВНИК, Щавель конский, *Rumex confertus* Willd. «А вот это конский щавель, почему конский, не знаю, может, что здоровее, чем людской (Юрг. Юрг.)».

Характеристика растения как «большого» также может быть выражена антропоморфной метафорой, связанной с социально сформированными представлениями о человеке, стоящем на вершине социальной лестницы, как «большом». Например, БАРЫШОВА пучка (Борщевик рассеченолистный, *Heracleum dissectum* Ledeb.) или ЦАРСКОЕ СЕМЯ (Водолуб болотный, *Heleocharis palustris* R. Br.).

Кроме того, характеристика растения как большого формируется с использованием фитоморфной метафоры, сравнением с другим растением, которое заведомо известно всем крупным размером. Например, растение с крупными (высокими и толстыми – большими) полыми стеблями Борщевик рассеченолистный, *Heracleum dissectum* Ledeb. получает название СТВОЛЫ, а растение с широкими круглыми листьями Калужница болотная, *Caltha palustris* L. – ЛОПУХА (мн. ч.).

Наиболее продуктивным из всех трех способов имплицитного выражения результатов категоризации, связанной с внеязыковой категорией размера, является зооморфная метафора (77%).

Итак, семантика фитонимов с признаком номинации, характеризующим размер, эксплицитно или имплицитно может объективировать внеязыковую

категорию размера. Основными семантическими оппозициями являются противопоставленные характеристики «большой – маленький», «широкий-узкий».

Имплицитные коннотации содержатся в семантике фитонимов, образованных преимущественно с помощью зооморфной метафоры, но встречаются случаи использования антропоморфной и фитоморфной метафор.

Таким образом, можно сделать вывод, что категоризация окружающей действительности как ментальный процесс может иметь объективный и субъективный характер. При субъективном характере процесса категоризации диалектоносители задействуют оценочные категории.

На материале диалектной фитонимики оценочные категории представлены внеязыковыми категориями пользы и вреда, которые объективируются в языке утилитарной оценкой, выраженной семантической оппозицией «польза-вред». Оценочная коннотация с семантикой «польза» и «вред» чаще выражена имплицитно, имплицитную оценочную коннотацию содержат 88% исследованных фитонимов. Для объективаций категорий пользы и вреда в языке используется в основном метонимический опосредованный способ номинации, реже метафорический опосредованный и прямой.

Объективная категоризация действительности в работе рассмотрена на примере категории размера, которая объективируется в языке в процессе номинации признаками, характеризующими размер растения и семантическими оппозициями «большой-маленький», «широкий-узкий». Характеристика по размеру может быть выражена в слове, как и в случае оценочных коннотаций, эксплицитно и имплицитно. Объективация категории размера осуществляется в диалекте с использованием опосредованного метафорического и прямого способа. Метонимический способ при категоризации по размеру не задействуется.

Выводы по Главе 2

1. Процесс познания мира растений как фрагмента окружающей действительности осуществляется крестьянским коллективом на основании

результатов чувственного восприятия, являющегося доминирующим источником информации (64,8%), и рационально осмысленного практического опыта (33, 1%). Кроме того, поскольку диалектоносители являются обладателями наивного сознания, в комплексе их ментальных представлений о действительности сохраняются элементы архаического мифологического восприятия мира (1,8%).

2. Доминирующим каналом перцепции является зрение, а также в процессе чувственного восприятия растений активными и примерно равнозначными являются каналы осязания, вкуса и обоняния. Данные слухового канала перцепции практически не используются при познании растительного мира (0,9% фитонимов объективируют слух как способ восприятия). Перцептивные каналы получения информации объективируются в семантике фитонимов через признаки номинации, которые могут быть сгруппированы по типам восприятия.

3. Рациональный опыт как способ (механизм) познания объективируется двумя группами принципов номинации: объективными, характеризующими на основе эмпирического опыта растение по месту его произрастания, времени цветения и оценке его как только похожего на культурное, но не настоящее; а также субъективными, связанными с опытом применения растения человеком и эмпирически сформированными знаниями о его воздействии на человека и вредоносных свойствах.

4. Категоризация окружающей действительности, как и процесс номинации, может иметь объективный и субъективный, оценочный характер. Субъективные принципы номинации объективируют результаты оценочной категоризации познаваемой действительности, выражающиеся в отражении в диалектной фитонимике внеязыковых категорий «польза» и «вред». Оценочные коннотации в семантике фитонимов могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно.

Глава 3. Репрезентации когнитивных моделей в диалектной фитонимике

3.1. Понятие «когнитивная модель» в современной лингвистике

Понятие «когнитивная модель» используется в современной науке достаточно широко. Работы, посвященные исследованию когнитивных моделей, выполняются не только в лингвистике, но и в психологии, экономике, математике, информатике, кибернетике и технике. Каждая научная дисциплина, использующая понятие когнитивной модели, дополняет его специфическими смыслами, коррелирующими с предметом и целями исследования.

Безусловно, своим широким распространением понятие обязано бурному развитию когнитивной науки, начиная с 60-х гг. XX в., когда изучение и попытки моделирования когнитивных процессов естественного интеллекта были востребованы прежде всего необходимостью развития систем искусственного интеллекта.

В наиболее общем смысле когнитивная модель – это ментальная схема, по которой осуществляются различные когнитивные процессы, и это понимание непосредственно связано с традицией употребления термина «модель» в естественных и гуманитарных науках.

В описании истории функционирования в научном дискурсе термина «модель», А. Ф. Лосев отмечает, что термин впервые был введен в конце XIX века математиками Е. Бельтрами и Ф. Клайном. Традицию использования термина продолжили философы Г. Фреге и Б. Рассел в своих работах по математической логике. А в 1944 году этот термин впервые появился в лингвистической работе З. Хэрриса. Необходимо отметить, что первоначальное, «математическое значение модели было совершенно противоположно значению, которое она получила в дальнейшем, и особенно в лингвистике» [Лосев, 2010, с. 14].

Естественные и гуманитарные науки, заимствовав понятие модели у математики, стали обозначать им абстрактную схему некоторого фрагмента действительности, придав его значению оттенок вероятности. В 50–60-е гг. XX в.

термин «модель» уже активно используется лингвистами, начиная с работ Н. Хомского, получает дальнейшее развитие и применение в области фонологии и синтаксиса в качестве метода языкового моделирования.

Несмотря на то, что А. Ф. Лосев описывает 27 употреблений термина «модель» только в лингвистике [Лосев, 2010, с.16], все функционирующие в различных областях варианты можно свести к двум основным значениям: «модель – это и конструкт, искусственно созданный, повторяющий свойства оригинала, и схема, обладающая свойством воспроизводимости» [Демешкина, 2006, с. 8]. Следует отметить, что во втором значении термина, как воспроизводимой схемы, понятие модели активно использовалось ономастикой на стадии становления ее понятийного аппарата. В частности, одна из основных категорий ономастического анализа – принцип номинации в исследованиях 70–80-х гг. XX в. обозначается как «номинационная модель» [Иванова, 1973], «признаковая модель» [Боброва, 1976], «модель образования наименований» [Сюръялайнен, 1982].

С середины XX века перед научным познанием были поставлены новые задачи, связанные с появлением кибернетики и постановкой проблемы развития искусственного интеллекта. Поскольку решение этой задачи виделось в воссоздании деятельности естественного интеллекта, ученые обратились к проблеме функционирования человеческого мышления, что к 70–80-м годам XX века обусловило изменение парадигмы исследований ряда гуманитарных наук, в том числе языкознания. В центре внимания оказывается не язык как система, а человек, на языке мыслящий и говорящий. Именно в это время формируется представление о моделировании как об одном из базовых свойств человеческой когниции.

Философские работы о языке Л. Витгенштейна [Витгенштейн, 1958], психологические эксперименты Э. Рош [Rosch, 1981] и появление теории прототипов были активно использованы лингвистами в рамках нового направления языкознания – когнитивной лингвистики. Одним из постулатов новой науки являлось утверждение о том, что в основе когнитивной деятельности

лежат общие структуры, определяющие восприятие информации о действительности, ее обработку, хранение и передачу другим человеческим индивидам при помощи естественного языка, поэтому в когнитивной лингвистике понятие «когнитивная модель» занимает одно из центральных мест в общем понятийном аппарате науки.

Репрезентация в языке понятийной системы человека, способы обработки, хранения и передачи знаний о мире, в том числе посредством языка, – все эти вопросы освещаются в когнитивной лингвистике через призму когнитивных моделей. Н. А. Мишанкина отмечает: «Язык, являясь частью мышления, участвуя во всех психических и когнитивных процессах, представляет собой воплощенные его механизмы, именно поэтому ядром когнитивной лингвистики становятся исследования языковой семантики в аспекте когнитивного моделирования – представления разных видов информации в различных языковых структурах» [Мишанкина, 2010, с. 8].

Необходимо отметить, что когнитивная лингвистика как научное направление находится на стадии становления, весьма разнородна по предлагаемым концепциям. На данном этапе можно говорить только об общих подходах к исследованию языковых явлений через призму человеческой когниции [Скребцова, 2011, с. 26]. В связи с этим, понятие «когнитивная модель» в современных лингвистических исследованиях весьма многозначно. Н. А. Мишанкина, например, рассматривает моделирование «как базовое свойство человеческой когниции» [Мишанкина, 2010, с. 353] и описывает следующие продукты теории когнитивной лингвистики в качестве когнитивных моделей:

- Кинестетические образы-схемы М. Джонсона, формирующиеся на основании процессов восприятия и моторных программ сознания, обусловленные телесным опытом взаимодействия со средой и существующие только в области бессознательного. Классическими образ-схемами М. Джонсон называет такие модели, как: вместилище, часть-целое, центр-периферия, источник-путь-цель [Johnson, 1987].

- Концепции Р. Лангакера об иерархии моделей восприятия пространства и реализации их в языке и Л. Талми о понятиях фигуры и фона, связанные с базисными перцептивными способностями человека воспринимать пространство, время, цвет и т.п. [Langaker, 1991; Talmy, 1988].

- Фреймовые структуры М. Минского и Ч. Филлмора. Несмотря на то, что авторы разрабатывали теорию фрейма независимо, понятийно их концепции очень близки. В теории М. Минского, фрейм – это информационная структура, описывающая стереотипную ситуацию, в интерпретации Ч. Филлмора, фрейм – это структура знаний как фрагмент человеческого опыта. Активизация фрейма происходит через его языковое выражение, в этом смысле фрейм является двухплановой когнитивной структурой, представляющей как фрагмент мира, так и фрагмент языка. Фрейм является сложным образованием, состоящим из слотов, элементов, хранящих различные аспекты человеческого опыта, связанные с данным фрагментом действительности [Minsky, 1968; Fillmore, 1969; Минский, 1979; Филлмор, 1988]. Теория фрейма как когнитивной модели представления знаний о мире в ментальной сфере человека оказалась очень востребованной в западной и отечественной лингвистике.

- Ментальные модели Ф. Джонсона-Лэрда. Концепция Ф. Джонсона-Лэрда связана не столько с когнитивной семантикой слова или языкового выражения, сколько с когнитивными процедурами, направленными на понимание и интерпретацию текста [Джонсон-Лэрд, 1988].

- Когнитивные модели категоризации Дж. Лакоффа; теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, 1988; 1989; 2011; Лакофф, Джонсон, 1980]. В рамках когнитивной теории языка Дж. Лакофф предложил новое понимание процесса категоризации, меняя существующее со времен Аристотеля понимание категорий. Основным выводом Дж. Лакоффа базируется на том, что категоризация есть база ментальных и перцептивных процессов и для человеческой категоризации свойственна прототипичность, когда не все члены категории равноправны. Дж. Лакофф разрабатывает концепцию

идеализированных когнитивных моделей (ИКМ), которая более подробно будет освещена далее.

- Концепты. В русскоязычный лингвистический дискурс это понятие было введено первыми переводами работ А. Вежбицкой и Ч. Филлмора [Скребцова, 2011, с. 31]. В 90-х гг. XX в. и в первое десятилетие XXI в. в российской когнитивной лингвистике сформировалось отдельное научное направление – концептология, ориентированное на анализ и описание различных концептов как русского языка, так и ряда других языков.

- Ментальные пространства Ж. Фоконье. Н. А. Мишанкина относит ментальные пространства Ж. Фоконье к вторичным интегрирующим моделям, которые существуют на базе более простых когнитивных моделей, структурирующих фрагменты действительности.

- Языковая картина мира как когнитивная модель. Понятие «картина мира» имеет достаточно долгую историю в гуманитарных науках. Введенное в философский дискурс Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате» [Витгенштейн, 1958], оно активно используется в работах неогумбольдтианцев (Э. Кассирера, Й. Трира, Л. Вайсгерберера), попадая отсюда в антропологию, семиотику и лингвистику. В общем виде это понятие стало обозначать «динамическую модель мира в сознании человека, обусловленную множеством факторов: социальной, культурной, языковой средой индивида, а также наследственными психическими структурами» [Мишанкина, 2010, с. 78].

Таким образом, Н. А. Мишанкина рассматривает в качестве когнитивных моделей разных уровней различные способы когнитивного моделирования человеком действительности и связывает их с двумя базовыми этапами когнитивной деятельности человека: анализом и синтезом.

Тем не менее, в большинстве лингвистических работ в сфере изучения процессов когнитивного моделирования понятие «когнитивная модель» используется не так широко. Можно выделить два основных подхода в направлениях исследований.

Первый подход представлен в когнитивной семантике и предполагает изучение и описание когнитивных моделей как типовых схем понятийной системы человека, на базе которых сформированы и формируются все ментальные представления о реалиях, репрезентирующиеся затем в языке. Фактически этот подход представляет «попытку моделирования структур, отвечающих за организацию знаний в мозгу человека» [Скребцова, 2011, с. 106]. Одним из основоположников подхода является Дж. Лакофф, в своих работах [Лакофф, 1988; Лакофф, 1989; Лакофф, 2011] описавший четыре типа идеализированных когнитивных моделей: метафорическую, метонимическую, пропозициональную и образно-схематическую, используя которые, человек категоризирует познаваемую реальность. Источниками теории когнитивных моделей Лакофф называет фреймовую семантику Филлмора, теорию метафоры и метонимии Лакоффа и Джонсона, когнитивную грамматику Лангакера и теорию ментальных пространств Фоконье [Лакофф, 2011, с. 99].

Идеализированная когнитивная модель в понимании Дж. Лакоффа – это «комплексное структурированное целое, гештальт» [Лакофф, 2011, с. 99], который представляет собой концептуализированный в ментальной сфере участок действительности. Использование в качестве компонента термина понятия «идеализированная» подчеркивает ментальный характер явления когнитивного моделирования действительности. Дж. Лакофф отмечает, что идеализированная когнитивная модель (далее: ИКМ) может соответствовать объективной реальности в разной степени: от полного совпадения до несоответствия [Лакофф, 2011, с. 102], что объясняется спецификой процесса категоризации и прототипическими эффектами.

Отдельно от гештальтно-структурированных ИКМ Дж. Лакофф рассматривает пятую когнитивную модель – символическую, говоря о ней как о сложной структуре, с которой ассоциированы лингвистические элементы, и служащей для описания естественных языков. Примерами таких когнитивных моделей он считает грамматические категории [Лакофф, 2011, с. 376].

Традиционно в когнитивной семантике основное внимание уделяется четырем гештальтно-организованным ИКМ: метафорической, метонимической, пропозициональной и образно-схематической. В работах Дж. Лакоффа и других исследованиях, базирующихся на теории ИКМ, пропозициональная ИКМ и образно-схематическая являются наименее описанными.

Под пропозициональной когнитивной моделью Дж. Лакофф понимает ментальную схему, в создании которой не участвуют образные механизмы – метафора и метонимия. Пропозициональные ИКМ создаются при характеристике объектов, их свойств и отношений между ними. К пропозициональным моделям автор относит несколько понятий, разработанных в рамках разных подходов.

Во-первых, это простая пропозиция, которая, по мнению автора, сама является примером пропозициональной ИКМ и состоит из аргументов и предиката, истинного относительно этих аргументов.

Во-вторых, к пропозициональным моделям относятся сценарии, состоящие из элементов: начальное состояние, последовательность событий и конечное состояние.

В-третьих, пропозициональная ИКМ, по мнению Лакоффа, также может быть организована в виде пучка свойств, причем, под свойством понимается символ, представляющий признак, а пучок свойств – это неструктурированное множество свойств, представляющих множество признаков [Лакофф, 2011, с. 159].

В-четвертых, классическая таксономия также лежит в плоскости пропозициональных структур.

И, наконец, последним типом пропозициональных ИКМ Лакофф называет радиальные категории, представляющие из себя ВМЕСТИЛИЩЕ и структурированные по схеме ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ.

Образно-схематическая ИКМ формируется в результате приобретения человеком физического опыта, в частности, структурирует наш пространственный опыт. Дж. Лакофф считает, что «когда мы осмысливаем что-то как имеющее абстрактную структуру, мы понимаем эту структуру в терминах образных схем»

[Лакофф, 2011, с. 368]. Примерами образно-схематических ИКМ могут быть такие образные схемы, как: ВМЕСТИЛИЩЕ, СВЯЗЬ, ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ, ВЕРХНИЗ и др. Кроме того, эти модели содержат наши представления о типичных формах предметов и траекториях движения. Автор отмечает, что образно-схематические ИКМ часто становятся базой для формирования ИКМ метафорических [Лакофф, 2011, с. 369].

Наиболее подробное освещение получили в работах Дж. Лакоффа метонимическая и метафорическая когнитивные модели, описанные им в рамках когнитивной теории метафоры (концептуальной метафоры) совместно с М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон, 2004; Лакофф, 1988; Лакофф, 2011 и др.]. Обе модели основываются на принципе экономии ментальных усилий, объясняющем потребность человеческого мышления сравнивать новые объекты познания с уже известными фрагментами действительности и обозначать их посредством переноса.

Таким образом, по Лакоффу и Джонсону, процесс метафоризации происходит при взаимодействии двух когнитивных структур: области источника (source domain) и области цели (target domain), где область источника – это представление о ранее известном фрагменте действительности, а область цели – новый, познаваемый ее элемент. Предполагая одинаковую природу метафоры и метонимии, авторы тем не менее подчеркивают, что это разные виды процессов. Метафора является «способом постижения одной вещи в терминах другой», а метонимия выполняет функцию замещения одной сущности другой [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 62].

Опираясь на теорию идеализированных когнитивных моделей объяснение существенного различия когнитивной метафоры и метонимии заключается в том, что когнитивная метафора задействует элементы различных ИКМ, в то время как метонимия действует в рамках одной ИКМ [Пушкарев, 2015, с. 57]. При этом организация ИКМ видится как сложная структура, фрейм, состоящий из отдельных элементов действительности (слотов) в терминологии М. Минского и Ч. Филлмора, либо, если пользоваться терминологией

когнитивистики, как структурная часть когнитивного, состоящая из когов – элементарных частиц опыта.

Понятие когнитивного сформулировано в нейронауке К. В. Анохиным и описывает человеческий разум как иерархически организованную сеть из когов, хранящих знание об объектах действительности и представляющих собой популяции нейронов [Анохин, 2015]. Коги формируют ИКМ как ментальное отражение действительности, организуясь в пирамидальную структуру, на вершине которой будут находиться коги, кодирующие инвариантные и прототипические значения ИКМ [Пушкарев, 2015, с. 59]. Метафора как когнитивный процесс активизирует коги из различных структур, формируя новые нейронные связи и новую структурную единицу когнитивного. Метонимия задействует часть когов в рамках одной и той же структуры, однако при этом также формируя новую структурную единицу когнитивного, новую ИКМ. Иными словами, когнитивная метафора формируется воображаемой связью между источником метафоры и ее мишенью, а метонимия имеет под собой реальную основу, объективную связь источника и мишени.

В свете сказанного представляется уместным провести разграничение между понятием «ИКМ» и «когнитивная модель», часто используемые как синонимы. Когнитивная модель в данном ключе представляется как ментальная схема, обеспечивающая процесс когнитивного моделирования действительности, а ИКМ видится как результат этого процесса, оформленный в ментальную структуру. К сожалению, в работах Дж. Лакоффа как разработчика теории ИКМ подобного разграничения не проводится, кроме того, почти полное формальное совпадение терминов затрудняет понимание существующего между ними различия. Вероятно, поэтому в работах исследователей, опирающихся на теорию Лакоффа и действующих в рамках описываемого первого подхода к использованию понятия «когнитивная модель», наблюдается различное использование этого термина и, как следствие, различные аспектуализации исследований.

Часть исследователей, трактующих когнитивную модель как результат ментальной деятельности, рассматривают конструкты, сформированные на основе когнитивной метафоры и/или метонимии, фактически продолжая разработку когнитивных (концептуальных) метафор, предложенную Лакоффом и Джонсоном. При этом, как считает Н. А. Мишанкина, «идеализированные когнитивные модели в отечественной лингвистике не получили должного описания» [Мишанкина, 2010, с. 58], так как гораздо большее внимание было уделено описаниям концептов – модели, близкой по своему способу организации к ИКМ, и концептуальной метафоре.

В работе «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон, 1990; Лакофф, Джонсон, 2004] исследователи утверждают, что «наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387], более того, метафорическое представление о действительности во многом определяет поведение человека и упорядочивает его повседневную деятельность определенным образом [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 388]. Лакофф и Джонсон разделили метафоры на структурные, ориентационные и онтологические [Лакофф, Джонсон, 2004].

К структурным метафорам ими были отнесены «случаи, когда одно понятие структурно метафорически упорядочивается в терминах другого» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 396], например, ARGUMENT IS WAR (Спор – это война), TIME IS MONEY (Время – деньги) и др.

Ориентационной метафорой Лакофф и Джонсон назвали организацию целой понятийной системы по образцу другой системы. Ориентационные метафоры связаны с пространственной ориентацией и опираются на физический, телесный и культурный опыт человека: «верх – низ», «внутри – снаружи», «центральный – периферийный» и т.п. Например, «HAPPY IS UP», «SAD IS DOWN», (Счастье – верх, грусть – низ); «GOOD IS UP», «BAD IS DOWN» (хорошее – верх, плохое – низ) и др.

Онтологическая метафора так же, как и ориентационная, задействует физический и культурный опыт человека, однако она шире ориентации в

пространстве и предполагает в целом осмысление взаимодействия с объектами материального мира, в том числе с собственным телом. Подобный опыт взаимодействия становится основой для разнообразного метафорического представления событий, деятельности, эмоций и других сущностей нематериальной действительности как материальных объектов [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 49], например, THE MIND IS A MACHINE (Разум – это машина); персонификация также является онтологической метафорой (INFLATION IS A PERSON, Инфляция – это человек) и др.

Идеи Дж. Лакоффа и М. Джонсона нашли своих сторонников как среди лингвистов, так и среди философов. В частности, Э. Маккормак как философ предложил свое видение теории метафоры в когнитивном аспекте, рассматривая ее как «когнитивный процесс, без которого было бы невозможно получение нового знания» [Маккормак, 1990, с. 381], и выделив два типа когнитивной метафоры: передающая и базисная. При этом, по Маккормаку, передающая метафора используется «как языковое средство для передачи семантических сдвигов в концептуализации, преследующей разнообразные цели», а базисная играет роль «фундаментальных допущений, которые лежат в основе теории или даже целой научной дисциплины» [Маккормак, 1990, с. 383].

Наибольший интерес к когнитивной метафоре Лакоффа и Джонсона проявили лингвисты, в том числе российские. В отечественном языкознании выполнен целый ряд исследований на материале разных языков и дискурсов [Лапшина, 1996; Чудинов, 2001, 2005; Вершинина Т. С., 2002; Рябина, 2005; Синеева, 2007; Шабалина, 2007; Мишанкина, 2010; Агафонова, 2012; Нильсен, 2014; Берендеева, 2016; Бочина, Лю Юй, 2016; Курбанов, Кириллова, 2017; Милькевич, 2017 и др.], причем, наиболее исследованными оказались структурная и онтологическая метафора в понимании Лакоффа, Джонсона.

Основное внимание было уделено разработке на материале русского языка теории когнитивной (концептуальной) метафоры (А. Н. Баранов, Л. В. Калашникова, З. И. Резанова, А. П. Чудинов и др.). Как отмечают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, «принципиальное отличие когнитивного подхода связано с

тем, что метафора признается не столько языковым, сколько концептуальным феноменом – результатом взаимодействия различных структур знания» [Баранов, Добровольский, 2008, с. 225]. А. Н. Баранов сформулировал понятие когнитивной модели как структуры знания, состоящей из фреймов и слотов, фиксированной в семантике слов и фразеологизмов [Баранов, 2010, с.157–158], и предложил дескрипторную теорию метафоры, базирующуюся на когнитивной теории процесса метафоризации и разработанную на материале политического дискурса. В теории дескрипторной метафоры метафора представляет собой совокупность сигнификативного и денотативного дескрипторов.

А. Н. Баранов также использует термин «метафорическая модель», но вместе с тем, отмечает, что понимание этого термина в его представлении не совпадает по содержанию ни с одной категорией когнитивной теории метафоры. Под метафорической моделью А. Н. Баранов понимает «тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов, то есть источников процесса метафоризации. Например, сигнификативные дескрипторы, описывающие проблемную зону военных действий, образуют метафорическую модель ВОЙНЫ; дескрипторы, связанные с родственными отношениями, формируют метафорическую модель РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ и т.д. [Баранов, 2014].

А. П. Чудинов, исследуя русскую политическую метафору в когнитивном аспекте, предложил методiku описания метафорической модели, которая включает в себя характеристику следующих признаков модели: исходную понятийную область (источник), новую понятийную область (мишень), типовые сценарии и фреймы, слоты фреймов и компонент, связующий область-источник и область-мишень, то есть причина метафоризации [Чудинов, 2001, с. 45–46]. Он отмечает антропоцентричность политической когнитивной метафоры: «человек метафорически создает (концептуализирует) политическую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками» [Чудинов, 2001, с. 58] и рассматривает основные фреймы следующих метафорических моделей: «ПОЛИТИЧЕСКИЕ

РЕАЛИИ – ЭТО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ», «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ», «ГОСУДАРСТВО – ЭТО СЕМЬЯ», «ПОЛИТИКА – ЭТО СЕКС» и др.

В рамках исследований русской политической метафоры также были выделены метафорические когнитивные модели: "ПОЛИТИКА – ЭТО МИР ЖИВОТНЫХ", "ПОЛИТИКА – ЭТО МИР РАСТЕНИЙ", "ПОЛИТИКА – ЭТО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ" [Вершинина Т. С., 2002]; на материале английской и американской политической метафоры построено исследование О. И. Агафоновой, анализирующей метафору «POLITICS IS ANIMAL WORLD» [Агафонова, 2012].

На материале экономической метафоры анализировались такие метафорические когнитивные модели, как: «ЭКОНОМИКА – ЭТО ВОЙНА», «ЭКОНОМИКА – ЭТО ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ», «ЭКОНОМИКА – ЭТО БОЛЕЗНЬ», «ЭКОНОМИКА – ЭТО ИГРА», «ЭКОНОМИКА – ЭТО ТЕАТР» и др. [Синеева, 2007]. В работе О. В. Булгаковой рассматривается функционирование в экономическом дискурсе метафорических моделей создания имиджа персоны и организации: «БИЗНЕС – ЭТО ЧЕЛОВЕК», «БИЗНЕС – ЭТО МИР РАСТЕНИЙ», «БИЗНЕС – ЭТО МИР ЖИВОТНЫХ», «БИЗНЕС – ЭТО МЕХАНИЗМ», «БИЗНЕС – ЭТО ВОЙНА», «БИЗНЕС – ЭТО ПОКОРЕНИЕ НЕИЗВЕДАННОГО» и др. [Булгакова О. В., 2009].

Моделирование имиджа с использованием метафорических моделей описывается также в работе Е. Н. Вершининой на материале образовательного дискурса, причем метафорические модели рассматриваются в том числе как репрезентанты когнитивной и семантической категории «свойственности – чуждости», например, «УНИВЕРСИТЕТ – РОДНОЙ ДОМ», «УНИВЕРСИТЕТЫ СИБИРИ – ДРУЖНЫЕ СОСЕДИ» и др. Метафорические модели сгруппированы по характеру области-источника метафоры, например, фитоморфные: «УНИВЕРСИТЕТ – ЭТО ИСТОЧНИК ЖИЗНИ», «УНИВЕРСИТЕТ – ЭТО ЖИТНИЦА КАДРОВ И ИДЕЙ»; антропоморфные «УНИВЕРСИТЕТ – ЭТО МОЛОДОЙ ОРГАНИЗМ»; милитарные «УНИВЕРСИТЕТ – ЭТО

ВООРУЖЕННЫЙ БОЕЦ»; спортивные «УНИВЕРСИТЕТ – ЭТО КОМАНДНЫЙ ИГРОК» и др. [Вершинина Е. Н., 2015].

Метафорическое моделирование научного дискурса рассмотрено в работах Н. А. Мишанкиной [Мишанкина, 2010; 2012], предложена классификация типов метафорических когнитивных моделей на уровнях онтологической и структурной метафор: «ПРОСТРАНСТВО – ВМЕСТИЛИЩЕ», «ПОЗНАНИЕ – ВИДЕНИЕ», «НЕЧТО – ЭТО ОБЪЕКТ/ВЕЩЕСТВО», «ПОЗНАНИЕ – ДВИЖЕНИЕ», «ПОЗНАНИЕ – КОНСТРУИРОВАНИЕ/ДЕКОНСТРУИРОВАНИЕ», «НЕЧТО – ЖИВОЕ», «НЕЧТО – ЧЕЛОВЕК» и т.д.

В исследованиях русской пищевой метафоры также выделены и описаны метафорические модели, использующие образы сферы-источника «Еда» для обозначения различных понятийных областей материального и нематериального мира (работы Е. А. Юриной, Н. А. Живаго, 2015; А. В. Балдовой (Боровковой), 2016). Например, А. В. Балдова описывает номинации объектов и явлений нескольких концептуальных сфер носителей русского языка: «Человек», «Социум», «Материальный мир», «Нематериальный мир», «Пространство», «Звук и запах» через метафорические модели. Например, концептуальная сфера «Человек» представлена такими моделями, как «ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА – ЭТО ЕДА/ПОСУДА», «ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЕДА», «ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЕДОК», «МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ПОГЛОЩЕНИЕ ПИЩИ», «ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ – ЭТО ПОГЛОЩЕНИЕ/ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ» и др. [Балдова, 2016].

Тот же подход к исследованиям когнитивных моделей как ментальных конструктов, как результата когнитивного моделирования окружающей действительности наблюдается, например, в исследованиях субстандартной семантической деривации глаголов умственной деятельности в русском и английском языках [Шабалина, 2007] (метафорические модели: «УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД», «УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ПРИОБРЕТЕНИЕ», «УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ТРУД», «УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО УСВОЕНИЕ ПИЩИ» и

др., метонимические модели «УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ПОДСЧЕТ ДАННЫХ», «УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ»). А также в исследовании процессов метафоризации времени (на материале английского языка) [Нильсен, 2007]: ВРЕМЯ - ПУТНИК, ВРЕМЯ – ПРЕДМЕТ ОБЛАДАНИЯ, ВРЕМЯ - ГОСПОДИН, ВРЕМЯ - ДОРОГА, ВРЕМЯ - КОНТЕЙНЕР.

В то же время в исследованиях параллельно функционирует понимание когнитивной модели как **процесса** моделирования действительности, формирования новых концептуальных единиц в сознании человека, отображающих действительность, по определенной схеме. Фактически это механизмы, в результате действия которых формируются ИКМ, рассмотренные выше, поэтому они оперируют тем же набором понятий: область-источник, область-мишень. Характерным отличием этих подходов, пожалуй, можно назвать привлекаемый языковой материал. Если исследования когнитивной модели как результата (фактически ИКМ) используют лексические единицы в обязательном контексте предложения, текста, дискурса, то исследования когнитивного моделирования как процесса часто ограничиваются лексическим уровнем языка, основываясь на анализе различных тематических группы лексики, например, глаголов звучания [Козлова, 2014]; фитонимической лексики [Ковалевич, 2004; Дементьева, 2014; Бабина, Дементьева, 2016; Звягинцева, 2016; Лукьянова, 2016]; прагматонимов [Стадульская, 2010; Бабина, Вечерина, 2015]; лексикализаций форм множественного числа [Шемаева, 2014]; глаголов пешего перемещения [Поддубный, 2005]; астрономической терминологии [Лату, Багиян, 2015]; отсубстантивных глаголов [Пересада, 2017]; зоологической терминологии [Темиргазина, 2017] и другие.

В основном во всех работах проводится анализ метафорической, реже метонимической (и метофтонимической) когнитивных моделей, объективированных семантикой лексических единиц. Рассматриваются типы метафоризации: антропоморфная, натуроморфная, артефактная, социоморфная и т.п. и метонимического переноса: «часть – целое» (например, «растение – плод»)

[Дементьева, 2014]; «следствие – причина», «оценка – событие», «способ – событие», «результат – событие» и др. [Козлова, 2014], «качество – предмет» [Шемаева, 2014]; «часть – целое», «предмет – процесс» [Лату, Багиян, 2015]; «целое – часть», «часть 1– часть2» [Бабина, Дементьева, 2016] и другие.

Кроме того, существуют отдельные исследования, не вписывающиеся в единое направление, в которых понятие «когнитивная модель» также обозначает процесс ментального кодирования информации об участках объективной действительности с последующей ее репрезентацией в языке, но разрабатываются отличные от классификации Дж. Лакоффа виды моделей.

Например, в работе Е. А. Оглезневой, посвященной когнитивным моделям наименований растений и рассмотренной нами в первой главе (Гл. 1, § 1.1.4), под когнитивной моделью понимаются типы пропозициональных структур (типы суждений), которые представляют собой «способы организации знания о данном фрагменте мира» [Оглезнева, 2001, с. 49]. При этом речь не идет о пропозициональной когнитивной модели, выделяемой Дж. Лакоффом, так как в рассматриваемых исследователем типах пропозициональных структур упоминаются и структуры, использующие механизм метафоры. Несмотря на существенное различие принципа когнитивного моделирования, применяемого Е.А. Оглезневой в сравнении с теорией Дж. Лакоффа, их объединяет общий подход к анализу семантики слова с когнитивной позиции и определение когнитивных моделей как структур знания, положенных в основу процесса формирования представления об элементах внешнего мира.

В том же ключе работают другие исследователи, разрабатывающие более узкую классификацию когнитивных моделей на конкретном языковом материале, например, схем деривации полусуффиксальных образований в английском языке [Дьячкова, 2017], либо исследующих когнитивные модели метафор конкретных концептов в свете авторского мировидения [Осатюк, 2007].

Таким образом, первый подход в одной своей части рассматривает когнитивную модель как структуру, представляющую результаты ментального освоения человеком действительности (в терминологии Дж. Лакоффа и его

последователей, ИКМ), а в другой как процесс, формирующий эту структуру по определенным и повторяемым схемам (моделям).

Во втором подходе понятие «когнитивная модель» используется для описания системы субъектов, объектов, предикатов, локативов и т.п. как отдельных языковых ситуаций, так и текста в целом, служащей для понимания текста при естественной обработке языковых данных [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 56]. Этот подход активно используется в исследованиях интерпретации иноязычных текстов (в переводоведении, в методических разработках преподавания языков) [Фурсова, 2013; Абаева, 2016; Плетяго, 2016 и др.], а также в исследованиях дискурса в когнитивном аспекте [Белозерова, Чуфистова, 2004; Балашов, 2006; Уткина, 2006; Кашпур, 2007; Эмер, 2007, 2009 и др.].

В частности, Н. Н. Белозерова и Л. Е. Чуфистова дают следующее определение когнитивной модели дискурса: «основанная на представлении о каком-либо феномене универсума многоуровневая, многокомпонентная и полифункциональная ментальная структура, механизмом которой выступает взаимодействие различных разделов головного мозга при переработке и порождении информации и которая основывается на операционном ассоциативном способе представления и извлечения информации» [Белозерова, Чуфистова, 2004, с. 5].

Исследуются парадигмы когнитивных моделей комического (иронического) дискурса [Уткина, 2006; Балашов, 2006], когнитивные модели речевого жанра в политическом дискурсе [Кашпур, 2007], лингвокогнитивные модели фольклорного жанра [Эмер, 2009] и жанра праздничного поздравления [Эмер, 2007] и др.

В качестве результатов обзора использования понятия «когнитивная модель» в современных лингвистических исследованиях необходимо отметить:

1. На современном этапе развития когнитивной лингвистики отсутствует единообразие в понимании и употреблении термина «когнитивная модель». В самом общем смысле под когнитивной моделью лингвистами понимается

ментальная схема, задействованная в процессах обработки, хранения и передачи информации и, как правило, репрезентирующаяся в языке. Такая широкая трактовка позволяет рассматривать в качестве когнитивных моделей как единицы сознания, базирующиеся на перцептивном опыте человека и имеющие доязыковую природу (кинестетические образы-схемы М. Джонсона), так и целые структуры ментальной сферы человека, такие как ментальные пространства Фоконье и языковая картина мира.

2. В отечественном языкознании представлены два подхода к использованию понятия когнитивной модели в исследованиях. Первый подход частично опирается на теорию идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа, но в большей мере на теорию когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В рамках этого подхода когнитивная модель рассматривается в двух ипостасях: как результат ментального процесса (например, метафорического осмысления действительности), представленный когнитивной схемой (здесь наиболее удачным видится использование понятия «идеализированная когнитивная модель»); и как сам процесс кодирования информации с использованием когнитивной метафоры, метонимии, либо пропозициональных структур.

Второй подход предполагает использование когнитивных моделей как комплексных многокомпонентных схем, задействованных человеческой когницией при обработке языковых данных, их интерпретации. Этот подход используется в основном в переводоведении, методических разработках преподавания иностранных языков, а также когнитивном моделировании дискурсов.

Кроме того, существуют отдельные исследования, также использующие понятие «когнитивная модель» как ментальной схемы, репрезентированной тем или иным языковым явлением, но не включенных в описанные парадигмы.

3. Наиболее разработанным в отечественном языкознании является понятие когнитивной модели в рамках теории когнитивной (концептуальной) метафоры.

В данном исследовании когнитивные модели рассматриваются в рамках первого подхода с целью описания «механизмов мышления и образования концептуальной системы человеческого сознания» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 57], а также ментальных схем, по которым репрезентируются в процессе номинации в языке представления о конкретных реалиях растительного мира.

3.2. Трехуровневая система когнитивных моделей, репрезентированных в диалектной фитонимике

3.2.1. Этапы когнитивной деятельности человека как основа когнитивного моделирования действительности

Перед человеком, сталкивающимся с новыми для себя реалиями объективного мира, возникает несколько когнитивных задач: познание объекта, обработка полученного знания, языковое обозначение реалии с целью дальнейшего оперирования фрагментом полученного знания, а именно его хранением и передачей в качестве опыта другим человеческим индивидам.

Когнитивная деятельность человека, направленная на познание нового объекта, состоит из нескольких этапов. Н. И. Панасенко в когнитивно-ономасиологическом исследовании наименований лекарственных растений опирается на выделенные в 70-е годы XX в. составляющие познавательной деятельности человека [Панасенко, 2000, с. 313–314]:

- целостное восприятие предмета (в западной психологии и когнитивной лингвистике – гештальт);
- вычленение основных частей познаваемого объекта и определение их свойств;
- определение взаимоотношения частей;
- вычленение более мелких частей этого объекта и установление их взаимоотношений с основными частями;

- повторное целостное восприятие объекта.

Автором отмечается, что «в семантике фитонимов отражаются не только каналы получения информации, но и тесно связанные с ними некоторые этапы ее обработки» [Панасенко, 2000, с. 314]. Автор исследования описывает четыре этапа когнитивной деятельности человека, которые репрезентируются в семантике названий лекарственных растений в русском, немецком, французском и английском языках [Панасенко, 2000, с. 314–331].

Отдельно выделяется первичная информация, которая «предполагает целый ряд специальных процедур анализа», так как автор включает в список первично получаемой информации достаточно широкий набор сведений о реалии: «чтобы полностью охарактеризовать растение, необходимо знать место его произрастания, время и продолжительность цветения, используемую часть, эффективность лечения и многое другое» [Панасенко, с. 314]. Трудно согласиться, что получение такого объема информации возможно на первичном этапе, так как частично (время и продолжительность цветения, используемая часть, эффективность лечения) эта информация может быть получена только эмпирическим путем многократных наблюдений за растением.

Тем не менее, первым этапом процесса познания объекта растительного мира Н. И. Панасенко считает получение визуальной информации на некотором расстоянии от растения. На этом этапе устанавливается, по ее мнению, форма, цвет, размер растения, место его произрастания, время и продолжительность цветения растения.

На втором этапе происходит обработка полученной через визуальный и обонятельный каналы информации путем сравнения растения с уже известными предметами и растениями. На этом же этапе в случае непосредственного контакта с растением могут быть задействованы тактильные и вкусовые рецепторы.

Третий этап предполагает «использование данных культурологического характера». Из приведенных автором примеров понятно, что имеются в виду мифологические, сакральные представления познающего субъекта:

JUPITER'S STAFF (англ. нар.) *Коровяк скипетровидный;*

ECHTES JOHANNISKRAUT (Настоящая трава Иоанна, нем.лит.) *Зверобой продырявленный*;

JASCOLZCE ZIELE (Зелье ласточки, польск.нар., по преданию, ласточки лечат этим растением птенцов) *Чистотел большой*.

На четвертом этапе происходит заключительная оценка растения, его полезных свойств, физических признаков, возможности использования в лекарственных целях.

Автор полагает, что семантика фитонимов может репрезентировать два и более описанных этапа когнитивной деятельности в их различных сочетаниях, например:

1, 4 этапы. БОЛОТНАЯ ОДУРЬ (рус., лит. Багульник болотный).

1,2,3,4 этапы. FALSCHT BOHMISCHE CHRISTWURZEL (нем., нар. Фальшивое богемское коренье Христа, Горлицвет весенний).

1, 2 этапы. WALD-SAUERKLEE (нем., лит. лесной кислый клевер, Кислица обыкновенная).

Н. И. Панасенко использует в своей работе метод фреймового анализа, который предполагает, что на каждом из этапов когнитивной деятельности происходит заполнение слотов фрейма.

В целом, предложенная в исследовании схема этапов когнитивной деятельности человека, познающего растительный мир, представляется обоснованной. В общих чертах данная схема может быть использована и при описании когнитивного моделирования, так как процесс познания фрагмента действительности и обработка получаемого знания осуществляется по определенным ментальным схемам или типовым когнитивным моделям.

Безусловно, первый, второй и третий этапы получения и обработки первичной информации является этапами аналитическими, а четвертый этап – синтетическим, так как если посмотреть на когнитивную познавательную деятельность человека шире, то очевидно, что она осуществляется в рамках двух основных процессов: анализа и синтеза.

Н. А. Мишанкина также отмечает, что «весь широкий спектр когнитивных моделей, описанных на настоящем этапе развития учеными-когнитивистами, может быть соотнесен с формами и этапами когнитивной деятельности – анализом и синтезом» [Мишанкина, 2010, с. 46]. Ее интерпретация схемы этапов когнитивной деятельности в общих чертах совпадает с описанной у Н. И. Панасенко: сначала целостное (гештальтное) восприятие объекта, затем его аналитическое осмысление, членение на характеристики и, на завершающем этапе, синтезированное представление. При этом отмечается, что «анализ осуществляется с опорой на различные когнитивные модели, позволяющие сформировать первичное представление об окружающем мире» [Мишанкина, 2010, с. 47]. Как уже упоминалось выше, в качестве таких моделей Н. А. Мишанкина рассматривает модели восприятия (кинестетические образы-схемы в теории М. Джонсона, эксплицитные и имплицитные модели Ф. Джонсона-Лэрда, понятия фигуры и фона Л. Талми, фреймы М. Минского и Ч. Филлмора, категоризирующие когнитивные модели Дж. Лакоффа и др.). На этапе синтеза задействуются когнитивные модели более высокого уровня или «вторичные моделирующие системы», осуществляющие создание виртуальных миров и целостной картины мира [Мишанкина, 2010, с. 48].

Таким образом, Н. А. Мишанкина предлагает иерархическую систему когнитивных моделей, опирающуюся на основные процессы человеческой когниции: анализ и синтез. Модели, выделяемые на этапе анализа, автор обозначает как идентифицирующе-категоризирующие, роль которых сформировать первичное представление об окружающем мире. Эти модели разделяются на модели восприятия и модели категоризации, причем, последние «позволяют идентифицировать объект в целостной понятийной системе» [Мишанкина, 2010, с. 60].

На этапе синтеза автор выделяет первичные и вторичные синтезирующие модели. К первичным синтезирующим моделям относятся метафорические и метонимические модели Дж. Лакоффа, видимо, в понимании их как ИКМ, то есть результата осмысления действительности. Ко вторичным – ментальные

образования по типу ментальных пространств Ж. Фоконье и языковая картина мира, которые «позволяют создавать ментальные модели не воспринимаемой чувственно реальности» [Мишанкина, 2010, с. 74–83].

Н. А. Мишанкина считает, что идентифицирующие модели способны функционировать без отражения в языковых структурах, в то время как категоризирующие и синтезирующие модели создаются именно за счет языковой семантики [Мишанкина, 2010, с. 48].

Следует отметить, что описанная иерархическая система когнитивных моделей была разработана Н. А. Мишанкиной с целью моделирования научного дискурса как целостного коммуникативно-когнитивного пространства [Мишанкина, 2010, с. 352]. Тем не менее, некоторые подходы могут быть использованы и в исследовании отдельных тематических групп лексики, в частности, предметной лексики, например, диалектной фитонимики.

В данной работе выдвигается гипотеза о существовании трех уровней когнитивного моделирования предметного мира диалектоносителями, репрезентированных в диалектных наименованиях растений. Гипотеза разработана с опорой на типологию когнитивных моделей Дж. Лакоффа, а также на некоторые идеи Н. А. Мишанкиной, описывающие иерархию когнитивных моделей, и сведения об этапах когнитивной деятельности, приведенные Н. И. Панасенко в применении к фитонимической лексике.

Результаты, полученные на различных этапах познавательной деятельности человека обрабатываются и фиксируются на трех уровнях когнитивного моделирования.

Первый уровень когнитивного моделирования:

1 этап – целостное восприятие объекта действительности (растения) на базе информации, поступающей по перцептивным каналам. 2 этап – вычленение наиболее яркого (перцептивно раздражающего) признака объекта.

На первом уровне кодируется с использованием когнитивных моделей информация, полученная исключительно путем чувственного восприятия как механизма познания.

Второй уровень когнитивного моделирования:

3 этап – анализ информации, полученной по перцептивным каналам, и соотнесение ее с существующей концептуальной системой, представленной другими категориями опыта, на основе ассоциативной связи; либо анализ накопленной рациональным опытом человеческого коллектива информации об объекте.

Третий уровень когнитивного моделирования:

4 этап – целостное восприятие объекта действительности на основе синтеза всей имеющейся о нем информации.

На втором и третьем уровнях обрабатывается информация, полученная путем как чувственного восприятия, так и рационального опыта в качестве механизма познания.

Формирование ментальной единицы, фиксирующей представление о реалии, и ее репрезентация единицей языковой, то есть словом, может происходить на любом этапе когнитивной деятельности и любом уровне когнитивного моделирования действительности.

Результаты когнитивного моделирования первого уровня могут быть задействованы на втором и третьем уровне, а результаты второго уровня – на третьем, что позволяет говорить о функционировании в ментальной сфере диалектоносителей организованной трехуровневой системы когнитивного моделирования результатов познания окружающего мира с целью их обработки, хранения и дальнейшего обмена с другими членами коллектива. Алгоритм действия системы представлен на рисунке 12.

Рисунок 12 – Алгоритм функционирования трехуровневой системы когнитивного моделирования результатов познавательной деятельности

3.2.2. Идентифицирующие когнитивные модели первого уровня

Первый уровень когнитивного моделирования обслуживает первый этап когнитивной деятельности познающего субъекта, который связан с получением информации об объекте действительности (в нашем случае, растительного мира) по перцептивным каналам.

Как уже было отмечено в предыдущей главе, при восприятии диалектоносителем реальности растительного мира первоочередное внимание привлекает наиболее яркий признак – раздражитель того или иного перцептивного канала. Например, если растение дурно пахнет, имеет ярко-выраженный вкус или при тактильном контакте вызывает неприятные ощущения (колется, жжется, режет руки), то именно это свойство/признак, скорее всего, станет доминантой восприятия и при языковой обработке полученной

информации будет положен в основу именованя словом. Однако наличие таких признаков у растения – не самое распространенное явление, поэтому зрительный канал остается доминирующим при восприятии объекта флоры.

Практически одновременно с актом восприятия человек ментально обрабатывает полученную информацию, и у него возникает потребность в дальнейшей идентификации объекта при хранении и передаче этого знания. Обработка информации происходит путем ее анализа, членения на характерные признаки и выявления наиболее яркого, идентифицирующего признака, который будет положен в основу номинации. В терминологии ономазиологической теории это признак номинации (номинационный признак), сформированный в ментальной сфере с использованием *идентифицирующей когнитивной модели*.

Идентифицирующая когнитивная модель обеспечивает фиксацию в ментальной сфере человека выделенного перцептивным путем признака реалии, который становится идентификатором объекта в ментальной сфере человека. Модель этого типа может быть либо репрезентирована в слове напрямую, с использованием прямого способа номинации, либо в признаке номинации именуемого объекта действительности, если понятие о нем будет формироваться с использованием когнитивной модели второго уровня и опосредованного способа номинации.

В диалектной фитонимике репрезентируется два типа идентифицирующих когнитивных моделей: пропозициональная модель и базовая метонимическая модель «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ».

В логике и лингвистике существуют разные понимания термина «пропозиция», в наиболее общем виде пропозиция считается «отражающей некие онтологически существующие отношения между предметами или предметом и его свойством и осмысленные как таковые в голове человека» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 138]. При этом в когнитивной науке пропозиция «рассматривается в качестве структуры сознания, единицы хранения знания, единицы, репрезентирующей мир и выступающей в виде определенной формы его репрезентации» [там же, с. 139–140]. Важным для понимания сущности

пропозициональной когнитивной модели в приведенных определениях является формулировка «осмысленные как таковые», ведь в когнитивной лингвистике пропозициональная модель – это модель, «которая не использует механизмы воображения, то есть метафору, метонимию или ментальные образы» [Лакофф, 2011, с. 370]. Таким образом, используя для идентификации растения и формирования понятия о нем пропозициональную модель, диалектоноситель не связывает познаваемый объект с уже известными ему предметами или явлениями путем создания образной, ассоциативной связи или связи по смежности или функции, как в случае с метафорой и метонимией, а вычленяя существенные признаки реалии, характеризует напрямую присущие ей свойства.

При репрезентации в языке пропозициональная модель реализуется прямым способом номинации, то есть непосредственным выражением в звуковой оболочке слова, в его корневой морфеме объективного признака растения, положенного в основу наименования. Иначе говоря, «когда мы осмысляем наш опыт, проецируя на него пропозициональные модели, мы накладываем на мир объективистскую структуру» [Лакофф, 2011, с. 371]. Например, КИСЛЯНКА, Щавель малый, *Rumex acetosella* L. Признак номинации «растение кислое на вкус». Яркий признак растения, воспринятый по вкусовому каналу перцепции и зафиксированный в ментальной сфере с использованием пропозициональной модели, а в языке при помощи прямого способа номинации.

Следует заметить, что в отличие от метонимической и метафорической когнитивных моделей, пропозициональная модель практически не описана в отечественных лингвистических исследованиях, в то время как само понятие пропозиции достаточно изучено в исследованиях языковых единиц разных уровней (работы Н. Д. Арутюновой (2013), В. А. Белошапковой (1977), Е. Л. Гинзбург (1979), Е. С. Кубряковой (1983), Ю. Г. Панкраца (1983), М. Н. Янценецкой (1979, 2014) и др.).

В частности, в работах сибирских дериватологов 80-90х гг. XX в. был предложен пропозициональный подход к словообразованию, характеризующийся универсальностью и показывающий «способ мышления и организацию

человеческого сознания» [Янценецкая, 2014, с. 167]. Однако наше понимание пропозициональной модели в отличие от этого подхода, использующего методику пропозиционального анализа, которая позволяет исследовать монопропозитивные конструкции в составе семантики производного слова и полипропозитивные конструкции в случае использования при акте номинации метафорического переноса, носит более узкий характер. Общим является представление о способности слова, репрезентирующего ментальную единицу, фиксировать в своей семантике признак, послуживший основанием для номинации в форме свернутой пропозиции. Но при этом в пропозициональной когнитивной модели этот признак может быть выражен только как «пропозитивный концепт» [Белошапкина, 1977, с. 169], имеющий характер предикативности. В то время как в исследованиях дериватологов он может быть выражен другими актантами, производящим аргументом или субъектом второй пропозиции (при полипропозитивной организации) [Артемьева, 2000, с. 7].

Например, в исследовании О. В. Артемьевой, разрабатывающей в когнитивном аспекте методику пропозиционального анализа на примере отсубстантивных глаголов в прибайкальских говорах, приведены следующие примеры пропозиций:

БЕЛОЧИТЬ – пропозиция: S некто Р охотится О **на белку**.

НАЧУЧЕЛИТЬСЯ – полипропозитивная структура (так как в слове имеются «модусные смыслы», то есть метафоризация):

1. S некто Р некрасиво оделся
2. S чучело Р некрасивое
3. S некто Р подобен S² **чучелу** [Артемьева, 2000, с. 7, 9].

Если подходить к анализу семантики приведенных в качестве примера глаголов с позиций когнитивного моделирования по Дж. Лакоффу, то следует отметить, что в глаголе БЕЛОЧИТЬ репрезентируется метонимическая модель, а в глаголе НАЧУЧЕЛИТЬСЯ – метафорическая модель. Таким образом, эти примеры демонстрируют широкое и узкое понимание пропозиции в когнитивном ключе, а именно в процессах когнитивного моделирования действительности.

Именно на предикативной сущности пропозициональной когнитивной модели базируется и разграничение объективных свойств растения, выраженных через пропозицию и метонимию по смежности. Поясним на примерах, рассмотрев следующие фитонимы: КИСЛЯТНИК (Таран альпийский), ПОЛЕВОЙ осот (Татарник разнолистный), ПОВИТЕЛЬ (Гречиха вьющаяся).

КИСЛЯТНИК – признак номинации «растение кислого вкуса», объективное свойство растения может быть выражено пропозицией «это растение (S) – кислое (P)», где свойство растения является присущим ему непосредственно и в пропозиции выражается предикатом, имея характер сказуемости.

ПОВИТЕЛЬ – признак номинации «растение (S), которое вьется, обвивается (P)», свойство растения передает пропозиция «растение вьется», с предикатом «вьется».

ПОЛЕВОЙ осот – признак номинации «осот (S), (который) растет (P) в поле (L)». В данном случае объективное свойство растения произрастать в том или ином месте выражается не через предикат, а через локатив и формируется в сознании с использованием метонимической модели, через метонимический перенос по смежности «поле» – «полевой».

Таким образом, репрезентация фитонимом пропозициональной когнитивной модели определяется на основании:

- А) фиксации объективного свойства растения;
- Б) предикативного характера выражения свойства в пропозиции, описывающей признак номинации фитонима;
- В) использования прямого способа номинации при формировании фитонима.

Пропозициональная модель как способ, позволяющий структурировать, хранить и передавать знания о мире растений, используется для обработки достаточно широкого круга информации о растениях: об их внешнем виде, цвете, вкусе, запахе, тактильных и других характерных свойствах – полученной по различным каналам восприятия.

Приведем примеры.

1. Канал восприятия: вкусовой. Принцип номинации: вкус.

ГОРЧАК. Горец перечный, *Polygonum hydropiper* L. Признак номинации: «растение **горькое**». «Трава растения обладает горьким жгучим вкусом (зона толкования)».

КИСЛИЦА. Кислица заячья, *Oxalis acetosella* L. Признак номинации: «растение **кислое**». «А это кислица, в лесу растёт. Называли мы её кислицей. Она кисленькая, ели её всё время (Чаин. Об.)».

2. Канал восприятия: обонятельный. Принцип номинации: запах.

ВОНЮЧКА. Адонис весенний, *Adonis vernalis* L. Признак номинации: «растение (которое) **воняет**». «Вонючка вонюча така. Их так и называли вонючки. Они среди огоньков растут (Том. Н.-Рожд.)».

ДУШИЧКА. Душица обыкновенная, *Origanum vulgare* L. Признак номинации: «растение **душистое** (с душистым запахом)». «Душички трава. Пахнет хорошо. Можно чай пить (Яйск. Мальц.)».

3. Канал восприятия: аудиальный. Принцип номинации: издаваемый звук.

ШУМИХА. Погремок обыкновенный, *Rhinanthus crista galli* L. Признак номинации: «растение (которое) **шумит** созревшими семенами». «...будет греметь, когда отцветёт (Том. Верш.)».

4. Канал восприятия: зрительный.

Принцип номинации: цвет.

СИНЯВКА. Короставник полевой, *Knautia arvensis* (L) Coult. Признак номинации «у растения цветы - **синие**». «Травянистое, покрытое коротким беловатым пушком растение .. с лиловыми или фиолетово-лиловыми цветками (зона толкования)».

Принцип номинации: внешний вид.

ТРОЕЛИСТКА. Белокрыльник болотный. *Calla palustris* L. Признак номинации: «растение **имеет три листа**». «Это троелистка, от надсады, три листика враз, беленьким цветёт (Том. Н. Ишт.)».

5. Канал восприятия: кинестетический. Принцип номинации: тактильные свойства.

СКРЫПУН. Очиток едкий, *Sedum acre* L. Признак номинации «растение (которое) скрипит в руках». Принцип номинации: тактильные свойства. «Заячья капуста – скрыпун. У него листочки толстенькие, в руках скрыпят (Мар. Благ.)».

6. Комплексное восприятие свойств растения при непосредственном контакте. Принцип номинации: характерное свойство.

ВЯЗИЛЬ. Горошек мышиный, *Vicia cracca* L. Признак номинации: «растение **вяжется** за что-либо». Принцип номинации: характерное свойство. «Вот вязель почему так называется? Он на покосе вяжется за косой, вяжется, не прокосить его (Мар. Благ.)».

Принцип номинации: воздействие на человека.

РЕЗУН. Осока, *Carex* L. Признак номинации: «растение (которое) **режет** руки». «Бывает рукой заденешь резунец, и кровь потекла. Это травка с узкими листочками. Вот оне-то и режутся. Чтоб заживало быстрее, подорожник прикладываю (Кож. Урт.)».

Всего пропозициональная модель репрезентирована в 22% проанализированных наименований растений.

В отличие от пропозициональной второй тип идентифицирующей модели – базовая метонимическая не всегда репрезентирована названием растения, но содержится в его семантике.

Сам факт ее использования обусловлен тем, что человек часто воспринимает объекты флоры по наиболее броскому признаку, опираясь на него в процессе формирования ментального представления и далее номинативной единицы. Этот признак может характеризовать как растение целиком, так и какую-то его часть, например, цветы, или стебель, или корень, или листья. Если понятие о растении основывается на характерном признаке какой-либо его части, то можно говорить о том, что понятие формируется в ментальной сфере по метонимической модели «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ», являющейся одной из базовых метонимических моделей человеческого сознания и понимающейся как «концептуальная структура, между элементами которой существует отношение замещения» [Лакофф, Джонсон, 1990, с .78].

Отметим, что идентифицирующая метонимическая модель может служить базой для формирования моделей как первого, так и второго уровня. Сохраняясь в слове или через зафиксировавший ее признак номинации в семантике слова, идентифицирующая модель выявляется как в некоторых пропозициональных моделях (первый уровень), так и в метафорических моделях второго уровня. Например, КРАШНОКОРЕННИК. Щирица колосистая, *Amarantus retroflexus L.* – признак номинации «растение, корень которого красный», пропозициональная когнитивная модель. «У нас здесь обычно осот, мокрица да краснокоренник растёт. Это такая трава с круглыми или овальными листочками и красным корешком (Чаин. У.-Б.)». В основание идентификации положено объективное свойство части растения, поэтому при формировании ментального представления о нем сначала была задействована метонимическая модель первого уровня (базовая метонимическая модель) «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ», затем понятие было окончательно сформировано с использованием пропозициональной модели, которая зафиксировала представление о растении, как о растении «с красным корнем».

Или же метонимическая модель первого уровня может стать базой, основой для метафорического осмысления свойства части растения, и тогда ментальное представление о нем будет сформировано с использованием ассоциаций или модели второго уровня – метафорической. На уровне языка следы идентифицирующей метонимической модели можно обнаружить только в семантике слова, выявив его признак номинации. Ср. синоним:

КРАШНОНОЖКА. Щирица колосистая, *Amarantus retroflexus L.* - признак номинации «растение, корень которого красный», метафорическая модель второго уровня. «Красноножка растёт корениста, а корень красный, потому и красноножка (Колп. Колп.)». Корень растения метафорически осмысляется через телесный опыт как нога человека. Через признак номинации и семантику фитонима выявляется в репрезентированной им ментальной структуре представление «ЧАСТЬ (КОРЕНЬ) – РАСТЕНИЕ».

Использование яркого признака какой-либо части растения для его идентификации и последующей концептуализации представлений о нем достаточно распространенное явление в ментальном освоении окружающей действительности человеком, так как идентифицирующая метонимическая модель выявляется в 40% исследованных фитонимов.

Причем чаще всего метонимическая модель «ЧАСТЬ – РАСТЕНИЕ» дополнительно осмысливается ассоциативным путем и служит базой для формирования метафорического представления об объекте флоры, условно растворяясь в понятии, сформированном когнитивной моделью второго уровня. Гораздо реже базовая метонимическая модель непосредственно репрезентирована в фитониме. Это происходит в случае сочетания двух идентифицирующих моделей – базовой метонимической и пропозициональной и встречается всего в 9 % от всех наименований.

В качестве части растения, замещающей собой его целиком при формировании ментального представления (понятия), а затем слова (фитонима), могут выступать фактически все части растения: корень, стебель, листья, цветок, семена/плод. Пример «ЧАСТЬ (КОРЕНЬ) – РАСТЕНИЕ» был приведен выше, рассмотрим остальные.

«СТЕБЕЛЬ – РАСТЕНИЕ». СЕМИКОЛЕННАЯ ТРАВА. Горец почечуйный, *Polygonum persicaria* L. Признак номинации «растение со стеблем, состоящим из частей (коленец)». «Да вот эту, которую кличут семиколенная трава. Потому что стебель у неё с семью коленами, посмотрите-ка сами (Шег. Мон.)».

«ЛИСТЬЯ – РАСТЕНИЕ». СЕРЕБРЯНКА. Василистник малый. *Thalictrum minus* L. Признак номинации «растение с листьями как будто серебряными». «Знаешь, есть растение серебрянка? Трава это, она в лугах растёт, и листья у неё как серебром посыпаны (Яйск. Кайла)».

«ЦВЕТОК – РАСТЕНИЕ». КУКУШКИН САПОЖОК. Башмачок красный, *Cypripedium macranthum* Swartz.. Признак номинации «цветок растения похож на сапожок». «Например, кукушкин сапожок. Он растёт в тёмном месте. Он маленький, ну, сантиметров тридцать примерно. ..Цветочек у его, по-моему,

тёмно-сиреневый такой, а сверху три такие отвилочки, а там копия сапожок (Яшк. Полон.)».

«СЕМЕНА (ПЛОД) – РАСТЕНИЕ». ВОРОНИЙ ГЛАЗ. Вороний глаз, *Paris quadrifolia L.* Признак номинации «растение с черным плодом (ягодой), напоминающей вороний глаз». *«Или вороний глаз. Иногда ребята, а особенно городские, принимают эту ягоду за чернику. На стебле четыре крупных листка, а в середине крупная ягода. Очень похожа на вороний глаз (Шег. Мельн.)».*

Таким образом, первый этап познавательной деятельности, связанный с получением информации об окружающем мире по перцептивным каналам, ее аналитическим членением и выделением наиболее существенных или бросающихся признаков реальности, фиксируется в ментальной сфере диалектоносителя с использованием когнитивных моделей первого уровня – идентифицирующих, репрезентированных в диалекте. При этом идентифицирующие когнитивные модели бывают двух типов: пропозициональная модель репрезентуется в фитониме непосредственно, метонимическая модель первого уровня чаще всего выявляется только в семантике слова и служит базой для формирования понятия с использованием модели второго уровня – *категоризирующей*.

3.2.3. Категоризирующие когнитивные модели второго уровня

Второй уровень когнитивного моделирования непосредственно связан с третьим этапом когнитивной деятельности человека. Выделенные на первом этапе признаки объекта действительности анализируются и соотносятся с уже имеющимися в концептуальной системе познающего субъекта реалиями, относящимися к другим категориям опыта; либо актуализируется накопленный и рационально осмысленный перцептивный опыт, связанный с данным объектом, в понятийных координатах других категорий.

Результатом этих когнитивных операций является формирование в концептуальной системе на базе ранее известного нового понятия, новой ментальной единицы, репрезентированной в языке наименованием объекта.

Облеченная в языковую форму, новая ментальная единица способна не только хранить полученное знание об объекте действительности, но и передавать его другим членам языкового коллектива, имеющим сходный опыт. Таким образом, категоризирующая когнитивная модель формирует новую единицу концептуальной системы сознания с использованием уже существующих в ней представлений о действительности, связанных с другими категориями опыта, на основании метафоры и метонимии. В частности, в диалектной фитонимике репрезентируются две категоризирующие когнитивные модели: метафорическая и метонимическая, каждая из которых имеет несколько типовых реализаций.

3.2.3.1. Метафорические когнитивные модели

Имея более чем двухтысячелетнюю историю, мультидисциплинарные исследования метафоры (в философии, риторике, литературоведении, языкознании, логике, психологии) выработали множество подходов к пониманию сущности этого явления. Современные исследования метафоры основываются на постулате о гносеологическом статусе метафоры, о метафоричности самого процесса человеческого познания и ментальной организации. Как отмечает Е. Е. Юрков, основополагающую роль в формировании этого подхода сыграли работы философов и лингвистов XIX–XX вв.: Дж. Вико, И. Канта, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Ф. Ницше, заключающие в себе понимание «особой роли метафоры в освоении действительности – рациональное познание стало возможным благодаря «метафорическому мосту», переброшенному от психо-соматосенсорных процессов восприятия к логическому осмыслению» [Юрков, 2012, с. 15].

В рамках лингвокогнитивного подхода к исследованию метафоры в современном антропоцентрически ориентированном языкознании активно развивается взгляд на метафору как на базовый когнитивный процесс. В когнитивной лингвистике метафора рассматривается «как важнейший способ когнитивного моделирования действительности, способ непрямого отражения

мира в сознании, репрезентированный в языке в системах образных номинаций» [Резанова, 2010, с. 26].

А. П. Чудинов выделяет следующие наиболее существенные признаки когнитивного подхода к метафоре, которые были сформулированы Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и развиты отечественными исследователями (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.). [Чудинов, 2005, с. 57-60]:

1. Метафора «понимается как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира». Отмечается, что роль метафоры в мыслительной деятельности человека не менее существенна, чем роль рационального мышления.

2. Термин «метафора» рассматривается как гештальт, сетевая модель. Этот термин употребляется и как «слово, имеющее образное значение», и как процесс формирования метафорической семантики в языке, и как группа слов с однотипными метафорическими значениями (политическая метафора, фитоморфная метафора, метафора в экономическом дискурсе и т.п.), и как форма мышления, когнитивный механизм.

3. Для когнитивной лингвистики характерен широкий подход к выделению метафоры: это и троп с формальным показателем компаративности (как, будто, похож и т.п.), и метафора с отсутствием этих показателей. Когнитивная лингвистика не акцентирует свое внимание на уровневых или структурных различиях метафор (разграничение отыменных, отглагольных, предикативных, генитивных и др. метафор, базирующееся на языковых признаках), так как «смысловое уподобление воспринимается как фактор гораздо более важный, чем структурные различия».

4. Вслед за Н. Д. Арутюновой лингвисты-когнитивисты считают метафорой «любой способ косвенного выражения мысли». При этом подходе нивелируются семантические, стилистические и иные различия между метафорой и сравнением. В рамках метафоры рассматриваются и метаморфоза, гипербола, фразеологизмы.

В данном исследовании метафора рассматривается прежде всего как ментальная операция, как модель, на основе которой происходит процесс

познания, категоризации и концептуализации окружающей действительности, то есть в своей когнитивной функции.

Как известно, необходимое условие возникновения метафоры – это сходство между двумя сопоставляемыми в сознании человека объектами: новым воспринимаемым объектом и объектом ранее известным. При этом отметим, что для нее «релевантны только те черты сходства, которые воспринимаются как таковые людьми» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 182]. Более того, поскольку одной из целей познающего субъекта является не только обработка и хранение полученной информации, но и последующая передача и обмен этой информацией с другими членами человеческого сообщества (реализация коммуникативной функции метафоры), эти релевантные черты сходства должны быть понятны и осознаваемы всеми членами языкового коллектива. Соответственно, специфика выбора сферы источника при использовании метафорической модели во многом зависит от национального и культурного опыта коллектива, внутри которого создаются на базе метафоры новые понятия.

Тем не менее, важным свойством метафоры является известная степень типичности источников ее формирования. Обычно в качестве типичных описываются: артефактная, антропоморфная, натуроморфная (в составе которой рассматриваются зооморфная, орнитоморфная, фитоморфная и т.д.), социоморфная и мифоморфная (сакральная) метафоры (О. И. Блинова (2002, 2008, 2011), Т. С. Вершинина (2002), А. Г. Дементьева (2012), Н. И. Коновалова (2001), Н. А. Мишанкина (2002, 2010), З. И. Резанова (2004, 2014), А. П. Чудинов (2001, 2005), Е. Е. Юрков (2012 и др.)). Такая типичность метафоры позволяет выделить типовые когнитивные модели, на основании которых происходит познание человеком окружающего мира. В то же время исследователи когнитивных основ метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что «материальное основание метафор неотделимо от культурного, так как выбор материального основания из множества возможностей регулируется культурными факторами» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 43]. Именно основание когнитивной метафоры на культурных кодах, общих для каждого человеческого индивида, и объясняет типичность

метафорических моделей, в то время как все богатство конкретной культуры и индивидуальной картины мира проявляется в разнообразии выбора источников метафоры внутри типовой модели.

Обращаясь к исследуемому материалу, отметим, что фитонимика «как фрагмент языковой картины мира отражает тесную связь в процессах номинации растений типового знания об обозначаемом с ментальными национально-культурными стереотипами воплощения этого знания в названии» [Коновалова, 2001, с. 73]. В исследовании, посвященном народной фитонимике, Н. И. Коновалова выделяет следующие «типы метафорической мотивации названий растений»: сходство части растения с частью тела человека и животного, сходство растения с предметом и т.д.» [Коновалова, 2001, с. 67–69].

В диалектной фитонимике Среднего Приобья выявлено 847 фитонимов, являющихся языковой репрезентацией когнитивных метафорических моделей, что составляет 53% от общего количества исследуемых наименований. Рассмотрим культурные коды, использованные в основании метафор, и обозначим типовые модели.

Анализ и описание метафорических моделей осуществляется по следующей методике, разработанной с опорой на теорию когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и элементы методики анализа метафорических моделей А.П. Чудинова:

1. Выделение области – источника (в терминах других когнитивных исследователей: «сфера-донор», «источник метафорической экспансии», «откуда-сфера», «сигнификативная зона», «ментальная сфера-источник» [Чудинов, 2005, с. 75]), то есть исходной понятийной области (структуры знаний), послужившей основанием для метафорического моделирования нового понятия.

2. Выделение области – цели (в иной терминологии: «сферы – мишени», «сфера-магнит», «ментальная сфера-магнит», «куда-сфера», «денотативная зона», «реципиентная зона», «направление метафорической экспансии» [Чудинов, 2005, с. 76]), то есть понятийной области, обозначающей объект действительности, на которую направлен процесс метафорического моделирования.

3. Выделение типового культурного кода, использованного в метафорическом переносе (артефактный код, натурофактный код, антропологический код, сакральный код).

4. Оценка продуктивности когнитивной модели в процентном отношении количества выявленных в материале наименований, репрезентирующих метафорическую модель к общему количеству проанализированных фитонимов, представляющих репрезентации когнитивных моделей.

С использованием методики выделено 6 типов когнитивных метафорических моделей, внутри некоторых моделей также описаны специфические подтипы. Наглядно метафорические модели представлены на рисунке 13.

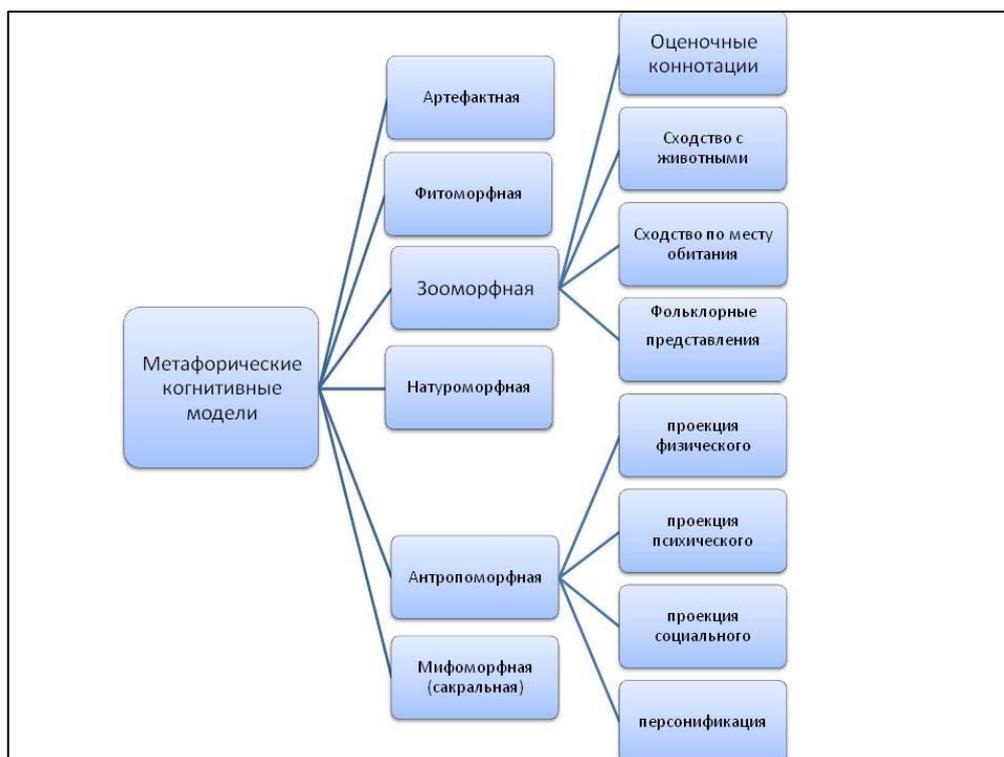

Рисунок 13 – Типы метафорических моделей

1 тип. Метафорическая когнитивная модель, содержащая артефактный код культуры (артефактная).

В основании метафоры положено сравнение растений с широким кругом предметов, повседневно использующихся в крестьянском быту: вещи домашнего и хозяйственного обихода, одежда и обувь, продукты питания. Сопровождающие

человека каждый день в круговороте его хозяйственных забот бытовые предметы при всей своей кажущейся обыденности часто становятся источником метафоры, главной целью которой становится уловить и передать сходство предмета и растения либо его части. Поэтому чаще всего метафорическая модель используется для формирования понятия на основе внешнего вида растения, однако в некоторых случаях сравнение с бытовыми артефактами позволяет выразить такие признаки растения, как приятный запах, тактильные ощущения от контакта или особенные свойства, что на языковом уровне выражается в признаке номинации и, шире, в принципе номинации. Достаточно высокопродуктивная модель, репрезентированная в 24% исследованных фитонимов.

БАРХАТНИК. Зопник клубненосный, *Phlomis tuberosa* L. Признак номинации «мягкие листья, как будто бархатные». «*Бархатник это. У него листочки нижние как бархатные, ну мягкие такие, вот, и цветёт с колючечками на стебле прямо (Яшк. Полом.)*».

КОЛОКОЛЬЧИК. Бубенчик лилиелистный, *Denophora liliifolia* Ledeb. Признак номинации «цветы похожи на колокольчик». «*Ну еще про колокольчики. Цветёт он синенькими такими, как колокольчики, маленькими цветочками..(Яшк. Полом.)*».

КАЛАЧИКИ. Просвирник маленький, *Malva pusilla* Sm. Признак номинации «семена растения похожи на калачики». «*А это калачики. Листики такие кругленькие. Они белым, сиреневым цветут. Когда отцветают, то появляются на веточках в виде калачиков. Мы их раньше очищали и ели. Растут везде и по дорогам. (Мар. Мар.)*».

МЕТЛИЦА. Мятлика луговая, *Poa pratensis* L. Признак номинации «соцветие метельчатое, похоже на метлу». «*Метлица, она на метлу похожа (Кем. Елык.)*».

МОЛОЧНИК. Козлобородник луговой, *Tragopogon pratense* L. Признак номинации «растение с выделяющимся из стебля млечным соком, напоминающим молоко». «*Двулетнее травянистое растение с прямым простым стеблем, <...>, млечным соком..(зона толкования)*». «*Молочник, что молочко (Том. Каф.)*».

ПЕСТИК. Хвощ болотный, *Equisetum palustre* L. Признак номинации «плод

растения похож на пестик». «*Пестик, шишечкой растёт, как пестик торчит (Колт. Род.)*».

2 тип. Метафорическая когнитивная модель, содержащая флористический код культуры (фитоморфная).

В данном исследовании выделяется натурофактная метафора, в которой в качестве источника метафоры используются неживые природные объекты и явления (солнце, звезды, огонь и т.д) и рассматривается закономерно обширный пласт сравнений с мирами животных и растений, выделяемый в отдельные типы моделей. Закономерность продуктивности этого типа метафоры обусловлена тем, что и растения, и животные принадлежат к живой природе, которая окружает человека познающего. Он воспринимает пространство огорода, леса, луга и поля как единое целое во всем своем разнообразии, и самое близкое, лежащее на поверхности сравнение неизвестного растения – это сравнение с растением уже известным, часто культурным, очень хорошо знакомым, или другой частью этого живого мира: зверем, птицей или насекомым. Наименования, репрезентирующие зооморфные и фитоморфные метафорические модели, составляют большую часть материала, анализируемого в рамках метафорической модели, – 53%. Фитоморфная метафорическая модель репрезентирована в фитонимах, которые диалектоносители сравнивают с другим, ранее известным им растением, по внешнему сходству или свойствам. Всего выделено 228 таких фитонимов, что составляет 27% от общего числа наименований, отнесенных к метафорической модели. Приведем примеры.

БЕРЁЗКА. Гречиха вьющаяся, *Polygonum convolvulus L.* Признак номинации «растение с листьями, похожими по форме на листья березы». «*Сорное травянистое растение с вьющимся стеблем и яйцевидными остроконечными, у основания сердцевидными листьями (зона толкования)*». «*Берёзка, повиллица её называют, она всё стягиват (Шег. Кайт.)*».

Полевой ГОРОХ. Чина Гмелина, *Lathyrus gmelinii (Fisch.) Fritsch.* Признак номинации «растение, своими плодами в стручках напоминающее горох». «*Полевой горох, на горох похож (Ас. Б.-Дор.)*».

ЁЛОЧКА. Хвощ полевой, *Equisetum arvense* L. Признак номинации «растение, похожее внешним видом на ёлочку». «*Растёт это как ёлочка, растёт по полям, по полосам, где вот сено косят, <... >. Она сначала растёт прямо так: растёт, растёт, а потом распускает свои эти.. и как ёлка (Пар. Тар.)*».

МОРКОВКА. Болиголов пятнистый (омег), *Conium maculatum* L. Признак номинации «растение похожее своими листьями на морковь». «*Морковка, такая же, как морковь, но ядовитая (Том.Верш.)*».

РЯБИНКА. Пижма обыкновенная, *Tanacetum vulgare* L. Признак номинации «растение с листьями и цветами, напоминающими рябину». «*А вот это рябинка, у неё лист как у рябины, цветы жёлтые (Шег. Мельн.)*».

СВЕКОЛЬНИК. Ширица колосистая, *Amarantus retroflexus* L. Признак номинации «растение, похожее на свёклу». «*Ещё сорняки есть, это осот, пырей, свекольник. Трава, у ней цвет, как у свеклы (Яйск. Кайла)*».

Дикий ХМЕЛЬ. Княжик сибирский, *Atragene sibirica* L. Признак номинации «растение, похожее по внешнему виду на хмель». «*Это так хмель дикий цветёт. Он похож на домашний, но у него не бывает таких шишечек. И он цветёт вот такими вот белыми цветами, а вьётся по деревьям так же (Мар. Благ.)*».

3 тип. Метафорическая когнитивная модель, содержащая зоологический код культуры (зооморфная).

В антропоцентрически ориентированной лингвистике последних десятилетий фитонимы – отзоонимы часто привлекают внимание исследователей, особенно специализирующихся на изучении народной речевой культуры (термин О. И. Блиновой) [Блинова, 2002, 2005, 2014] – лингвокультурологов и этнолингвистов. Наиболее полно славянские и, в частности, русские народные фитонимы-отзоонимы изучены в отечественной этнолингвистике в работах В. Б. Колосовой (2009, 2014), С. Ю. Дубровиной (1991).

Количество животных образов, являющихся областью – источником для процесса когнитивной метафоризации достаточно ограничено. Источниками формирования когнитивной метафорической модели, использующей коллективом диалектоносителей, обычно становятся образы животных, активно

задействованные в фольклорных традициях славян. Чаще всего это образы кукушки, зайца, волка, медведя и мыши. Менее продуктивны ассоциативные связи с такими животными, как курица, гусь, кот, сорока, ворона, конь, птица, собака, лягушка. Случаи использования образов марала, льва, зверя, комара, журавля, щуки, коровы, оленя, утки являются единичными.

Высокая частотность использования образов кукушки, зайца и волка в качестве источников когнитивной метафоры объясняется, прежде всего, глубокими корнями, которыми они уходят в архаичное, мифологическое сознание народа. Это образы, интенсивно использовавшиеся в традиционных славянских мифологии, фольклоре и обрядовой магии. Исследователями-этнографами, например, отмечается, что «образ кукушки относится к числу немногих орнитоморфных образов, получивших столь завершённые формы, которые хорошо сохранились в различных фольклорных жанрах» [Никитина, 2002, с. 8]. Традиционно кукушка олицетворяла собой женские образы: молодую девушку, невесту, вдовицу, девушку-сироту. Во всех славянских традициях есть мифы о превращении в кукушку девушки или женщины [Никитина, 2002, с. 122]. Неудивительно, что все растения, формой напоминающие предметы женского туалета или домашнего обихода, в народном сознании ассоциируются с кукушкой, например, КУКУШКИНЫ сапожки (Башмачок красный, *Cypripedium macranthum Swartz.*), КУКУШКИНЫ сережки (Башмачок красный, *Cypripedium macranthum Swartz.*). Не менее часто встречается образ кукушки как проекция женского горя, несчастной судьбы в многозначном фитониме КУКУШКИНЫ СЛЕЗЫ (КУКУШКИНЫ СЛЕЗКИ). Например, Ирис-касатик, *Iris ruthenica Ker.-Gawl.* Признак номинации «цветок растения имеет на лепестках белые пятна (полосочки), напоминающие слезу». «Вот кукушкины слёзки это значит. Раньше всё говорили, как кукушка.. её считают.. она проклятая. Как раньше, значит, мать прокляла свою дочь и вот она стала кукушкой. У её своего гнезда нету. Да, прокляла её мать. И она, кукушка, кукует, а у неё это... слёзки каплют. И это, тут синенькие листочки, а тут так беленько. Вот и зовут их кукушкины слёзки (Том. Сем.)».

Столь же архаичны образы зайца и волка. В этнографических работах упоминается, что «в народных представлениях зайцу присущи различные символические значения, из которых особенно выделяется мужская эротическая символика и демонические свойства» [Гура, 1997, с. 177]. В диалектных фитонимах Среднего Приобья образ зайца часто имеет оценочную природу, характеризуя растение, как «ненастоящее» или «условно съедобное». Например, ЗАЯЧЬЯ КАПУСТА (Очиток пурпуровый, *Sedum purpureum* Schult.). С другой стороны, в том же фитониме ЗАЯЧЬЯ КАПУСТА, обозначающем другой денотат (Горноколосник колючий, *Orostachys spinosa* (L) Meyer), скорей всего, сохранился архаичный компонент фаллической символики, проецируемый на внешний вид растения.

Образ волка в фитонимической лексике говора носит исключительно характер негативной оценки, что уже отмечалось во второй главе.

Безусловно, не все фитонимы-отзоонимы говоров Среднего Приобья содержат культурные и оценочные коннотации, сформированные мифологическим сознанием народа. Включенные в природную среду обитания, диалектоносители своим пытливым глазом подмечают тонкие черты сходства мира растительного и мира животного, что находит свое отражение в процессе метафоризации.

В то же время именно богатство фольклорных традиций и живые отголоски мифов обуславливают разветвленность зооморфной метафорической модели на несколько подтипов.

Подтип 1. Репрезентирован в фитонимах, где метафора служит либо для предупреждения о вредных и ядовитых свойствах растений, либо сообщает информацию о размере растения, либо о том, что оно похоже на культурное, но таковым не является, «ненастоящее».

ВОЛЧЬЯ ЯГОДА. Паслен персидский, *Solanum persicum* Willd. Признак номинации «растение с ядовитыми ягодами». «Волчья ягода. От её не едят. Она ядовита. Красенька. Всё говорили: «Токо съешь – станешь волком». Но она ядовита (Том.Н.-Рожд.)».

Клевер МЫШИНЫЙ. Клевер белый, *Trifolium repens* L. Признак номинации «растение маленького размера, как будто «мышинное»». «Клевер есть красный, растёт он такой большой, есть клевер мышинный, он белый, головочки белые (Том. Н.-Рожд.)».

МЫШЕРЕПКА. Клевер белый, *Trifolium repens* L. Признак номинации «растение с цветками маленького размера». Многолетнее травянистое растение со стелющимся стеблем, мелкими белыми цветками, собранными в головчатые соцветия (зона толкования). «Клевер крупный, а мышерепка мелкая (Шег.Карг.)».

Подтип 2. Репрезентирован в фитонимах, обозначающих растения, имеющие, по представлению диалектоносителей, сходство с животными (частями тела животных, способами их передвижения и/или действий), основанное на внешнем виде растения или других его свойствах (например, тактильных).

СОБАЧКИ, СОБАЧЬИ РОТИКИ. Льянка (ленник) обыкновенная, *Linaria vulgaris* Mill. Признак номинации «растение с цветками, похожими по форме на собачью пасть». «Ещё у нас собачки растут. Цветы такие есть. Жёлтеньким цветёт. Цветок у неё на собачку похож. Ребятишки с ними играют (Асино)».

ГУСИНЫЕ ЛАПКИ. Лапчатка гусиная, *Potentilla anserina* L. Признак номинации «листья растения по форме напоминают лапки гуся». «Гусины лапки растут. Листики как лапки у гуся. Ей пятки лечут... (Том. Н.-Рожд.)».

ЗАЯЧЬИ УШКИ. Медуница мягчайшая, *Pulmonaria mollissima* A. Kerner. Признак номинации «растение, мягкое на ощупь». «Заячьи ушки коровы любят, они мяконики таки, пушисты (Мар. Кол.)».

КОШАЧЬЯ ЛАПКА, КИСАЧЬИ ЛАПКИ. Кошачья лапка двудомная, *Antennaria dioica* (L) Gaertn. Признак номинации «цветы растения по форме напоминают лапку кошки». «А рядом с сон-травой ещё всегда растёт кошачья лапка. Тоже маленькая такая, листочки сразу у земли, а цветочек выпускает сантиметров на пятнадцать. Невзрачная по цвету, ну вот как пупырышки у кошки собранные, лапочки, вот и эта такая же... (Мар. Благ.)».

КУСАЧКА, ЗМЕИНОЕ ЖАЛО. Крапива малая, *Urtica urens* L. Признак номинации «растение, контакт с которым приносит болезненные ощущения».

Возможно, спорной является интерпретация как метафорической когнитивной зооморфной модели кодирования ментальных представлений о свойствах растений, основанных на способе их произрастания, например, ПЛЫВУН, ПОПОЛЗУХА (Плаун булавовидный, *Lycopodium clavatum* L. «Поползуха ... в болоте растёт, тянешь – она ползёт, тянется (Том. Яр.)»). Так как растению присваивается некое действие «ползет», «плывет», то на основании предикативно оформленного признака номинации можно предполагать репрезентацию пропозициональной когнитивной модели. Но так как растение в данном случае одушевляется, ему приписываются действия, которые являются способом передвижения животных, его способ произрастания образно отождествляется с этими движениями, то, на наш взгляд, более уместно говорить о зооморфной метафорической модели.

Подтип 3. Репрезентирован в названиях растений, содержащих информацию о месте их произрастания через использование образа животного.

Выделение данного подтипа как подтипа метафорической модели также не является бесспорным. Некоторые исследователи когнитивных моделей, использующие материал фитонимической лексики, рассматривают подобные репрезентации в рамках метонимической когнитивной модели. Например, Е. П. Ковалевич в исследовании, посвященном метонимическим моделям концепта «ЦВЕТОК» в английском языке, рассматривает в рамках выделяемой ею метонимической временной модели наименование «CUCKOO FLOWER» на следующем основании: в дефиниции указано, что это растение расцветает тогда, когда начинает куковать кукушка. По мнению исследователя, в данном случае имеет место взаимоотношение двух концептов «ПТИЦА» и «ЦВЕТОК» с участием общего для этих концептов элемента «время, когда зацветает цветок и слышно птицу» [Ковалевич, 2004а, с. 12].

В русской диалектной фитонимике Среднего Приобья не выделено подобных указаний на время цветения через использование образов животных, но функционирует очень ограниченное число фитонимов (12 названий), использующих животных для идентификации места произрастания растения,

например, ЛЯГУШАЧИЙ ЦВЕТОК, ЛЯГУШНИК (Калужница болотная, *Caltha palustris L.*), ЩУЧЬЯ ТРАВА (Рдест плавающий, *Potamogeton natans L.*).

На наш взгляд, в обоих случаях (и указание на время, и указание на место) основанием для формирования ментального представления о растении является метафора, а не метонимия.

Известно, что метонимия предлагает смежность двух объектов, а метафора – сходство: «метафора – это утверждение о признаках объекта, выделенным именуемым .. на основе аналогии» [Уфимцева и др., 1977, с. 92]. Как уже отмечалось в обзоре теории когнитивных моделей, метонимический перенос в когнитивной модели осуществляется в рамках одной ИКМ (идеализированной когнитивной модели), например, СВИНЯЧЬЯ ТРАВА (Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare L.*) – «растение, которое едят свиньи». СВИНЬЯ – РАСТЕНИЕ.

В данном случае, мы имеем дело с подобием двух объектов по времени действия (цветения и кукования) или месту обитания (болото, река и т.п.), выраженное с использованием третьего объекта-признака, на основе аналогии. Ср.: метафорическая модель СОБАЧКА (Липучка щетинистая, *Lappula echinata Gilib.*) – «растение, которое цепляется и липнет, как собачка». СОБАЧКА – СВОЙСТВО ЦЕПЛЯТЬСЯ, НЕ ОТСТАВАТЬ – РАСТЕНИЕ и ЛЯГУШЕЧЬЯ ТРАВА (Калужница болотная, *Caltha palustris L.*) – «растет в болоте, где живут лягушки». ЛЯГУШКА – БОЛОТО – РАСТЕНИЕ. Иными словами, «растение так же, как и лягушка, живет в болоте».

На основании этой аргументации нами выделен отдельный подтип использования образа животного в зооморфной когнитивной метафоре для кодирования в ментальном пространстве информации о месте произрастания растения.

Подтип 4. Репрезентирован в двусловных наименованиях растений по признаку внешнего вида, которые отражают мифологические и фольклорные представления народной культуры о животных.

Здесь зооморфная метафора играет вторичную роль, дополняя основной образ, сформированный артефактной метафорой.

КУКУШКИНЫ сапожки. Башмачок красный, *Cypripedium macranthum* Swartz. Признак номинации «Цветок растения по форме напоминает сапожок». "...кукушкин сапожок...Цветочек у его, по-моему, темно-сиреневый такой, а сверху такие три отвилочки, а там копия сапожок" (Яшк. Полон.)».

КУКУШКИН рукомойничек. Башмачок настоящий (желтый), *Cypripedium calceolus* L. Признак номинации «Цветок растения по форме напоминает кувшин для умывания». "Был цветочек у нас. Красивый такой. Кукушкиным рукомойничком, или умывальничком, звали. Цветок у него, как кувшинчик с крышечкой" (Том. Канд.)».

Зооморфная модель – самая разнообразная в среднеобской фитонимике и достаточно продуктивная, представлена в 26% проанализированных в рамках метафорической модели наименований.

4 тип. Метафорическая когнитивная модель, содержащая натурофактный код культуры (натурофактная).

Непродуктивная модель, представленная в 3% наименований и использующая в качестве источника метафоры явления и объекты неживой природы: огонь, звезды, сосульки, восход солнца (зарю).

ЗВЁЗДОЧКА. Звездчатка-мокрица, *Stellaria media* (L.) Cyr. Признак номинации «Цветы растения напоминают звезды на небе». «Как звёздочки цветочки эти, маленькие, сплошные (Мар. М.-Песч.)».

ОГОНЬ-КРАПИВА. Крапива малая, *Urtica urens* L. Признак номинации «Растение очень сильно жалится, как огнем». «Жгучка, огонь-крапива в огороде растёт (Алекс. Св. Пр.)».

ОГОНЬКИ, ЖАРКИ. Купальница азиатская, *Trollius asiaticus* L. Признак номинации «Растение яркого цвета, как огненное». «Жарки. Так мы называли огоньки. Они таки ярки, как огонь... (Том. Н.-Рожд.)».

СОЛНЕЧНИК. Девясил высокий, *Inula helenium* L. Признак номинации «Цветок растения похож на солнце по форме и цвету». «Солнечник его зовут, на солнце похож (Перв. Беляй)».

5 тип. Метафорическая когнитивная модель, содержащая антропологический код культуры (антропоморфная).

Данная метафорическая модель «свидетельствует о направленности интерпретации человеком внешнего мира через признаки собственной телесности» и о «значимости аспектов физической и социальной активности человека в интерпретации внешнего мира» [Резанова, 2014, с. 68]. Важность телесного опыта человека в формировании его ментальных представлений о действительности была отмечена М. Джонсоном, разрабатывавшим идеи кинестетических образов-схем, базовых для человеческого сознания и имеющих доязыковую природу [Johnson, 1987]. Роль персонификации в создании когнитивной метафоры, когда «материальный объект интерпретируется как человек», также была описана в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 59].

Подобная интерпретация частей растения в терминах человеческого тела достаточно распространена в диалектной фитонимике: цветы растения воспринимаются как его голова, стебель и корень как ноги (колени, пятка, нога). Диалектоносители практически никогда не говорят «белоцветник», «желтоцветник», проецируя свой физический опыт на растение, они характеризуют цвет:

БЕЛОГОЛОВНИК. Адонис весенний, *Adonis vernalis* L., Зорька луговая (дрема белая), *Melandryum album* (Milld) Garke, Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria* (L) Maxim., Ромашка непахучая, *Matricaria inodora* L. и др. Признак номинации «растение с белыми цветами». «Белоголовник, цветок белый (В.-Кет. Мох.)». «Белоголовник цветёт белым, у него макушка пушистая, большая. Его на покосах много (В.-Кет. Б. Яр.)».

ЖЕЛТОГОЛОВНИК. Вербейник обыкновенный. *Lysimachia vulgaris* L., Лютик едкий, *Ranunculus acer* L., Пижма обыкновенная, *Tanacetum vulgare* L.,

Подмаренник настоящий, *Galium verum L.*, Сурепка дуговидная, *Barbarea arcuata (Optiz.) Rchb.* и др. Признак номинации «растение с желтыми цветами».

Впрочем, проекция физического тела человека на части растения не исчерпывает все проявления антропоморфной метафоры в фитонимах говоров Среднего Приобья, не менее характерно сравнение растений и человеческих органов по внешнему подобию, а также в целом сходство с человеком на основании каких-либо внешних признаков растения или особенностей его произрастания.

Кроме проекции физического, в диалектной фитонимике представлена ассоциативная проекция психической сферы человека на растение: его эмоциональной и ментальной сферы и проекция социальных ролей (мать, дед, брат, сестра, царь, барин, солдат и т. п.) [Резанова, 2014].

Особое место занимает небольшое количество растений, репрезентация когнитивной антропоморфной модели в которых достигает высокого уровня персонификации, и растение в зависимости от представлений о его мужском или женском начале получает человеческое имя (ИВАН-ЧАЙ, АВДОТКИ, ВАСИЛИСА-ТРАВА).

В зависимости от типа ассоциативной проекции можно выделить четыре подтипа в рамках антропоморфной когнитивной модели. В целом антропоморфная метафора выражена в 18% фитонимов (155 наименований).

Подтип 1. Образное осмысление частей растения через восприятие человеком собственного физического тела и проекцию человеческих органов на растение или сравнение по сходству с человеческими органами. Наиболее продуктивный подтип.

БОЛЬШЕГОЛОВНИК. Василек шероховатый, *Centaurea scabiosa L.* Признак номинации «растение с крупными соцветиями». «А это большеголовник, потому что у него большие шишки (Яшк. Полон.)».

КУДРЯВЕЦ. Дескурайния струйчатая, *Descurainia sophia (L) Webb.* Признак номинации «растение с перистыми листьями, как будто кудрявыми». «Кудрявец

растёт, он жёлтым цветёт, и листики кудрявые, где лопух растут, там и кудрявец (Мар. М. Ант.)».

РУКА-ТРАВА. Ятрышник шлемовидный, *Orchis militaris L.* Признак номинации «растение с корнем, напоминающим человеческую руку». «*Рука-трава, полметра, цвет розовенький, корень похож на руку, как рука обыкновенная (Шег. Карг.); «Его, знаешь, мама рассказывала: «Положишь на сковородку, а они шавелятся, как пальчики» (Том. Мор.)».*

СЕМИКОЛЕННИК. Пырей ползучий (обыкновенный), *Agropyrum repens (l) P.V.* Признак номинации «растение со стеблем, состоящим из семи коленец». «*Семиколенник – пырей. У него семь коленьев, когда он растёт и загинется (В.-Кет. Б. Яр)».*

СИНЕГЛАЗКА. Незабудка дернистая, *Myosotis caespitosa Schultz.* Признак номинации «растение с яркими синими цветами». «*Цветочек красивый, синеглазка называем (Колп. Тогур.)».*

КРАСНОНОЖКА, КРАСНОПЯТКА. Ширица колосистая, *Amarantus retroflexus L.* Признак номинации «растение с красным корнем». «*Красноножка растёт корениста, а корень красный, потому и красноножка (Колп. Колп.)».* «*А в огороде сорняков хватает: краснопятка, лебеда, молочайник... (Ас. Каз.)».*

Подтип 2. Образный перенос в процессе познания человеческих свойств характера или эмоций на растение (проекция психического).

ЗЛЮЧА КРАПИВА. Крапива малая, *Urtica urens L.* Признак номинации «растение при прикосновении сильно жалит». «*Она ж такая паскуда: вот обожжешь, она и сегодня, и завтра ещё жгёт. Она ядовитая такая (Том. Ит.)».*

МАМИНЫ СЛЁЗЫ. Ирис-касатик, *Iris ruthenica Ker.-Gawl.* Признак номинации «цветок растения имеет на лепестках белые пятна (полосочки), напоминающие слезу». «*Мамины слёзы голубые, маленькие, около земли растут, дух от их шибко приятный (Шег. Марк.)».*

ПОТОСКУЙКА. Смолёвка поникшая, *Silene nutans L.* Признак номинации «растение с поникшими цветами, выглядит как будто тоскует». «*Белые поникающие цветы собраны в рыхлое метельчатое соцветие (зона толкования)».*

ПЛАКУН-ТРАВА. Дербенник иволистный (плакун иволистный), *Lythrum salicaria* L. Признак номинации «растение выделяет жидкость на краях листьев, как будто плачет». *«Знаю одну такую, плакун-трава зовут. Её берут на Ивана Купалу, ночью, надо на болото идти за ейным корнем (Мар. Кол.)».*

Подтип 3. Образное осмысление различных свойств растения или его внешнего вида через социальные роли и характеристики человека. С целью образной характеристики растения могут быть использованы семейные роли (мать, дед, брат, сестра), архаичные формы социального статуса человека в социуме (царь, барин), характеристики по роду деятельности (солдат, пастух, казак), национальность (татарин, остяк, цыган), в последнем случае иногда с негативной оценкой.

ДЕД, ДЕДОВНИК. Лопух (репейник) войлочный, *Arctium tomentosum* Mill. Признак номинации «растение со сморщенными листьями». *«Дедовником прозвали за то, что он имеет такие большие, тёмные, зелёные листки, которые как бы сморщены. Поэтому он схож на деда. (Бакч. Поротн.)».* *«Растёт ствол, потом сучья, отростки, цветочки сиреневеньки, дедом зовут, цепляется за всё, колючий в общем (Яшк. Мох.)».*

МАТЬ-И-МАЧЕХА. Мать-и-мачеха обыкновенная, *Tissilago farfara* L. Признак номинации «растение с листьями, которые с одной стороны мягкие и теплые на ощупь, а с другой гладкие и холодные». *«Ну, первой появляется мать-и-мачеха. ...Называется так потому, что вот нижняя тёпленькая – это мать, а верхняя вот гладенькая. Она холодная. Называется мачеха. ..(Том. Н.-Рожд.)».* *«Мать-и-мачеха, а ты весной посмотри листья-то. Они с одной стороны тёплые, с пушком, так это, значит, мать, а с другой – голые, холодные. Это мачеха и есть. Отсюда зовут её так. (Перв. Орех.)».*

ТАТАРИН. Чертополох курчавый, *Carduus crispus* L. Признак номинации «очень колючее и сорное растение». *«С лопухами рядом? Так это ж татарин. Сорняк он (Том. Бас.)».* *«Двулетнее травянистое растение с прямым колючим стеблем (зона толкования)».*

ОСТЯЦКОЕ МЫЛО, ТАТАРСКОЕ МЫЛО, ЦЫГАНСКОЕ МЫЛО. Горицвет татарское мыло, *Lychnis chalydonia* L. Признак номинации «растение, листья и корень которого имеют свойство мылиться». «Ну вот так вот называли остяцким, остяцкое мыло. Стало быть, остяки большие держали, мылко ино [оно] (Пар. Гор.)». «Татарское мыло цветёт розовеньким или красным, в руках трёшь, оно мылится. Не знаю, может, татары привезли (Том. Бог.)». «Называется цыганское мыло. Они растут около лесов. Потрёшь этот цветок, и как будто мыльце выступает, а запах приятный (Мар. Мар.)».

ЦАРЬ-ТРАВА. Чертополох курчавый, *Carduus crispus* L. Признак номинации «очень колючее растение». «Царь-трава, потому что не подойдёшь – колюча... (В.-Кет. Б. Яр)».

Подтип 4. Персонификация на основе представлений о мужском или женском начале растения, имеющих фольклорно-мифологические корни, происходящие из архаичных представлений об объектах природного мира как о живых существах.

АВДОТКИ. Купальница азиатская, *Trollius asiaticus* L. «По всяким полянкам зацветали, красный цвет, их ещё называли авдотки. Видимо, распространённое имя Дуняша, Авдотья, вот так и называли авдотки их (Мар. Благ.)».

ВАНЬКА, ИВАН КОЧКИН, ИВАН, ИВАН БОЛОТНЫЙ. Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria* (L) Maxim. «Его иван кочкин по старинке зовут. С него чай делали (Мар. М.-Песч.)»; «А у ивана болотного листья зелёны и светёт белым светом (Яшк. Мох.)».

ВАСИЛИСА-ТРАВА. Василистник малый. *Thalictrum minus* L. «И есть ещё одна очень лечебная трава. У ней тоже несколько названий. И василиса-трава, и грудница, и желчь-трава (Том. Верш.)».

6 тип. Метафорическая когнитивная модель, содержащая сакральный и обрядовый коды культуры (мифоморфная).

Понятие «сакральный» используется в лингвистических (в основном, в лингвокультурологических) исследованиях в широком и узком смыслах. В узком смысле «сакральный» трактуется в соответствии с определением этого понятия в

Малом академическом словаре: «сакральный -ая, -ое. книжн. Относящийся к религиозному культу; обрядовый, ритуальный» [Словарь русского языка, Т. 4, с. 14]. В этом же ключе понятие «сакральный» используется в работах по диалектной лингвокультурологии Томской лингвистической школы [Агапова, 2013; Банкова, 2014], которые относят к сакральному комплекс примет и поверий, бытующих в крестьянской культуре.

Более широкое понимание сакрального представлено в работах уральских диалектологов [Бурмистрова, 2008; Коновалова, 2001], которые, рассматривая сакральные компоненты семантики народных названий растений, включают в рамки понятия сакральности и комплекс традиций по применению растений в народной медицине: «Сакральная фитонимия – народные названия растений, содержащие в своей семантической структуре сакральные смыслы ‘сверхъестественное’, ‘священное’, ‘нечистое’, ‘используемое в народной медицине’, ‘ритуальное’, ‘обрядовое’, ‘магическое’» [Бурмистрова, 2008а, с. 7].

В данной работе сакральное понимается в традициях Томской лингвистической школы как ‘относящееся к религиозному культу’, ‘обрядовое’, ‘связанное с приметами и поверьями’. Таким образом, в метафорической мифоморфной (термин «мифоморфизм» в применении к образной лексике в Томской лингвистической школе введен О.И. Блиновой [Блинова, 2011]) когнитивной модели используются христианские религиозные образы Бога, Богородицы, апостолов и святых, библейских персонажей, а также обрядовые традиции и комплекс примет и поверий. Как показывает анализ материала, использование растения в народной медицине гораздо чаще кодируется в фитонимике с использованием метонимической когнитивной модели в связи со значительным влиянием рационального фактора.

Наряду с натурофактной мифоморфная модель является наименее продуктивной - представлена в 3% (22 наименования) исследованных фитонимов. Часть фитонимов, репрезентирующих мифоморфную метафорическую когнитивную модель и содержащих в семантике сакральный компонент «богово», «божье» или «чертово», включают оценочные коннотации, маркируя растение,

как полезное или вредное (неприятное) (см. Глава 2. Категоризация и оценка в диалектной фитонимике).

ИВАНОВСКАЯ ТРАВА. Зверобой обыкновенный (продырявленный), *Hypericum perforatum* L. Признак номинации «Листья растения покрыты красными пятнышками, как будто забрызганы кровью». «Да мне маменька рассказывала, что давно-давно легенда есть: когда палач нёс голову Иоанна Крестителя, тогда несколько капель упали крови на траву, и выросла трава, которая впитала кровь Ивана. Так сейчас она называется ивановская трава (Шег.Мельн.)».

СОЛОМОНОВА печать. Купена лекарственная, *Polygonatum officinale* All. Признак номинации «корень растения напоминает печать». «.. соломонова печать. Корни как кругляшки, сколько лет, столько и печатей (В.-Кет. Б. Яр)». «Эта трава называется соломонова печать (Крив. Н.-И.)».

ХОЛОСТЯЦКАЯ ТРАВА. Ковыль перистый, *Stipa pennata* L.S. ampl. Признак номинации «растение, которое делает мужчину холостым». «Ковыль – холостяцкая трава, где ковыль, там бобыль, красивый, а ставить дома нельзя, один останешься (Юрг.Юрг.)».

Таким образом, метафорическая когнитивная модель представлена в диалектной фитонимике шестью типами: артефактная, фитоморфная, зооморфная, натурофактная, антропоморфная и мифоморфная. Некоторые модели, такие как зооморфная и антропоморфная обладают разнородной структурой, что позволяет выделить в их составе несколько подтипов. Продуктивность различных типов метафорических когнитивных моделей наглядно представлена на рисунке 14.

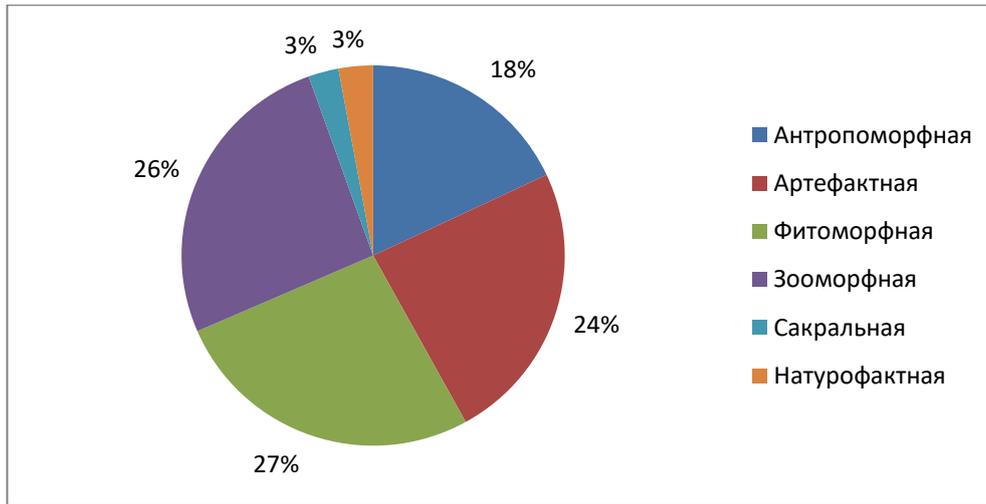

Рисунок 14 – Продуктивность типов метафорических когнитивных моделей
(в %)

3.2.3.2. Метонимические когнитивные модели

В отличие от метафоры метонимия является менее изученным явлением. Р. Якобсон видит причину этого в сложности описания метонимии: «строя метаязык для интерпретации тропов, исследователь располагает большим числом однородных средств для описания метафоры, тогда как метонимия, основанная на другом принципе, с трудом поддается интерпретации. Вследствие этого мы не можем указать для теории метонимии ничего сравнимого с богатой литературой по метафоре» [Якобсон, 1990, с. 130]. Тем не менее, в последнее время наблюдается рост исследовательского интереса к метонимии, в основном в рамках когнитивного подхода (работы Л. В. Бабиной и А. Г. Дементьевой (2015, 2016), Е. П. Ковалевич (2004), Е. А. Козловой (2001, 2014), Н. В. Руновой (2007), Л. Г. Шкуропацкой (2003) и др.).

В рамках традиционного подхода явление метонимии как средства создания образности, тропа определяется как перенос названия с одного класса объектов на другой, ассоциируемый с данным предметом по смежности. В структурно-семантическом подходе метонимия рассматривается прежде всего как средство

вторичной номинации и источник полисемии (работы Ю. Д. Апресяна (1995), И. В. Арнольд (2010), Н. Д. Арутюновой (1990), М. В. Никитина (1988), Е. В. Падучевой (2004), В. Н. Телия (1977) и др.). Н. Н. Болдырев отмечает, что метонимический характер отношений между объектом и его характерным признаком, положенным в основу его наименования, является одним из основных положений теории номинации, разрабатывавшейся в рамках структурно-семантического подхода [Болдырев, 2007, с. 17–28].

Рассматривая метонимию как механизм семантической деривации, Е. В. Падучева выделяет три типа метонимических переносов:

1. Метонимическая связь двух концептуализаций одной и той же ситуации: «метонимия, «перенос по смежности», дает перенос внимания на объект, смежный с данным. Смежность может быть пространственной, временной или причинно-следственной» [Падучева, 2004, с. 160].

2. Метонимический сдвиг, связывающий «два значения слова, зафиксированных в словаре, — если одно значение получается из другого смещением фокуса внимания. Смещение фокусировки бывает двоякого рода: оно может касаться участников ситуации и компонентов толкования» [там же].

3. Диатетические сдвиги и расщепления, возникающие вследствие сдвига фокуса внимания [Падучева, 2004, с. 161].

В данной работе рассматривается только первый тип метонимического переноса, обусловленный смежностью двух концептуализаций одной ситуации или, иными словами, происходящий в пределах одной ИКМ.

В рамках структурно-семантического подхода проводится последовательное разграничение метафоры и метонимии как различных языковых явлений. В частности, Н. Д. Арутюнова, рассматривая метафору и метонимию как тропы, подчеркивала позиционное синтагматическое различие, заключающееся в их природе: «метонимия обращает внимание на индивидуализирующую черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, ...метафора же дает сущностную характеристику объекта» и различие в семантической сочетаемости: «метафора — это сдвиг в значении,

метонимия – сдвиг в референции» [Арутюнова, 1990, с. 31-32]. Е. В. Падучева определяет метонимию как «сдвиг фокуса внимания», а метафору как «категориальный сдвиг» [Падучева, 2004, с. 158]. Р. Якобсон на основе анализа афатических нарушений видел в метафоре и метонимии два противоположных полюса, представляющих отношения либо подобия, либо смежности [Якобсон, 1990].

При когнитивном подходе подчеркивается, наоборот, сходная природа метафоры и метонимии. Как и метафора, метонимия является одной из базовых структур познания. Метонимия так же, как и метафора, позволяет человеку осознавать и описывать вновь получаемый опыт в терминах ранее известного и хорошо понимаемого. Метафора и метонимия как когнитивные структуры имеют общий принцип формирования: от области – источника к области – цели (мишени).

При этом метонимия имеет особенность: «метонимические концепты дают возможность осмыслять некоторую сущность в рамках ее связей с другими сущностями» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 66]. В этом заключается важное различие метафоры и метонимии как структур, моделирующих знание о мире. Метафора представляет собой субъективную, часто воображаемую, ассоциативную связь между источником метафоры и целью ее проекции – новым познаваемым объектом, в то время как метонимия используется тогда, когда связь между новым и уже известным сегментом действительности достаточно объективна, часто подтверждена эмпирическим путем, функциональна, в частности, Т. Г. Скребцова отмечает, что «отличительной чертой метонимических моделей является наличие функции, связывающей один элемент с другим» [Скребцова, 2011, с. 107].

Репрезентированные в диалектной фитонимике Среднего Приобья метонимические модели подтверждают функциональный характер когнитивной метонимии, так как служат для передачи рационального, практического опыта диалектоносителей, связанного с использованием растений в народной медицине, быту и сельском хозяйстве. Взгляд на метонимию как способ организации,

хранения и передачи именно практических знаний подтверждается исследованиями ономазиологов, которые отмечают значительную роль метонимического переноса в прагматически направленном процессе номинации [Голев, 1983]. Сравнивая метафору и метонимию, Л. П. Кожевникова отмечает, что «по способу переноса метафоры - из области фантазии, того, что не дается в непосредственном наблюдении, скрыто, а метонимия – из области реальности, наблюдаемого» [Кожевникова, 1993, с. 107], тем самым подчеркивая, что метонимия «апеллирует к опыту...через соотнесение с фактами действительности» [там же]. Исследователями отмечается реалистичный характер метонимии как средства художественной образности. Например, Р. Якобсон замечает: «именно господство метонимии лежит в основе так называемого «реалистического» направления (*в литературе*) и предопределяет развитие этого направления» [Якобсон, 1990, с. 127].

В нашем материале метонимические модели представлены в 246 наименованиях растений (что составляет 16% от общего количества фитонимов). Как отмечается исследователями метонимии, «область метонимических отношений исключительно широка. Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, понятийные и логические отношения между различными предметами, лицами, действиями...» [Шкуропацкая, 2003, с. 70]. Действительно, метонимические когнитивные модели в диалектной фитонимике достаточно разнообразны, позволяют зафиксировать в ментальной сфере различные признаки растений и реализуются в восьми вариантах (рисунок 15).

Рисунок 15 – Метонимические когнитивные модели

Анализ метонимических когнитивных моделей осуществлялся по методике, разработанной для анализа метафорических моделей, с необходимыми коррективами, обусловленными спецификой метонимии:

1. Выделение области – источника, послужившей основанием для метонимического переноса и формирования нового понятия.
2. Выделение области – цели, то есть понятийной области, обозначающей объект действительности, на которую направлен процесс метонимического моделирования.
3. Формирование типологии моделей на основании типа области-источника, репрезентированной признаком номинации.
4. Оценка продуктивности типа метонимической когнитивной модели в процентном отношении количества выявленных в материале наименований, репрезентирующих данную метонимическую модель к общему количеству проанализированных фитонимов, представляющих репрезентации метонимических когнитивных моделей.

Продуктивными являются метонимические когнитивные модели, объективирующие практический опыт народной медицины применения растений. Группа включает три типа моделей и составляет большую часть примеров когнитивной метонимии – 136 наименований или 36% от всех фитонимов с репрезентацией метонимической модели.

1. Метонимическая модель: источник «болезнь» – новая понятийная область «растение». Репрезентирует в фитониме практическое знание о применении растения для лечения болезни, название которой становится основой для наименования растения словом.

ГЕМОРОЙНИК. Кровохлебка лекарственная, *Sanguisorbia officinalis* L. Признак номинации: «растение применяется при лечении геморроя». *«Геморройник состоит из суставчиков. <...>. Много его тут. От геморроя (Кож. Апт.)»*. ЖЕЛТУХА, ЖЕЛТУНИЦА. Пижма обыкновенная, *Tanacetum vulgare* L. Признак номинации: «растение применяется при лечении желтухи». *«Желтуха это, желтуница, жёлтым светом. Пьют, когда человек заболит желтухой, желтуницей (Шег. Карг.)»*.

КРОВЯНИЧНИК. Лапчатка серебристая, *Potentilla argentea* L. Признак номинации: «растение применяется при проблемах с кровеносной системой». *«Кровяничник кровь развивает (Лен.- Куз. Крас.)»*.

НАДСАДНИК. Герань луговая, *Geranium pratense* L. Признак номинации: «растение применяется при лечении «надсады»». *«Вот болит у меня живот, надсадилась я. А потом этого надсадника [попила], и перестанет живот болеть (Колт.Сар.)»*.

ПОРЕЗНИК. Подорожник обыкновенный, *Plantago major* L. Признак номинации: «растение применяется при лечении порезов и прочих ран». *«Порезник не только при порезах, но и при всяких ранах. Известно это давно. А узнали это, по рассказам, вот как. Однажды две змеи, разлегшись на солнышке, грелись на проезжей дороге. Вдруг откуда ни возьмись повозка из-за поворота вынырнула. Одна змеюка успела уползти с дороги, другая приотсталла, и колесо её переехало. Люди, которые в повозке сидели, видели, как змея первая, которую не задело,*

уползла сначала, а потом вернулась с листиком порезника, которым и исцелила подружку. С тех пор, если у человека рана какая или язва долго не заживает, берут листья порезника и толкут свежие (Чаин. Бунд.)».

2. Метонимическая модель: область-источник «орган» – новая понятийная область «растение». Репрезентирует в фитониме практическое знание о применении растения для лечения того или иного органа человеческого тела, название которого становится основой для наименования растения словом. ГОРЛАНКА, ГОРЛЯНКА. Черноголовка обыкновенная, *Prunella vulgaris* L. Признак номинации: «растение применяется для лечения заболеваний горла». «Горланка, у кого горло болит, заварил кипятком и пей (Том. Луч.)». «Называют черноголовку по книге, а и пишется горлянка. От ангины хорошо (Том. Меж.)». ЛЕГОЧНИЦА. Горечавка легочная, *Gentiana pneumonanthe* L. Признак номинации: «растение применяется для лечения заболеваний легких». «Легочница называют у нас (Крив. Был.)».

СЕРДЕЧНИК. Пустырник пятилопастный, *Leonurus quinquelobatus* Gilib. Признак номинации: «растение применяется для лечения заболеваний сердца». «Сердечник, мелкие розовые цветки, использую как сердечное средство (Том. Н.-Арх.)».

3. Метонимическая модель: область-источник «оказываемый эффект (воздействие)» – новая понятийная область «растение». В этом типе модели отображается практический опыт деревенских жителей, объективированный на языковом уровне признаком номинации и, шире, двумя принципами номинации: «воздействие на человека» и «применение в медицине»:

- результат воздействия растения на человека, то есть тот эффект, который наблюдается в поведении или в состоянии организма человека после приема плодов или самого растения целиком в пищу, либо в результате иного воздействия на рецепторы (например, запах);

- эффект от применения растения в лечебных целях.

Часть растений, названия которых репрезентируют этот тип когнитивной модели, являются ядовитыми и не применяются в народной медицине, но тем не

менее, вследствие того, что они оказывают влияние на физическое самочувствие человека, а их названия указывают на конкретный эффект их применения, мы относим их к общей группе практического опыта народного траволечения. БЗДНИКА. Паслен черный, *Solanum nigrum L.* Признак номинации: «растение оказывает на человека газообразующий эффект». *«Ещё в огороде бздника. У неё кустик маленький, а ягоды чёрненькие, когда её объеешь, то сильно газы из организма выходят (Шег. Мельн.)».*

БОЛИГОЛОВКА. Болиголов пятнистый (омег), *Conium maculatum L.* Признак номинации: «растение вызывает головную боль». *«Да и на покосе есть ядовитая такая трава, если её много нюхать будешь, то голова разболится. <...>. А называется болиголовка (Яшк.Полом.)».*

ДЕВЯТИСИЛ. Девясил высокий, *Inula helenium L.* Признак номинации: «растение очень лекарственное, от девяти болезней». *«Девятисил, у него прямой стебель, цветки жёлтые... . Называют так, наверно, потому, что девятью силами обладает, от девяти болезней помогает (Яйск. Кайла)».*

КУПЁНА. Купена лекарственная, *Polygonatum officinale All.* Признак номинации: «растение применяется для получения эффекта отбеливания лица». См. у В. А. Меркуловой: растение применялось крестьянскими девицами для умывания лица, придания ему белого цвета. «Купавный» - «белый», «красивый» [Меркулова, с. 35].

ПРИМОЧНАЯ ТРАВА. Колокольчик скученный, *Campanula glomerata L.* Признак номинации: «растение используется в качестве примочек с противовоспалительным эффектом». *«Это колокольчик сборный, или как у нас называют примочная трава. Видать, имеет такие лечебные свойства, что из него примочки делают в простонародье (Яшк. Полом.)».*

Вторая группа метонимических моделей представляет другие сферы опыта жителей деревни: применение растений в пищу, в быту, на своем личном подворье в качестве корма или подстилки для животных.

4. Метонимическая модель: область-источник «блюдо» – новая понятийная область «растение». Объективирует знания о применении растения для

приготовления блюда (напитка), представлена небольшой группой наименований растений, используемых для приготовления борща и в качестве травяного чая. Признак номинации: «растение используется для приготовления борща».

БОРЩОВКА. Борщевик рассеченолистный, *Heracleum dissectum Ledeb.* «Ну, купыри разные бывают, гладкие, а бывают с опушением такие – борщовка их ещё называют, потому что их в борщ ложили, борщ варили (Мар.Благ.)».

Крапива БОРЩЕВАЯ. Крапива обыкновенная (двудомная), *Urtica dioica L.* «С крапивы суп варю всё время. С листьями. .. (Том. Ит.)».

БОРЩОВНИК. Щавель обыкновенный, *Rumex acetosa L.* «Это борщовник, он кислый (В.-Кет. М. Яр). Суп с ботвинками моковки да свеклы люблю. Для кислоты кислятник кидаю. С домашней-то сметанкой. (Кож. Урт.)».

Признак номинации: «растение используется для приготовления чая».

Иван-ЧАЙ, полевой ЧАЙ, соровой ЧАЙ, ЧАЙ. Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria (L) Maxim.* Многолетнее травянистое растение с белыми душистыми цветками. «Полевой чай, называется, белоголовник, растёт на лугах, в болотах. <...>.Мы, бывало, чай заваривали, он вкусный такой, приятный. (Ас. Каз.). Вот это иван-чай или чай его называли. Его сушат и в чай употребляют. Приятный он в чай (Том. Н.-Рожд.)».

5. Метонимическая модель: область-источник «предмет домашнего обихода» – новая понятийная область «растение». С помощью этой метонимической модели передается опыт использования растений в быту, в домашнем хозяйстве.

ВЕНИК. Дескурайния струйчатая, *Descurainia sophia (L) Webb.* Признак номинации: «растение используется в качестве веника». «Это называется кудрявец, веник как у нас его называли..мели, ломали (Яшк. Полом.)».

РУМЯНКА. Синяк обыкновенный, *Echium vulgare L.* Признак номинации: «растение используется в качестве румян». «Это румянка, его цветами девки щёки румянили, в их краска красная есть, но оно ядовитое (Мар.Благ.)».

6. Метонимическая модель: область-источник «домашнее (сельскохозяйственное) животное» – новая понятийная область «растение».

Модель воплощает две области опыта практического применения растения: А. в качестве корма для сельскохозяйственных животных Б. в качестве отравы для насекомых.

А. СВИНАЯ ТРАВА, СВИНЯЧЬЯ ТРАВА, СВИНЮШНИК, ЧУШАЧЬЯ ТРАВА. Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare* L. Признак номинации: «растение используется в качестве корма для свиней». «Ещё свинячья трава растет, она по земле ползет, длинная такая...А вот ее свиньи едят, она в огороде по картошке растет (Яйск. Кайла). Его ещё свинюшник называют в деревне, свиньи его любят.. (Том. Бог.). А больше её любят поросятки. У неё так много названий, у этой травы. Некоторые называют гусячья трава, некоторые – чушечья трава (Том. Бог.)».

СВИНАРНИК, СВИНЯЧИЙ горох. Просвирник маленький, *Malva pusilla* Sm. Признак номинации: «растение используется в качестве корма для свиней». «Вот это свинарник, репка .. мы её рвем и свиньям даём (Том. Н. Ишт.)».

Б. БЛОШНИК, КЛОПОВНИК. Багульник болотный, *Ledum palustre* L. Признак номинации: «растение используется для травли насекомых: клопов и блох». «Багульник ещё от клопов. <...>. Клоповник ещё звали, блошник ещё звали (Том. Верш.)».

Отдельную группу составляют фитонимы, являющиеся языковой репрезентацией знаний диалектоносителей о месте произрастания и времени цветения растений, объективирующиеся, соответственно, принципами номинации «место произрастания» и «время цветения». Наиболее важной информацией в этой группе для крестьянского коллектива является место произрастания. С одной стороны, кодирование и передача знаний о месте произрастания имеет практическую ценность, основанную на понимании мест поиска и сбора лекарственных и съедобных растений. С другой стороны, через информацию о том, что характерным местообитанием растения является поле, луг, лес и т.п., диалектоносители выражают свою оценку этого растения как «дикого, ненастоящего или несъедобного», сравнивая его с уже известным им культурным растением, например, ПОЛЕВОЙ лук (Лук маленький, *Allium*

tenuissimum L., Лук победный (черемша), *Allium Victorialis* L.). Метонимический характер передачи в семантике фитонима информации о его месте произрастания отмечался в исследованиях Н. И. Коноваловой и Н. И. Панасенко [Коновалова, 1993, Панасенко, 2000].

7. Метонимическая модель: область-источник «место произрастания» – новая понятийная область «растение».

Высокопродуктивная модель, репрезентирована в диалекте 126 фитонимами (34 % от общего числа метонимических моделей), часто в двусловных наименованиях, причем языковая репрезентация метонимической модели этого типа в таких случаях выражена прилагательным.

БОЛОТНИК. Калужница болотная, *Caltha palustris* L. Признак номинации «растет на болоте». «Болотники растут. Они и называются болотники – в болоте растут. Вон там, за Идой Фёдоровной. Прямо в болоте (Том. Н.-Рожд.)».

Чай КОЧЕЧНЫЙ. Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria* (L) Maxim. Признак номинации «растет на кочках». «Чай кочечный на кочках растёт, им чай заваривают (Шег. Бат.)».

Мята ЛЕСНАЯ. Душица обыкновенная, *Origanum vulgare* L. Признак номинации «растет в лесу, «дикая»». «Мята есть садовая, лесная. Лесная иначе ещё называется, душица, вот (Том. Бог.)».

Гвоздичка, гвоздика ПОЛЕВАЯ. Гвоздика пышная, *Dianthus superbus* L. Признак номинации «растет в поле». «Гвоздика бывает ещё, растёт у нас на полях, полевая (Яшк. Итат.)».

8. Метонимическая модель: область-источник «время цветения» – новая понятийная область «растение». Малопродуктивная когнитивная модель, представлена ограниченным количеством наименований, связанными в основном с ранним цветением.

МАЙСКИЙ ЦВЕТОК. Ветреница лесная, *Anemone sylvestris* L. Признак номинации «цветущий в мае». «Майские цветочки, беленьки, первые появляются (Мар. Тюм.)».

ПОДСНЕЖНИК. Признак номинации «цветущий рано, из-под снега». 1. Ветреница лесная, *Anemone sylvestris* L. «Подснежники бывают, как снег сойдет, так ребяташки рвут, беленьки таки, голубеньки (Том. Н.Ишт.)». 2. Прострел широкоцветный (сон-трава), *Pulsatilla patens* (L) Mill. «Цветочки беленьки таки называют ... и жёлтеньки, и беленьки подснежниками называют. Снег только тает, а они уже расцветают. Вот их подснежниками и называют все (Том. Верш.)».

Таким образом, все восемь типов метонимических когнитивных моделей, репрезентированных в диалектной фитонимике, связаны с рациональным, практически ориентированным опытом диалектного языкового коллектива и используются для максимально точной передачи информации о возможных способах применения растений или месте их обитания. Продуктивность различных типов моделей представлена в Таблице 4, а на рисунке 16 представлено соотношение групп метонимических моделей со сходным типом области источника.

Таблица 4 – Продуктивность метонимических когнитивных моделей

Тип модели	Кол-во фитонимов	% от общего кол-ва репрезентаций метонимической модели
Болезнь – растение	63	18%
Орган – растение	22	6%
Эффект – растение	51	14%
Предмет – растение	29	8%
Блюдо – растение	23	6%
Корм животных – растение	41	11%
Место произрастания – растение	126	35%
Время цветения – растение	8	2%

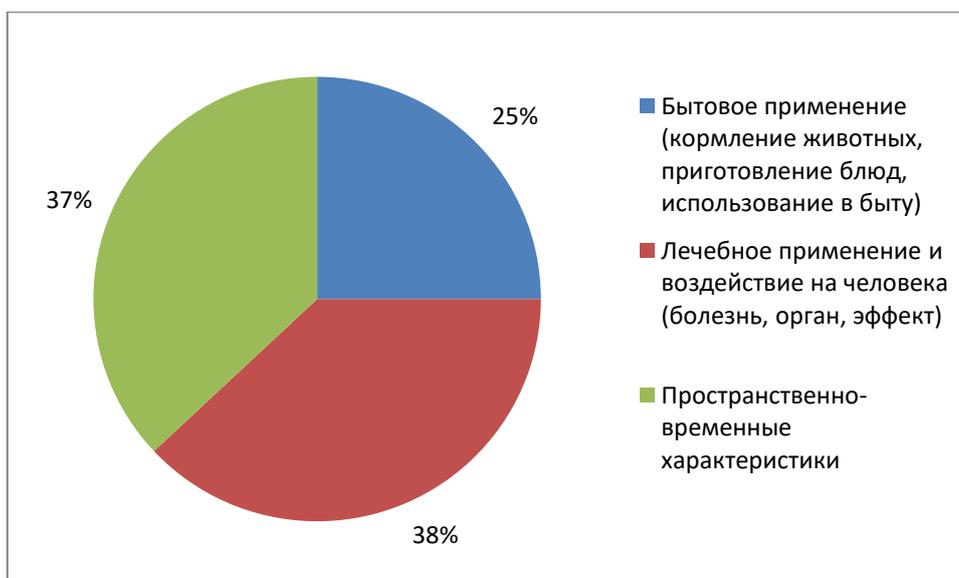

Рисунок 16 – Соотношение групп метонимических моделей по продуктивности

Рассмотренные категоризирующие модели: метафорическая и метонимическая (второго уровня) – объективированы в значительном количестве наименований растений (всего 1235 фитонимов) и связаны с третьим этапом когнитивной деятельности познающего субъекта, который заключается в анализе информации, полученной двумя путями. Первый – это информация, полученная при контакте с растением по перцептивным каналам: зрительному, слуховому, вкусовому, обонятельному и тактильному. Второй – рациональное осмысление накопленных данных либо о практическом опыте применения данного растения, либо данных о месте его произрастания и времени цветения.

Как на первом, так и на втором этапах когнитивной деятельности, обслуживающихся когнитивными моделями первого уровня, основным источником информации являются перцептивные способности человека, но категоризирующие модели формируют понятие о растении с использованием связей с другими категориями концептуальной системы: по ассоциативному сходству или функциональной и пространственно-временной смежности.

При этом метафорическая когнитивная модель, основанная на ассоциативном сходстве, является предпочтительным способом кодирования

информации о растительном мире, наблюдается в 70% случаев использования категоризирующих когнитивных моделей, в то время как метонимические когнитивные модели, основанные на смежности, составляют 30%.

3.2.4. Синтезирующие когнитивные модели третьего уровня

Третий уровень когнитивного моделирования окружающей действительности связан с четвертым этапом познавательной деятельности человека, на котором осуществляется синтез всей имеющейся информации об объекте, в данном случае, о растении.

Этот уровень обслуживается синтезирующими когнитивными моделями, репрезентированными в языке:

1. Двусловными наименованиями, каждая часть которых содержит информацию о разных признаках растения, положенных в основу наименования (то есть двумя признаками номинации и, как правило, двумя принципами номинации). Например, ПОЛЕВАЯ ДУШИЦА. Душица обыкновенная, *Origanum vulgare* L. Признак номинации 1: «растение - душистое». Пропозициональная когнитивная модель. Признак номинации 2: «растущее в поле». Метонимическая когнитивная модель. ВОЛЧЬЯ ДУДКА. Дудник лесной, *Angelica sylvestris* L. Признак номинации 1: «растение, засоряющее покосы, «вредное». Метафорическая когнитивная модель. Признак номинации 2: «стебель растения полый, похож на дудку». Метафорическая когнитивная модель.

2. Двусловными наименованиями, которые образованы на основе одного признака номинации, но в формировании понятия о растении задействованы две когнитивные модели, синтезированно описывающие реалию. Например, КУКУШКИНЫ САПОЖКИ, ирис-касатик, *Iris ruthenica* Ker.-Gawl. Признак номинации один – «цветы растения по форме напоминают сапожки». Но для формирования представления о растении используются две когнитивных модели: метафорическая модель 1: артефактная «как сапожки» и метафорическая модель 2: зооморфная «ассоциация с кукушкой как с существом женского пола».

ИВАН-ЧАЙ. Кипрей узколистный, *Chamaenerium angustifolium* (L) Scop. Признак номинации: «растение используется для приготовления чая». 1. Метафорическая когнитивная модель антропоморфного типа «персонификация растения как человека». 2. Метонимическая когнитивная модель «блюдо – растение».

Отметим, что не все двусловные фитонимы являются репрезентацией синтезирующей модели, так как часть двусловных наименований представляют собой цельный образ, формирующийся на основе одного признака растения и обслуживающийся одной когнитивной моделью категоризирующего типа, например, БРУСНИЧНАЯ ТРАВА. Очиток едкий, *Sedum acre* L. Признак номинации «растение, похожее на бруснику»;

КОРОВЬИ ХВОСТЫ. Скерда сибирская, *Crepis sibirica* L. Признак номинации «соцветия растения напоминают коровьи хвосты».

МЕДВЕЖЬИ УШКИ. Зимолюбка зонтичная, *Chimaphila umbellata* (L) Nutt. Признак номинации: «растение по форме листьев напоминает медвежьи уши».

3. Однословными названиями, в процессе номинации которых использованы два признака, синтезированных в ментальной сфере в одно понятие. Например,

КАЗАЧОК. Горечавка крупнолистная, *Gentiana macrophylla* Pall. Признак номинации 1: «растение имеет острые листья, как сабля». Признак номинации 2: «растение с цветами синего цвета, как казачий мундир». Комплексное осмысление двух признаков сформировало единый образ «трава как казак».

МЫШЕРЕПКА. Клевер белый, *Trifolium repens* L. Признак номинации 1: «растение с цветами формой похожими на репку». Признак номинации 2: «растение маленького размера, «мышинное»».

4. Однословными наименованиями, которые имеют два конкурирующих признака номинации (либо/либо), определить приоритетность одного из которых в номинационной истории слова не представляется возможным. Н. И. Коновалова выделяла такие фитонимы как отдельные ономаσιологические структуры, допускающие: а) двоякое толкование первичного образа при метафорическом

переносе; б) двойное осмысление – метафорическое или метонимическое исходного признака; в) равновероятностное осмысление связи названия со свойствами обозначаемой реалии (растения) ввиду многозначности использованного признака номинации и т.д. [Коновалова, 2000, с. 49-51]. Например, ЖЕЛТУНИЦА. Пижма обыкновенная, *Tanacetum vulgare* L. 1. Признак номинации: «растение желтого цвета». Принцип номинации «цвет». Пропозициональная когнитивная модель. 2. Признак номинации «растение, помогающее при желтухе». Принцип номинации «применение в медицине». Метонимическая когнитивная модель.

КРОВОХЛЕБКА. Кровохлебка лекарственная, *Sanguisorbia officinalis* L. 1. Признак номинации: «растение темно-красного цвета, как будто пропитанное кровью». Принцип номинации «цвет». Метафорическая когнитивная модель. 2. Признак номинации «растение, помогающее при кровотечениях». Принцип номинации «применение в медицине». Метафорическая когнитивная модель.

В связи с двойным толкованием признака, положенного в основу наименования, происходит двойное наполнение когнитивной модели, формирующей ментальное представление, в связи с чем подобные фитонимы рассматриваются как репрезентации синтезирующей когнитивной модели, потенциально кодирующей информацию о двух признаках растения.

Синтезирующая когнитивная модель представляет собой цельный конструкт из двух моделей нижележащего уровня: идентифицирующих и/или категоризирующих или метафорических когнитивных моделей, синтезирующих два и более признака реалии в единый образ. Синтезирующие модели чаще всего репрезентированы именно двусловными (составными) фитонимами (209 фитонимов из 227), которые выражают «единое понятие о том или ином классе предметов реальной действительности (или о конкретной реалии)» [Коновалова, 2000, с. 19].

Отметим, что в рамках синтезирующей модели не рассматривается образование ментальной единицы с использованием когнитивной модели пропозиционального, метонимического или метафорического типа на базе

метонимической когнитивной модели первого уровня (базовой «ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ»), так как в данном случае идет речь о процессах разного типа. При использовании базовой метонимической модели познающий субъект проводит аналитическую операцию. Он выделяет яркий характерный признак какой-либо части объекта (цветок, корень, лист, стебель), служащий идентификатором, и переносит представление о нем на весь объект (растение) целиком, используя для формирования понятия одну из когнитивных моделей первого (пропозициональную) и второго (метафорическую и метонимическую категоризирующую) уровней.

Синтезирующая модель используется для синтеза выделенных на этапе анализа признаков и формирования единого понятия, которое может быть репрезентировано в языке двусловными (чаще) и однословными наименованиями. Единичными исключениями являются фитонимы, где базовая метонимическая модель первого уровня репрезентирована в одной из частей двусловного наименования, например, БОРОВОЙ ЛИСТ (Володушка золотистая, *Vipleurum aureum Fisch.*), КРАСНЫЙ КОРЕНЬ (Копеечник сибирский, *Hedysarum sibiricum Poir.*), МЫЛЬНЫЙ КОРЕНЬ (Горицвет татарское мыло, *Lychnis chalconia L.*), ПРИДОРОЖНЫЕ ЛИСТЫ (Подорожник обыкновенный, *Plantago major L.*), что не отменяет аналитического характера когнитивной операции.

Рассмотрим типы синтезирующих когнитивных моделей:

1. Сочетание двух идентифицирующих моделей первого уровня: пропозициональная + пропозициональная. Репрезентирована небольшим количеством фитонимов (3% от общего числа репрезентаций синтезирующих когнитивных моделей). Например, ВЬЮН ДИКИЙ. Вьюнок полевой, *Convolvulus arvensis L.* Признак номинации 1: «растение вьется». Пропозициональная когнитивная модель 1. Признак номинации 2: «растение – дикое». Пропозициональная модель 2. «Вьюн дикий. Розовые цветы в основном, а белые вьются по малине (Том. Бог.)».

ГЛАДКАЯ ПУЧКА. Дудник лесной, *Angelica sylvestris L.* Признак номинации 1: «растение гладкое». Пропозициональная модель 1. Признак номинации 2:

«растение растет пучком». Пропозициональная модель 2. «Гладка пучка растёт (Ас. М.-Жир.)».

НЕГЛАДКАЯ ПУЧКА. Борщевик рассеченолистный, *Heracleum dissectum Ledb.* Признак номинации 1: «растение негладкое». Пропозициональная модель 1. Признак номинации 2: «растение растет пучком». Пропозициональная модель 2. «Листья у неё шершавые, большие, от стебля идет далеко. У нас это была первая еда. Пучку, когда она молодая, мягкая, очищают и едят... (Яшк. Яшк.)».

Как видно из приведенных примеров, синтезирующая когнитивная модель задействуется, когда у познающего субъекта появляется задача уточнить представление об объекте или дополнительно охарактеризовать растение с целью различения: предполагается, что диалектоносителю известно, что есть вьюн дикий и культурный, есть пучка с гладкими листьями и стеблями, а есть с шершавыми, поросшими волосками. Вероятно, в силу того, что пропозициональная модель сама по себе формирует максимально точное представление о реалии, без использования образных средств, синтезирующая когнитивная модель типа «пропозициональная + пропозициональная» используется достаточно редко.

2. Сочетание идентифицирующей и категоризирующей когнитивных моделей.

- Пропозициональная + метонимическая категоризирующая. Данная синтезирующая модель репрезентирована в двусловных и однословных фитонимах (всего 11% от общего числа синтезирующих когнитивных моделей). Как пропозициональная, так и метонимическая модель используются в этом случае для уточнения информации о растении: либо о месте его произрастания, либо о цвете, либо о свойствах. Приведем примеры.

БЕЛОДОННИК. Донник белый, *Melilotus albus Desr.* Признак номинации 1: «цветы растения - белые». Пропозициональная когнитивная модель. Признак номинации 2: «растение используется для лечения болезней «дна» (органов нижней части брюшной полости.)». Метонимическая когнитивная модель «орган – растение». «Это белодонник. Ну, у его листики такие продолговатые.

...Цветёт беленьким, больше к белым относится (Яшк. Полон.)». «Таким образом, **дно, днище, донный** – органы, расположенные в нижней части брюшной полости, **дна** – болезни этих органов и подагра, **донник** – название растение, используемого от подагры и болезней органов брюшины» [Меркулова, с. 85-86].

ВОДОРЕЗНИК. Телорез алоэлистный, *Stratiotes aloides* L. Признак номинации 1: «растет в воде». Метонимическая когнитивная модель. Признак номинации 2: «растение режет». Пропозициональная когнитивная модель. «Водорезник как столетник колючий в озёрах. (Зыр. Черд.). Пошто, трава резуча, резуча, руками не возьми (Крив. Перш.)».

ПОДОРОЖНИК МЕЛКИЙ. Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare* L. Признак номинации 1: «растет по дорогам». Метонимическая когнитивная модель: место - растение. Признак номинации 2: «растение мелкое». Пропозициональная когнитивная модель. «Подорожник большой, а этот мелкий (Шег. Карг.)».

СВИНЯЧА ПУЧКА. Бутень Прескотта, *Chaerophyllum prescottii*. Признак номинации 1: «растением кормят свиней». Метонимическая когнитивная модель: животное - растение. Признак номинации 2: «растение растет пучком». Пропозициональная когнитивная модель. «Свиняча пучка везде растёт. Белым цветёт. Много цветов. Её свиньи едят и поправляца (Том. Н.-Рожд.)».

- Пропозициональная + метафорическая. Достаточно продуктивная модель, репрезентированная в 24% фитонимов (от общего числа синтезирующих моделей). Чаще всего пропозициональная составляющая кодирует дополнительную информацию о растении, например, цвет, размер или оценочное суждение, что растение «дикое», в отличие от культурного растения, послужившего исходным объектом для формирования образа по ассоциативному сходству. Например, **ДИКАЯ МОРКОВЬ**. Бутень Прескотта, *Chaerophyllum prescottii*. Признак номинации 1: «растение - дикое». Пропозициональная когнитивная модель. Признак номинации 2: «листья растения напоминают

морковь». Метафорическая когнитивная модель фитоморфного типа. «*Дикая морковь – лист морковный, как морковь (В.-Кет. Мох.)*».

ЖЕЛТЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК. Желтая лилия, *Nemerocallis flava L.* Признак номинации 1: «цветы растения - желтые». Пропозициональная когнитивная модель. Признак номинации 2: «цветы растения по форме напоминают колокольчик». Метафорическая когнитивная модель артефактного типа. «*Жёлтые колокольчики собирали. Это цветок [показывает: большой]. Раньше девчонками бегали и собирали (Мар. Мар.)*».

ЖЕЛТЫЕ КУВШИНКИ. Кубышка желтая, *Nuphar luteum (L) Sm.* Признак номинации 1: «цветы растения - желтые». Пропозициональная когнитивная модель. Признак номинации 2: «цветы растения по форме напоминают кувшин». Метафорическая когнитивная модель артефактного типа. «*А вот и ещё растение вспомнила, кувшинки...они растут на озере. Белы кувшинчки и жёлтые тоже есть кувшинки (Мар. Мар.)*».

ИВАН БЕЛЫЙ. Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria (L) Maxim.* Признак номинации 1: «олицетворение растения с человеком». Метафорическая когнитивная модель антропоморфного типа. Признак номинации 2: «цветы растения - белые». Пропозициональная когнитивная модель. «*Иван белый, он высокий такой, белыми крупными шапками цветёт и пахнет сильно мёдом. С него чай варют, смешать с душиками, с иван-чаем, самородиновых листьев добавишь и зимой попиваешь. У нас ещё его белоголовником зовут (Мар. Кол.)*».

ЧЕСНОК ДИКИЙ. Лук косой (уксун), *Allium obliquum L.* Признак номинации 1: «растение похожее на чеснок». Метафорическая когнитивная модель фитоморфного типа. Признак номинации 2: «растение - дикое». Пропозициональная когнитивная модель. «*Едим чеснок дикий тоже (Тяж. Н.-Преобр.)*».

В единичных случаях метафора дополняет точную характеристику растения, сформированную пропозициональной моделью.

КИСЛИЧКА ЗАЯЧЬЯ. Кислица заячья, *Oxalis acetosella L.* Признак номинации 1: «растение - кислое». Пропозициональная когнитивная модель.

Признак номинации 2: «растение условно съедобное». Метафорическая когнитивная модель зооморфного типа. «*Заячьей кисличкой зовут, она маленькая такая, цветёт беленьким, листья кислые, растёт где сосны, возле речки, но её здесь мало, мы её ребятами ели (Мар. Благ.)*».

3. Сочетание двух категоризирующих моделей.

- Метонимическая (кат.) + метонимическая (кат.). Малопродуктивная синтезирующая модель, репрезентированная всего 7 фитонимами (3% от общего количества синтезирующих моделей). Подобная невысокая продуктивность, скорее всего, обусловлена рациональным характером использования метонимической категоризирующей модели, соответственно, сформированное с ее помощью понятие уже достаточно информативно и редко нуждается в дополнительной информации. ПОДОРОЖНИК САДОВЫЙ. Горец птичий (гречиха птичья), *Polygonum aviculare L.* Признак номинации 1: «растет вдоль дорог». Метонимическая когнитивная модель «место – растение». Признак номинации 2: «растение растет в саду (огороде)». Метонимическая когнитивная модель «место – растение». «...*Да господи, ведь её везде вдоль дорог полно. Только её там собирать не надо, надо собирать в огородах, в огородах и растёт...* (Бел. Бач.)».

ПОЛЕВОЙ ЧАЙ. 1. Кипрей узколистый, *Chamaenerium angustifolium (L) Scop.*; 2. Лабазник вязолистный, *Filipendula ulmaria (L) Maxim.* Признак номинации 1: «растет в поле». Метонимическая когнитивная модель «место – растение». Признак номинации 2: «растение употребляется как чай». Метонимическая когнитивная модель «блюдо – растение». 2. «*Полевой чай – имван-чай, цветёт белым (Том. Нелюб.)*».

- Метонимическая (кат.) + метафорическая. Один из самых продуктивных типов синтезирующей когнитивной модели – 30% от общего количества репрезентаций. В основном метонимия дополняет и уточняет образное представление о растении, сформированное метафорической моделью, рациональными наблюдениями о месте произрастания, практическом использовании. Именно в рамках этой модели особенно распространено

уточнение фитоморфной метафоры, выраженное оценкой «ненастоящее, дикое» дикорастущего растения, имеющего сходство с культурным и сравнивающееся с ним в процессе познания и процесса номинации.

БОЛОТНАЯ ЛИЛИЯ. Кувшинка белая, *Nymphaea candida Presl*. Признак номинации 1: «растет на болотах». Метонимическая когнитивная модель «место – растение». Признак номинации 2: «растение с цветами, похожими на лилии». Метафорическая когнитивная модель фитоморфного типа. «*Растут у меня лилии. Они в садике, а ещё есть болотные лилии, только цвета они белого (Чебул. Шест.)*».

ВОДЯНОЙ ПЕРЕЦ. Горец перечный, *Polygonum hydropiper L.* Признак номинации 1: «растет рядом с водой». Метонимическая когнитивная модель «место – растение». Признак номинации 2: «растение горькое как перец». Метафорическая когнитивная модель артефактного типа. «*Водяной перец растёт в мокрых болотистых местах. Листочки остренькие, цветёт белым и розовым (Яйск. Арыш.). Его ешию водяной перец называют, он очень горький, как перец. .. (Тис. Комс.)*».

ЛОПУХ ОЗЁРНЫЙ. Лимнантемум кувшинковидный, *Limnanthemum nymphoides (L) Link.* Признак номинации 1: «растение с большими листьями, как у лопуха». Метафорическая когнитивная модель фитоморфного типа. Признак номинации 2: «растет на озерах». Метонимическая когнитивная модель «место – растение». «*Лопух озёрный – жёлтые, белые светки на воде плавают (Зыр. Черд.)*». «*Водяное растение с ползучим корневищем, длинными...стеблями и плавающими на воде длинночерешковыми округло-эллиптическими листьями до десяти сантиметров в поперечнике (зона толкования)*».

ПОЛЕВОЙ ГОРОХ. Чина весенняя, *Lathyrus vernus (L.) Bernh.* Признак номинации 1: «растет в поле». Метонимическая когнитивная модель «место – растение». Признак номинации 2: «растение, похожее на горох». Метафорическая когнитивная модель фитоморфного типа. «*Полевой горох. У него сиреневый стебель от такой, как с мизинец толщиной корешок, он потом завивается от*

так и цветёт. От так завивается верхушечка, когда цвет набирает... (Том. Н.-Рожд.)».

ЛОПУХ СВИНЯЧИЙ. Щирица колосистая, *Amarantus retroflexus L.* Признак номинации 1: «растение с большими листьями, как у лопуха». Метафорическая когнитивная модель фитоморфного типа. Признак номинации 2: «растением питаются свиньи». Метонимическая когнитивная модель «животное – растение». «*А эту мы называем – лопух свиначий (Том. Луч.). ...Лист широкий, сочный такой, зелёный (Яшк. Полом.). ..Её так свиньи едят, вот даже с землёй корешочек попадёт, корешок выедят (Том. Луч.)».*

- Метафорическая + метафорическая. Наряду с предыдущей когнитивной моделью является самой продуктивной – 29% от общего числа репрезентаций синтезирующих моделей. Служит для формирования понятия путем синтеза двух метафорических моделей, либо характеризующих два разных признака растения, либо формирующих законченный образ разнонаправленными ассоциативными связями с объективной действительностью либо мифологическими представлениями крестьянского коллектива. Приведем примеры:

ЗАЯЧЬЯ КАПУСТА. Очиток пурпуровый, *Sedum purpureum Schult.* Признак номинации: «растение с листьями, похожими на капусту, но ненастоящая капуста». Метафорическая когнитивная модель 1 зоофomorного типа: оценка «ненастоящее», «дикое» через образ дикого животного - зайца. Метафорическая когнитивная модель 2 фитоморфного типа. «*У заячьей капусты лист широкий, а у гороха, наоборот, листочки мелкие (Чебул. Шест.). Лист заячьей капусты на капусту походит (Мар. Благ.)».*

МЫШИЙ ГОРОХ, МЫШИНЫЙ ГОРОХ. Горошек мышинный, *Vicia cracca L.* Признак номинации: «растение с плодами, похожими на горох, но только маленького размера». Метафорическая когнитивная модель 1 зоофomorного типа: оценка размера через образ мыши как маленького животного. Метафорическая когнитивная модель 2 фитоморфного типа. «*Мышиный горох, он красивый. Но когда отцветает, то у него стручки, как у гороха, и там маленькие-маленькие горошинки. Он сиреневым цветёт (Мар. Мар.)».*

ПЕТРОВ КРЕСТ. Гвоздика-травянка, *Dianthus deltoides* L. Признак номинации 1: «цветет в середине июля, когда Петров день». Метафорическая когнитивная модель 1 мифоморфного типа: время цветения растения связывается с народным календарем, христианским праздником Петрова дня (12 июля). Признак номинации 2: «цветок растения имеет форму креста». Метафорическая когнитивная модель 2 артефактного типа. «Её называют травянка или петров крест ещё, слышала, её называют. Гвоздика – петров крест (Мар. Благ.)».

СОБАЧЬЯ МЯТА. Будра стелющаяся, *Glechoma hederacea* L. Признак номинации 1: «растение плохо пахнет». Метафорическая когнитивная модель 1 зооформного типа: негативная характеристика «плохого» через образ собаки как нечистого животного. Признак номинации 2: «растение похоже на мяту». Метафорическая когнитивная модель 2 фитоморфного типа. «Собачья мята, она такая мята, токо не пахнет. Нет, нет, вняет она. ..(Том. Н.-Рожд.). Мята вот есть. Говорят, собака мята. Она не так пахнет, как эта мята. А цветёт так же, как эта (Том. Н.-Рожд.)».

Основными итогами анализа синтезирующих когнитивных моделей являются:

1. Определение роли синтезирующей когнитивной модели, заключающейся в создании в процессе познания комплексного представления о растении, которое базируется либо на выделении двух ярких признаков объекта, либо на создании образа из двух ассоциативных связей, что требует использования двух метафорических моделей. Необходимость комплексирования имеющейся информации, ее синтеза определяется, как правило, потребностью сообщить дополнительную информацию о растении, в основном практического (место произрастания) или оценочного (размер, вред, польза, «такое же как, но ненастоящее») характера.

2. Выделение трех типов моделей: сочетание двух идентифицирующих моделей первого уровня; двух моделей, из которых одна идентифицирующая, вторая категоризирующая; двух категоризирующих моделей второго уровня. Наиболее продуктивным является сочетание двух категоризирующих моделей –

61 % от общего количества репрезентаций синтезирующих когнитивных моделей (процентное соотношение типов моделей представлено на рисунке 17). Виды реализации типов синтезирующих когнитивных моделей дополнительно приведены в таблице 5.

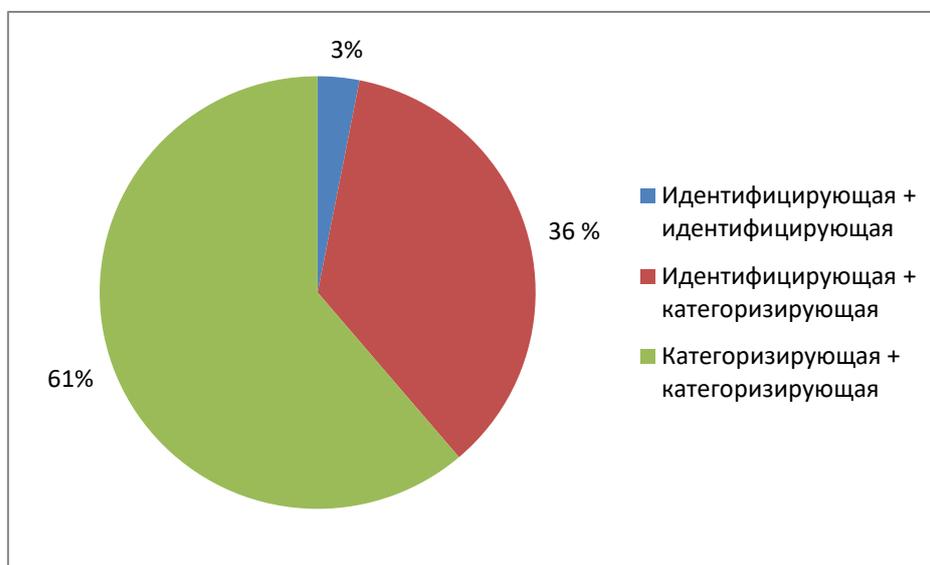

Рисунок 17 – Продуктивность типов синтезирующих когнитивных моделей

Таблица 5 – Виды реализации типов синтезирующих когнитивных моделей

Идентиф.+идентиф.	Идентиф. + категор.		Категор. + категор.		
	Пропозиц. + метоним.	Пропозиц. + метафор.	Метоним. + метоним.	Метоним. + метафор.	Метафор.+метафор.
3%	11%	24%	3%	30%	29%

3. На уровне языка синтезирующие когнитивные модели, чаще всего, репрезентируются двусловными (составными) наименованиями, сформированными по схемам: прилагательное + существительное (ГУСИНЫЙ ГОРОХ (Чина весенняя, *Lathyrus vernus (L.) Bernh.*), ДЕД КОЛЮЧИЙ (Чертополох курчавый, *Carduus crispus L.*), ДИКИЙ ПИОН (Пион уклоняющийся, *Paeonia anomala L.*), ПОЛЕВЫЕ КУДРИ (Просвирник маленький, *Malva pusilla Sm.*) и т.п.), реже, существительное + существительное (ИВАН-ЧАЙ (Кипрей узколистный, *Chamaenerium angustifolium (L) Scop.*) и др.). Кроме того,

синтезирующие когнитивные модели могут репрезентироваться и однословными наименованиями, образованными на основе двух признаков номинации (КАЗАЧОК (Горечавка крупнолистная, *Gentiana macrophylla* Pall., БЕЛОДОННИК (Донник белый, *Melilotus albus* Desr.), СИНЕГЛАЗКА (Незабудка дернистая, *Myosotis caespitosa* Schultz.), КРАСНОКОЛЕННИК (Жабрей двураздельный, *Galeopsis bifida* Boening.) и др.). В то же время, не все двусловные фитонимы репрезентируют синтезирующую когнитивную модель. Часть двусловных фитонимов, образованных на основе одного признака номинации, объективируют аналитический уровень познания, то есть ментальные представления о них сформированы с использованием одной категоризирующей или идентифицирующей когнитивной модели, либо двух когнитивных моделей, но одна часть двусловного наименования репрезентирует базовую метонимическую модель «ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ» в реализации «КОРЕНЬ-РАСТЕНИЕ», «ЛИСТ-РАСТЕНИЕ», «ЯГОДА-РАСТЕНИЕ» и т.д. (БРАТ С СЕСТРОЙ (Зопник клубненосный, *Phlomis tuberosa* L.), ВОЛЧЬЯ ЯГОДА (Паслен персидский, *Solanum persicum* Willd.), ГУСИНАЯ ЛАПКА (Лапчатка гусиная, *Potentilla anserina* L.), ЙОДНАЯ ТРАВА (Медуница мягчайшая, *Pulmonaria mollissima* A. Kerner.), КОШАЧИЙ ХВОСТ (Щирица колосистая, *Amarantus retroflexus* L.), КУРИНАЯ СЛЕПОТА (Лапчатка серебристая, *Potentilla argentea* L.), ЛЬВОВЫЙ ЗЕВ (Льнянка обыкновенная, *Linaria vulgaris* Mill.), МАРЬЯ-КОРЕНЬЯ (Пион уклоняющийся, *Paeonia anomala* L.), МАТЬ-И-МАЧЕХА, ПОДЪЯРНАЯ ТРАВА (Мать-и-мачеха обыкновенная, *Tissilago farfara* L.), СОН-ТРАВА (Прострел широкоцветный (сон-трава), *Pulsatilla patens* (L) Mill.) и др.).

Выводы по Главе 3

1. Познание предметного мира объективной действительности (в данном исследовании – мира дикорастущих травянистых растений) осуществляется человеком на основе восприятия и нескольких этапов обработки информации путем анализа и синтеза. Полученная информация кодируется посредством

когнитивных моделей, организованных как трехуровневая система. Первый и второй уровни когнитивного моделирования обеспечиваются аналитическими когнитивными операциями, третий уровень – синтезирующими.

Первый уровень когнитивного моделирования связан с начальными этапами когнитивной деятельности познающего субъекта, а именно с целостным восприятием объекта действительности на базе информации, поступающей по перцептивным каналам и вычленением наиболее яркого признака объекта. Этот уровень обслуживается идентифицирующими когнитивными моделями двух типов: базовой метонимической моделью «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ», которая в диалектной фитонимике реализуется в вариантах: «КОРЕНЬ – РАСТЕНИЕ», «ЛИСТ – РАСТЕНИЕ», «ЦВЕТОК – РАСТЕНИЕ», «СТЕБЕЛЬ – РАСТЕНИЕ», и пропозициональной моделью. Пропозициональная когнитивная модель фиксирует результаты восприятия, как они есть, не используя при этом сопоставления с другими категориями опыта.

Второй уровень когнитивного моделирования связан с соотношением результатов анализа информации, полученной от перцептивных каналов, с существующей концептуальной системой, представленной другими категориями опыта, на основе ассоциативной связи; либо анализ накопленной рациональным опытом человеческого коллектива информации об объекте. Поскольку в обоих случаях в процессе формирования понятия задействованы другие категории концептуальной системы, когнитивные модели второго уровня называются категоризирующими. Это метафорические когнитивные модели, основанные на сопоставлении растения с другими категориями на основе ассоциативной связи по сходству, и метонимические модели, использующие сопоставление по функциональной или пространственно-временной смежности объекта растительного мира с другими категориями опыта.

Третий уровень когнитивного моделирования обслуживает последний этап познавательной деятельности – синтез имеющейся информации об объекте и формирование комплексного представления о нем. На этом этапе задействованы синтезирующие когнитивные модели, представляющие из себя конструкт из двух

моделей нижележащих уровней. На языковом уровне синтезирующие когнитивные модели репрезентированы в основном двусловными (составными) фитонимами.

Формирование ментальной единицы, фиксирующей представление о реалии и ее репрезентация языковой единицей, то есть словом, может происходить на любом этапе когнитивной деятельности и любом уровне когнитивного моделирования действительности.

2. Идентифицирующие когнитивные модели используются исключительно для кодирования информации, полученной по перцептивным каналам, и объективированы принципами номинации, связанными с областью восприятия. Так как идентифицирующая метонимическая модель обычно не формирует ментального представления и, соответственно, слова, а служит лишь базой для последующего осмысления объекта в рамках категоризирующей когнитивной модели, то при языковой репрезентации она обычно оказывается затемнена, скрыта в семантике слова и обнаруживается только в признаке номинации (БАРХАТНИК – «растение с мягкими, словно бархатными листьями»), за исключением тех случаев, когда она репрезентирована отдельным словом в составе двусловного фитонима (например, КРАСНЫЙ КОРЕНЬ, БАРХАТНЫЙ ЛИСТ). Функционирование базовой метонимической модели обусловлено самим свойством человеческой когниции формировать ментальные единицы на основе отдельных признаков реалии, поэтому она обнаруживается в 43% материала.

Языковая репрезентация пропозициональной когнитивной модели предполагает формирование слова на основе прямого способа номинации, то есть передачи признака номинации корневой морфемой слова, обозначающего этот признак. При этом признак номинации в пропозиции, формулирующей его, имеет характер предикативности. Пропозициональная когнитивная модель в диалектной фитонимике наименее продуктивна и репрезентирована в 22% от всего объема проанализированных наименований.

3. Категоризирующие когнитивные модели наиболее продуктивны для формирования ментальных представлений о растениях и репрезентированы в 78%

названий растений. Чаще всего, диалектоносители используют метафорическую когнитивную модель, так как базовым свойством познания является объяснение нового через сравнение с ранее известным. При этом ассоциативный ряд определяется культурным опытом того человеческого коллектива, к которому принадлежит познающий, и анализ сходства осуществляется на основе типовых культурных кодов: артефактного, антропоморфного, натурфактного (объекты неживой природы, в данном исследовании), зооморфного и фитоморфного, мифоморфного (сакрального). В составе категоризирующих когнитивных моделей модель метафорическая является доминирующей и репрезентируется в 70% фитонимов (от общего количества категоризирующих моделей). Все репрезентации метафорической когнитивной модели объективированы принципами номинации из области восприятия.

Метонимическая когнитивная модель, в отличие от метафорической, имеет ярко выраженный рациональный характер, базирующийся на практическом подходе к природным ресурсам. Метонимическая когнитивная модель реализуется на основании смежности растения с другими категориями концептуальной системы, выявленной в процессе формирования рационального опыта взаимодействия с растительным миром: смежности функциональной (применение в медицине, в быту либо пространственно-временной (где растет, когда цветет). Метонимическая модель менее продуктивна, чем метафорическая, и репрезентирована в 30% фитонимов (от общего количества категоризирующих моделей).

4. Синтезирующие когнитивные модели задействованы в формировании понятий о растениях в том случае, когда для комплексного представления о реалии в ментальной сфере синтезируются два ее признака, кодирующиеся с использованием когнитивных моделей нижележащих уровней: двух идентифицирующих моделей, идентифицирующей и категоризирующей или двух категоризирующих. Чаще всего, синтезирующие когнитивные модели формируются на базе категоризирующих моделей: метафорической и метонимической, кодирующих признаки объекта, которые дополняют и уточняют

друг друга. Синтезирующие модели характерны для составных фитонимов (92% репрезентаций синтезирующей модели), но могут быть репрезентированы и однословными. Тем не менее, только половина двусловных фитонимов (209 из 504 названий) объективирует комплексное, синтезированное представление о растении. Синтезирующие когнитивные модели – самое редкое явление в иерархической трехуровневой системе когнитивного моделирования представлений диалектоносителей об окружающих их травах (Таблица 6), что позволяет сделать вывод о превалировании аналитических мыслительных операций над синтезирующими при познании данного участка действительности – растительного мира.

Таблица 6 – Репрезентации трех уровней когнитивного моделирования в диалектной фитонимике

Идентифицирующие модели	Категоризирующие модели	Синтезирующие модели
1030 фитонимов (из них 680 метонимическая базовая)	1235 фитонимов	227 фитонимов

5. Анализ продуктивности когнитивных моделей позволяет сделать вывод о том, что для познавательной деятельности коллектива диалектоносителей при знакомстве с фрагментом действительности, объективированным фитонимикой, доминирующим является формирование ментального понятия и, затем, понятия языкового на третьем этапе познавательной деятельности с использованием категоризирующих когнитивных моделей.

Человек, получив на первом этапе общее представление о растении по каналам перцепции, на втором этапе вычленяет из этой информации наиболее существенный или перцептивно раздражающий (например, сильный неприятный запах, или яркий цвет, или приятные/неприятные тактильные ощущения и др.) признак, затем на третьем этапе с целью хранения и передачи полученной информации аналитически сопоставляет ее с уже имеющимися в концептуальной системе категориями и кодирует в ментальной сфере с использованием категоризирующей метафорической когнитивной модели. В случае, если

коллективом уже накоплен определенный рациональный опыт применения данного растения или не раз подтвержденные сведения о его типовом месте произрастания или времени цветения, этот опыт также анализируется и кодируется с использованием категоризирующей метонимической модели.

Заключение

На основе анализа диалектных фитонимов, выполненного в рамках диссертационного исследования, сделаны следующие выводы.

Когнитивно-ономазиологический анализ фитонимики позволяет на основе выделения признаков, принципов и способов номинации описать механизмы когнитивной деятельности, задействованные при познании растительного мира, а также выделить и описать способы обработки и фиксации полученной информации в сознании (когнитивные модели), репрезентированные в языке.

В диалектной фитонимике старожильческих говоров Среднего Приобья объективированы два основных типа ментального освоения диалектоносителями растительного мира в процессе познавательной деятельности: чувственное восприятие и рациональный опыт. Репрезентация диалектом наивной картины мира обуславливает присутствие среди названий растений незначительного количества фитонимов, объективирующих архаичный способ познания и объяснения мира природы как живого или сверхъестественного существа.

Чувственное восприятие является преобладающим способом получения знаний о растениях, при этом задействованными оказываются все пять перцептивных каналов. Наиболее активно в процессе познавательной деятельности используется зрительная перцепция.

Рациональный опыт как механизм познания основывается на результатах многократных практических наблюдений за свойствами растений и их осмыслении. Путем рационального опыта, например, сформирован комплекс знаний о практическом применении трав в лечебных целях и для нужд домашнего хозяйства.

Практически ориентированное познание определяет неоднородность одного из ключевых процессов когнитивной деятельности – процесса категоризации.

Категоризация растительного мира, воплощенная в принципах номинации фитонимов, может иметь объективный характер, фиксируя результаты познания

объекта, присущие ему непосредственно, либо субъективный, ориентированный на потребности субъекта и содержащий утилитарную оценку.

Оценочная категоризация в диалектной фитонимике характеризуется внеязыковыми категориями «польза» и «вред» и осуществляется на основании представлений диалектоносителей о растении как о полезном, применяемом для лечения, приготовления пищи, кормления сельскохозяйственных животных, или о вредном, потенциально опасном при контактах.

Обработка и хранение всего комплекса полученного знания о растительном мире осуществляется в сознании диалектоносителей с использованием типовых ментальных схем – когнитивных моделей.

В диссертационном исследовании используется три типа когнитивных моделей, разработанных в когнитивной лингвистике: пропозициональная, метонимическая и метафорическая. Использование пропозициональной модели для формирования ментальной единицы полученного знания предполагает фиксацию свойств, характеристик объекта напрямую, без привлечения других категорий концептуальной системы. При репрезентации пропозициональной когнитивной модели в слове используется прямой способ номинации, а признак, положенный в основу наименования, характеризуется предикативностью.

При формировании ментального представления об объекте при помощи метонимической и метафорической моделей задействуются другие категории опыта по принципу смежности или сходства. В проанализированном материале наблюдается типичность используемых исходных структур знаний, послуживших основанием для метафорического или метонимического моделирования нового понятия, обозначающего объект действительности.

Метафорическое когнитивное моделирование характеризуется применением типовых культурных кодов, описанных ранее исследователями метафоры: артефактный, антропоморфный, натурофактный (в том числе отдельно выделенные зооморфный и фитоморфный), мифоморфный коды культуры.

Процесс метонимического когнитивного моделирования отличается выраженным прагматическим характером, так как с помощью метонимических

моделей фиксируется знание о практическом применении растений. Для метонимического моделирования также характерны несколько типовых понятийных областей – источников метонимии: «анатомический орган», «болезнь», «эффект от применения», «блюдо», «животное», «предмет домашнего обихода». Значительную роль играет метонимическая базовая модель «часть – целое», которая не всегда репрезентирована в слове, но выявляется при анализе признака номинации.

Все когнитивные модели, используемые в процессе обработки, фиксации и хранения полученного знания о растениях, непосредственно связаны с этапами познавательной деятельности человека. В зависимости от этапа познавательной деятельности могут применяться когнитивные модели разных уровней: идентифицирующие, категоризирующие или синтезирующие.

Процесс когнитивного моделирования результатов познавательной деятельности описан как трехуровневая система, на каждом из уровней которой выполняются определенные когнитивные операции, результаты которых могут быть репрезентированы в слове.

Алгоритм действия системы предполагает следующую схему. На первом уровне осуществляются аналитические когнитивные операции восприятия и идентификации объекта, результаты которых оформляются с использованием идентифицирующих когнитивных моделей: пропозициональной и метонимической базовой. На втором уровне результаты восприятия и практического опыта взаимодействия с объектом сопоставляются с другими категориями понятийной системы с использованием когнитивных моделей второго уровня – категоризирующих. Если формирования ментальной единицы и языкового означивания объекта не произошло на первом или втором уровне, то на третьем уровне когнитивного моделирования осуществляется синтез всей полученной информации и формируется понятие с помощью синтезирующей когнитивной модели, которая представляет собой конструкт из моделей двух нижележащих уровней.

Проведенный анализ доказывает гипотезу о репрезентации диалектной фитонимикой системы трехуровневого когнитивного моделирования, обеспечивающей обработку и хранения знаний диалектоносителей о растительном мире.

Перспективой дальнейшей исследовательской работы является создание когнитивно-ономасиологического словаря. Когнитивно-ономасиологический словарь является словарем нового типа, не имеющим пока аналогов в отечественной лексикографии. Микроструктура данного словаря предполагает размещение информации о признаке номинации, как репрезентации результата познания объекта действительности; принципе номинации как типе категориального членения мира; когнитивной модели, репрезентированной в слове.

Перспективным видится также применение методики к материалу других лексико-семантических групп диалектной лексики, лексики русского литературного языка и других языков. Не менее значимым представляется дальнейшее исследование диалектной фитонимики в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах, в частности, когнитивных основ полисемических и синонимических отношений внутри лексико-семантической группы названий растений.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья : в 3 т. / В. Г. Арьянова. – Томск : Изд-во Том. Гос. пед. Ун-та, 2006 – 2008. – Т. 1 – 3 : А – Я.
2. Железнов-Чукотский Н. К. Дикие лечебные растения Беренгии, фитотерапия и здоровье человека / Н. К. Железнов-Чукотский, С. А. Частухина. – М. : ГЕОС, 2005. – 616 с.
3. Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург, 2000. – 233 с.
4. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений / В. А. Меркулова. – М. : Издательство "Наука", 1967. – 258 с.
5. Лавренов В. К. Энциклопедия лекарственных растений народной медицины / В. К. Лавренов, Г. В. Лавренова. – СПб. : Издательский дом «Нева», 2004. – 272 с.
6. Определитель растений он-лайн : Открытый атлас растений и лишайников России и сопредельных стран [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – URL : <http://www.plantarium.ru>.
7. Полный словарь сибирского говора : в 4 т. / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Том. Ун-та, 1991 - 1995. – Т. 1 – 4 : А – я. – ПССГ.
8. Попов А. П. Траволечебник / А. П. Попов. – Кемерово : АО Кемеровское кн. изд-во, 1993. – 557 с.
9. Растения Томской области : пора цветения / М. В. Олонова, Н. А. Олонов, Н. И. Ульянова. – Томск : Печ. мануфактура, 2009. – 46 с.
10. Растения Томской области : вторая половина лета / М. В. Олонова, Н. А. Олонов. – Томск : Печ. Мануфактура, 2009. – 31 с.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 4 : С – Я. – М. : Русский язык, 1984. – 794 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Астрель [и др.], 2004. – Т. 3. – 830 с.

Литература

13. Абаева Е. С. Преимущество когнитивных моделей при переводе юмора // Язык и культура (Новосибирск). – 2016. – № 26. – С. 121–125.
14. Абдюкова З. А. О когнитивных моделях пространства // Проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 75-летию факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета. – 2013. – С. 78–81.
15. Аванесян Ж. Г. Сопоставительный анализ метафорических когнитивных моделей в английских и русских рекламных текстах // Вестник Московского государственного открытого университета. Серия: Общественно-политические и гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 5–17.
16. Агапова Н. А. Ключевое слово народной приметы в лингвокультурологическом аспекте // Язык и культура. – 2012. – № 2 (18). – С. 5–14.
17. Агафонова О. И. Метафорическая модель "POLITICS IS ANIMAL WORLD" в политическом дискурсе : на материале американских и британских интернет-СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. И. Агафонова – Белгород, 2012. – 23 с.
18. Акулинина Е. Л. Фитоним "осина" : отражение менталитета русского народа в творчестве Б. Л. Пастернака // Вестник Тамбовского гос. университета. – 2009. – № 4 (72). – С. 165–168.
19. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология : ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2013. – 282 с.
20. Алешина Е. К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира : к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия : История, филология. – 2009. – Т. 8. – Выпуск 2 : Филология. – С. 34–37.
21. Алешина О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. Н. Алешина. – Томск, 2003. – 51 с.

22. Анненков Н. И. Простонародныя названія русских растений / Н. И. Анненков. – М. : Университетская типографія, 1858. – 161 с.
23. Анненков Н. И. Ботанический словарь или Собрание названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и др., употребляемых различными племенами, обитающими в России / Н. И. Анненков. – М., 1859. – 306 с.
24. Анненков Н. И. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, путешественников по России / Н. И. Анненков. – СПб, 1878. – 646 с.
25. Анохин К. В. Когнитом – гиперсетевая модель мозга [Электронный ресурс] // Отдел нейронаук НИЦ «Курчатовский институт», Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. – URL : <http://neuroinfo.ru/conf/Content/Presentations/Anokhin2015.pdf> (дата обращения : 14.09.2017).
26. Антонова С. М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира : опыт когнитивной интерпретации / С. М. Антонова. – Гродно : ГрГУ , 2003. – 519 с.
27. Апресян Ю. Д. Избранные труды в 2х т. : Лексическая семантика и синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – Т. 1. – М. : Языки русской культуры : Восточная литература. РАН , 1995. – 472 с.
28. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 443 с.
29. Артемьева О. В. Отсубстантивные глаголы в говорах Прибайкалья и Иркутской области : когнитивный аспект : автореф. дис... канд. филол. наук / О. В. Артемьева. – Томск, 2000. – 21 с.
30. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
31. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. ст. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
32. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 2013. – 382 с.

33. Арьянова В. Г. Об одной стороне системных отношений в диалектной фитонимике // Русские говоры Сибири : сб.ст. – Томск : Издательство ТГУ, 1981. – С. 21–24.
34. Арьянова В. Г. О сборе и лексикографической обработке диалектной фитонимики // Говоры русского населения Сибири : сб.ст. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. – С. 75–78.
35. Арьянова В. Г. Соотношение литературных и диалектных фитонимов в современных среднеобских говорах // Русские старожильческие говоры Сибири : сб. ст. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 130–136.
36. Арьянова В. Г. Фитонимика говоров Среднего Приобья : дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / В. Г. Арьянова. – Томск, 1989. – 516 с.
37. Арьянова В. Г. Мир современных крестьян (по материалам «Словаря фитонимов Среднего Приобья») / В. Г. Арьянова, А. В. Арьянова // Вопросы лексикографии. – 2012. – № 2. – С. 90–97.
38. Атабаева М. С. Отражение языковой картины мира в названиях жилищ (на материале диалектной лексики) // Русский язык в современном мире : Традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного : материалы II междунар. науч. конф. к 300-летию юбилею М.В. Ломоносова. – Издательство : Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2011. – С. 90–94.
39. Бабина Л. В. Когнитивные модели, определяющие формирование наименований торговых марок, моделей автомобилей и мотоциклов / Л. В. Бабина, Ю. О. Вечерина // XIX Царскосельские чтения : материалы междунар. науч. конф. – 2015. – Т. 1. – С. 362–366.
40. Бабина Л. В. Метонимические и метафтонимические модели вторичной интерпретации (на примере фитонимов английского и русского языков) / Л. В. Бабина, А. Г. Дементьева // Когнитивное моделирование : труды Четвертого Международного форума по когнитивному моделированию. – 2016. – С. 28–36. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

41. Балашов С. Н. Когнитивная природа иронии : парадигма моделей в сопоставительном описании : автореф. дис. канд. филол. наук / С. Н. Балашов. – Екатеринбург, 2006. – 25 с.
42. Балдова (Боровкова) А. В. Миромоделирующая и аксиологическая функции пищевой метафоры в русском языке : автореф. дис. канд. филол. наук / А. В. Балдова. – Томск, 2016. – 22 с.
43. Банкова Т. Б. Концепты «память» и «знание» и их речевое воплощение в народной языковой картине мира // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии : материалы Всерос. конф., посв. 120-летию Томского университета. – Томск, 1998. – С. 162–165.
44. Банкова Т. Б. Традиционная антиномия «жизнь - смерть» и ее трансформация в народном мировидении // Православие и Россия : Канун Третьего тысячелетия. – Томск, 2002. – С. 55–57.
45. Банкова Т. Б. Вещный мир традиционной сибирской свадьбы в лингвокультурологическом аспекте : от бытового к бытийному (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 3 (29). – С. 5–13.
46. Барабанщиков В. А. Психология восприятия : организация и развитие перцептивного процесса / В. А. Барабанщиков. – М. : Когито-центр; Высшая школа психологии, 2006. – 240 с.
47. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
48. Баранов А. Н. Когнитивные модели в лингвистической семантике // Четвертая международная конференция по когнитивной науке (Томск, 22-26 июня 2010г.) : тезисы докладов : в 2 т. – Томск : Томский государственный университет, 2010. – Т. 1. – С. 157–158.
49. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.

50. Барышникова Т. Д. Структурно-семантические и мотивационные свойства флоронимов в английском и французском языках : дис. ... канд. филол. наук / Т. Д. Барышникова. – Пятигорск, 1999. – 161 с.
51. Бекбалаев А. А. Лексическая номинация лиц и коллективов в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Бекбалаев. – Москва, 1979. – 24 с.
52. Белозерова Н. Н. Когнитивные модели дискурса / Н. Н. Белозерова, Л. Е. Чуфистова. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2004. – 254 с.
53. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис : уч. пособие / В. А. Белошапкина. – М. : Высшая школа, 1977. – 248 с.
54. Беляев А. Н. О когнитивных моделях топонимического пространства // Современная филология : теория и практика : материалы XVII междунар. науч.-практ. конф. – М. : Научно-информационный издательский центр "Институт стратегических исследований", 2014. – С. 13–17. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
55. Беляевская Е. Г. Модель и моделирование в лингвистических исследованиях (традиционный vs когнитивный подход) // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. трудов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 98–110.
56. Берендеева М. С. Фитоморфная метафора в современном религиозном дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 9. – С. 22–33.
57. Берестнев Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте : уч. пособие / Г. И. Берестнев. – Калининград : Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2002. – 155 с.
58. Берестнева А. В. Названия экзотических растений в английском и русском языках : структурно-словообразовательный и номинативно-мотивационный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Берестнева. – Майкоп, 2008. – 25 с.

59. Блинова О. И. Явление мотивации слов : Лексикологический аспект / О. И. Блинова. – Томск : Издательство Томского университета, 1984. – 191 с.

60. Блинова О. И. Номинация и мотивация // Диалектное слово в лексико-системном аспекте : сб. ст. – Л. : Ленинградский Государственный Педагогический институт, 1989. – С. 66–74.

61. Блинова О. И. Лексикографический аспект ономазиологии (на диалектном материале) / О. И. Блинова, И. В. Блинова // Материалы для изучения селений России : доклады и сообщения шестой науч.-практ. конф. «Российская деревня : история и современность». – Ч. 2. – Нижний Новгород, 1997. – С. 53–56.

62. Блинова О. И. Областной словарь как источник изучения народной речевой культуры // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII) : К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова : сб. науч. тр. – М. : Наука, 2002. – С. 232–240.

63. Блинова О. И. Язык как средство образного отражения мира // Картина мира : модели, методы, концепты : материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых "Картина мира : язык, философия, наука", 1–3 ноября 2001 года. – Томск : Издательство Томского гос. университета 2002. – С. 35–39.

64. Блинова О. И. Народная речевая культура сквозь призму лексикографического текста // Вестник Томского гос. педагогического ун-та. Серия Гуманитарные науки (Филология). – № 3 (47). – 2005. – С. 78–82.

65. Блинова О. И. Мотивационно-сопоставительный поликомпонентный анализ фитонимов литературного языка и диалекта // Классическая филология в Сибири : материалы VI Всерос. науч. конф. "Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания" и регионального научно-методического совета по классической филологии. – Томск : 2008. – С. 3–10.

66. Блинова О. И. «Словарь фитонимов Среднего Приобья» как источник диалектной мотивологии // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2008. – № 2 (3). – С. 14–23.

67. Блинова О. И. Двусловная номинация как образная единица словаря // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3 (105). – С. 16–19.
68. Блинова О. И. Двусловные фитонимы в лингвокультурологическом освещении / О. И. Блинова, А. С. Разина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 5–10.
69. Блинова О. И. Внутренняя форма слова : мифы и реальность // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 5–11.
70. Блинова О. И. Фитоморфонимы как источник народной речевой культуры // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2. – С. 7–10.
71. Блэк М. Метафора // Теория метафоры : сб. ст. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–172.
72. Боброва Т. А. О природе названий и принципах номинации // Русский язык в школе. – 1974. – № 4. – С. 73–79.
73. Боброва Т. А. Фитонимы на -ик(а), -иц(а) в русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Боброва. – М., 1976. – 266 с.
74. Болдырев Н. Н. О диалектном концепте в когнитивной системе языка / Н. Н. Болдырев, В. Г. Куликов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65. – № 3. – С. 3–13.
75. Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 17–28.
76. Болдырев Н. Н. Оценочные категории как формат знания // Исследование типов знаний и проблема их классификации : сб. науч. трудов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им Г.Р. Державина, 2008. – С. 25–37.
77. Болдырев Н. Н. Теоретические основы и методологические проблемы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 82. – 2013. – № 24 (315). – С. 7–13.

78. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : уч. пособие / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

79. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1983. – 208 с.

80. Бондарь Ю. А. Словообразовательные и когнитивные модели в названиях детенышей животных в современном английском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4 (145). – С. 14–16.

81. Боровкова (Балдова) А. В. Метафоризация наименований растительной пищи в русском языке : семасиологический и когнитивный аспекты // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 383. – С. 21–26.

82. Боуфал З. Р. Актуализация модусных категорий в диалектном высказывании: авторизация и персуазивность : автореф. дис. ... канд. филол. наук / З. Р. Боуфал. – Томск, 2017. – 23 с.

83. Бочина Т. Г. Когнитивные модели любви в русских пословицах / Т. Г. Бочина, Лю Юй // Язык, культура, коммуникация : изучение и обучение: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. – Орел : Издательство Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, 2016. – С. 318–321.

84. Брысина Е. В. Особенности категоризации действительности средствами диалекта // Грани познания. – 2012. – № 6 (20). – С. 75–78.

85. Булах Е. А. Мотивационные основания обыденных наименований растений: на материале немецкого, английского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Булах. – Пятигорск, 2001. – 238 с.

86. Булгакова О. А. Концептуализация действительности в языковой картине мира диалектов // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 2-2. – С. 38–40.

87. Булгакова О. В. Лингвистическое моделирование имиджа в экономическом издании (на материале приложения "Бизнес" к газете "Красное

знамя") : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Булгакова. – Томск, 2009. – 23 с.

88. Бурко Н. В. Отражение диалектной языковой картины мира в наименованиях ям естественного происхождения (на материале орловских говоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 2. – С. 69–74.

89. Бурмистрова Т. Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Бурмистрова. – Екатеринбург, 2008. – 23 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

90. Бурмистрова Т. Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / Т. Н. Бурмистрова. – Екатеринбург, 2008. – 175 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

91. Буруханов К. Н. Казахская зоонимия // Ономастика Поволжья, 2 : Материалы II Поволжской конференции по ономастике. – Вып. 2. – Горький, 1971. – С. 303–305.

92. Василевич А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. – М. : Издательство ЛКИ, 2014. – 216 с.

93. Василенко О. И. Концептуализация мира растений как результат деривации фитонимов // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 3 (3). – Ч. 1. – С. 46–48.

94. Васильев Л. М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике : семантические категории в русском языке: сб.ст. – Уфа : изд-е Башкирск. ун-та, 1996. – С. 54–62.

95. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 411 с.

96. Величковский Б. М. Когнитивная наука : Основы психологии познания : уч. пособие : в 2 т. / Б. М. Величковский. – М. : Смысл: Издательский центр "Академия", 2006. – Т. 1. – 448 с.
97. Величковский Б. М. Когнитивная наука : Основы психологии познания : уч. пособие : в 2 т. / Б. М. Величковский. – М. : Смысл: Издательский центр "Академия", 2006. – Т. 2. – 432 с.
98. Вершинина Е. Н. Когнитивно-дискурсивная репрезентация имджа вуза в специализированном периодическом издании : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Вершинина. – Томск, 2015. – 23 с.
99. Вершинина М. Г. Лексика природы как фрагмент диалектной звуковой картины мира (на материале пермских говоров) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. – 2013. – № 5. – С. 40–44.
100. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Вершинина. – Екатеринбург, 2002. – 225 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».
101. Виноградов Н. Д. Философия Давида Юма : Основные теоретические принципы / Н. Д. Виноградов. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. – 264 с.
102. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М. : Издательство иностранной литературы, 1958. – 133 с.
103. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 226 с.
104. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте : сб. ст. – М. : Наука, 1988. – С. 52–56.
105. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы / В. В. Воробьев. – М. : Издательство РУДН, 1997. – 331 с.
106. Гайсина М. Э. Интерпретационная зона «Словаря синонимов сибирского говора» // Вопросы лексикографии. – 2013. – №1 (3). – С. 34–44.

107. Гак В. Г. Беседы о французском слове : из сравнительной лексикологии французского и русского языка / В. Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1966. – 334 с.

108. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы) : колл. моногр. / В. Г. Гак [и др.]. – М. : Наука, 1977. – С. 230–293.

109. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа "Языки русской культуры", 1998. – 763 с.

110. Галаева Л. Х. Фитонимическая лексика в ингушском языке [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Х. Галаева. – Нальчик, 2006. – 21 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

111. Гафиятова Э. В. Фитонимическая языковая картина мира (на материале татарского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – № 4. – С. 230–240.

112. Гафурова М. Н. Экспериментальные наблюдения за спецификой реализации связи "познание-язык" в процессе номинации // Четвертая международная конференция по когнитивной науке (Томск, 22-26 июня 2010г.) : тезисы докладов : в 2 т. – Томск : Томский государственный университет, 2010. – Т. 1. – С. 215–217.

113. Герд А. С. Современная диалектология в кругу других дисциплин // Севернорусские говоры : межвуз. сб. – Вып. 11. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2010. – С. 3–9.

114. Гинатуллин М. М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале названий птиц) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. М. Гинатуллин. – Алма-Ата, 1973. – 21 с.

115. Гиндин А. А. Из истории названий некоторых культурных растений // Этимология : Исследования по русскому и другим языкам : сб. ст. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. – С. 52–71.

116. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург. – М. : Наука, 1979. – 262 с.

117. Голев Н. Д. О принципах номинации и методе их исследования // Материалы межвузовской науч. конф., посв. 50-летию образования СССР. – Вып. 5. Лингвистика. – Томск : Издательство Томского университета, 1972. – С. 94–99.

118. Голев Н. Д. Система номинаций конкретных предметов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Н. Д. Голев. – Томск, 1974. – 230 с.

119. Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири : сб. ст. – Томск, 1981. – С. 12–20.

120. Голев Н. Д. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны // Говоры русского населения Сибири : сб.ст. – Томск : Издательство Томского университета, 1983. – С. 76–87.

121. Голев Н. Д. «Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов» как источник сопоставительных исследований наивной картины мира носителей различных языков / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким, С. В. Стеванович // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – Т. 13, № 2. – С. 29–35.

122. Гольдин В. Е. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты : уч. пособие / В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова. – Саратов : ИЦ «Наука», 2010. – 120 с.

123. Гребнева А. М. Флористическая лексика мордовских языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Гребнева. – Тарту, 1984. – 20 с.

124. Грекова М. В. Лексикографическая параметризация общезыковой образной системы в "Словаре русской пищевой метафоры" : автореф. дис.канд. филол.наук / М. В. Грекова. – Томск, 2017. – 23 с.

125. Григоренко Н. А. Лексика флоры и фауны в говорах камчадалов [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Григоренко. –

Петропавловск-Камчатский, 2007. – 355 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

126. Гридина Т. А. Модели фитонимической номинации в мотивационном аспекте / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Лексикология. Лексикография. Диалектная лингвогеография : сб.ст. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – С. 34–49.

127. Гринкова Н. П. О названиях некоторых ягод в восточнославянских языках // Славянская филология. – 1958. – № 3. – С. 97–123.

128. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / В. ф. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 398 с.

129. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Издательство "Индрик", 1997. – 912 с.

130. Гынгазова Л. Г. Концепт «Душа» в языке диалектной личности // Филология : Язык. Текст. Коммуникация : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Томск, 2003. – С. 151–155.

131. Гынгазова Л. Г. Концепт «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф. – Ч.1. – Томск, 2003. – С. 103–111.

132. Гынгазова Л. Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 295. – С. 15–19.

133. Гынгазова Л. Г. "Что такое хорошо..." в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры / Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 12–23.

134. Гынгазова Л. Г. «Что такое плохо» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры / Л. Г. Гынгазова, Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 4 (24). – С. 5–18.

135. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике (Когнитивные аспекты языка) : сб. ст. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 234–258.

136. Дементьева А. Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов : на материале английского, русского и французского языков [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Дементьева. – Тамбов, 2012. – 185 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

137. Дементьева А. Г. Национально-культурная специфика фитонимической лексики английского, русского и французского языков // Когнитивные исследования языка. – Вып. 17. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 155–161.

138. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания : аспекты семантики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Демешкина. – Томск, 2000. – 54 с.

139. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики / Т. А. Демешкина. – Томск : Издательство Томского университета, 2000. – 186 с.

140. Демешкина Т. А. Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе. Итоги и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 3 (15). – С. 31–37.

141. Демешкина Т. А. Ситуация восприятия и способы ее моделирования в диалекте // Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / Т. А. Демешкина [и др.]. – Томск : Издательство Томского университета, 2006. – С. 8–13.

142. Демешкина Т. А. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / Т. А. Демешкина [и др.]. – Томск : Издательство Томского университета, 2006. – 193 с.

143. Демешкина Т.А. Векторы развития современной русской диалектологии // Актуальные проблемы обучения русскому языку : сб. ст. – Вып. XI. – Брно, 2014. – С. 268–278.

144. Демешкина Т. А. Когнитивно-дискурсивный анализ диалектного текста // Язык и метод 2 : русский язык в лингвистических исследованиях 21 века Лингвистический анализ на грани методологического срыва : сб. ст. – Краков, 2015. – С. 137–146.

145. Долгова И. А. Метафорическая модель перемещения в пространстве как средство характеристики жизни и деятельности человека [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Долгова. – Самара, 2007. – 20 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

146. Драчева С. И. Картина мира диалектоносителя как компонент региональной языковой картины мира / С. И. Драчева, Н. А. Волкова // Актуальные проблемы современной науки : материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 25.11. 2014). – Уфа, 2014. – С. 94–95.

147. Дубровина С. Ю. Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении (на материале названий растений, образованных от названий животных и птиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Ю. Дубровина. – М., 1991. – 21 с.

148. Дудова Н. А. Когнитивная лингвистика в России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3 (33).– Ч. 2. – С. 69–71.

149. Дьякова В. И. Принципы и способы номинации местных географических названий в воронежских говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию : сб. ст. – Воронеж, 1974. – С. 63–66.

150. Дьячкова Е. С. Формирование когнитивных моделей полусуффиксальных образований в современном английском языке // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – Т. 63, № 2. – С. 376–377.

151. Еремина В. И. Опыт диалектологического изучения флоры Псковской области (Названия полевых, болотных и лесных трав и цветов) // Псковские говоры : сб. ст. – Псков, 1962. – Вып. 1. – С. 193–201.

152. Жукова Н. С. Концептуализация водного пространства селькупским этносом: особенности объективации в языке / Н. С. Жукова, Н. Л. Федотова // Четвертая международная конференция по когнитивной науке (Томск, 22-26 июня 2010г.) : тезисы докладов : в 2 т. – Томск : Томский государственный университет, 2010. – Т. 1. – С. 270–271.

153. Залевская А. А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования / А. А. Залевская. – Тверь : Тверской государственный университет, 1992. – 136 с.

154. Звягинцева В. В. Фитонимы в русской, английской и французской семейной коммуникации // Язык для специальных целей : система, функции, среда : сб. науч. ст. VI междунар. науч.-практ. конф. – 2016. – С. 122–126. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

155. Земичева С. С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности / С. С. Земичева. – Томск : Издательство Томского университета, 2016. – 207 с.

156. Зиновьева Е. М. Благословение и проклятие как мотивационная оппозиция в русской фитонимии [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Зиновьева. – Тамбов, 2010. – 23 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

157. Зозуля О. Л. Семантика и структурная организация фитонимов в современном немецком языке [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Л. Зозуля. – Минск, 2008. – 23 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

158. Зубкова Л. Г. Эволюция представлений о языковой категоризации мира // Когнитивная семантика : сб. ст. – Ч. 2. – Тамбов, 2000. – С. 176–180.

159. Иванов В. А. Названия растений средней полосы России (на материале калужских говоров) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук /

В. А. Иванов. – М., 1985. – 221 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

160. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Ассиметрия мозга и знаковых систем / Вяч. Вс. Иванов. – М. : Советское радио, 1978. – 184 с.

161. Иванова Р. Я. Понятие о признаке номинации // Очерки по лексике и фразеологии : сб. ст. – Ростов - на - Дону, 1974. – С. 118–119.

162. Исаев Ю. Н. Ассоциативный эксперимент как источник изучения языковой картины мира и как метод когнитивного исследования // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 2. – С. 156–160.

163. Казиева Н. А. Фитонимическая лексика в табасаранском языке [Электронный ресурс] : автореф. дис. .. канд. филол. наук / Н. А. Казиева. – Махачкала, 2009. – 24 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

164. Калашникова Л. В. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности (на материале художественных текстов) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Л. В. Калашникова. – Вологоград, 2006. – 35 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

165. Калиткина Г. В. Диалектные словари как отражение традиционной культуры // Язык. Время. Личность : Социокультурная динамика языковых явлений в общенародных и личностных репрезентациях: сб. ст. – Омск, 2002. – С. 544–549.

166. Калиткина Г. В. Когнитивная метафора контейнера и лингвокультурная специфика концептуализации времени // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 6 (32). – С. 17–36.

167. Калиткина Г. В. Рец. на кн. : Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1 : А–К. 2006. 144 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. – № 1. – С. 125–132.

168. Капанадзе Л. А. Номинация / Русская разговорная речь : колл. моногр. / под ред. Е. А. Земской. – М. : Наука, 1973. – С. 403–463.

169. Касевич В. Б. Язык и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность : сб. ст. – М. : Институт языкознания АН СССР, 1989. – С. 8–19.
170. Касевич В. Б. Язык и знание // Язык и структура знания : сб. ст. – М. : Институт языкознания АН СССР, 1990. – С. 8–25.
171. Катунин Д. А. Время в зеркале русской языковой метафоры : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Катунин. – Томск, 2005. – 29 с.
172. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 215 с.
173. Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Б. Качинская. – Москва, 2011. – 24 с.
174. Кашпур В. В. Речевой жанр в политическом дискурсе : опыт описания когнитивной модели (на материале русского и английского языков) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых (21-22 апреля 2006 г., г. Томск). – Вып. 7. – Ч. 1. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2007. – С. 48–51.
175. Киселевский А. И. Белорусская ботаническая терминология : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.И. Киселевский. – Минск, 1962. – 19 с.
176. Кишина Е. В. Комплексное исследование категории "свойственность-чуждость" в русском языке // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 320. – С. 11–15.
177. Ковалевич Е. П. Метонимическая модель концепта "Цветок" в современном английском языке [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Ковалевич. – Белгород, 2004. – 22 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».
178. Ковалевич Е. П. Метонимическая модель концепта "Цветок" в современном английском языке [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Ковалевич. – Белгород, 2004. – 244 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

179. Кожевникова Л. П. О структурно-семантическом сходстве метафоры и метонимии // Проблемы функциональной семантики : сб. ст. – Калининград : Калининградский гос. университет, 1993. – С. 104–111.
180. Козлова Е. А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категории английского глагола [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Козлова. – Тамбов, 2001. – 154 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».
181. Козлова Е. А. Метонимическая концептуализация звучания в современном английском языке // Когнитивные исследования языка : сб. ст. – Вып. 17. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 161–166.
182. Колесов И. Ю. О значимости некоторых когнитивных моделей в языке // Филология и человек. – 2007. – № 2. – С. 33–46.
183. Колосова В. Б. Антропонимы в славянской фитонимике // Антропологический форум. – 2008. – № 9. – С. 263–276.
184. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект / В. Б. Колосова. – М. : "Индрик", 2009. – 352 с.
185. Колосова В. Б. Мотивации славянских названий растений, образованных от зоонимов // Научный альманах "Традиционная культура". – 2014. – № 3. – С. 77–84.
186. Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований : сб. ст. – М. : Наука, 1976. – С. 5–81.
187. Колшанский Г. В. Соотношение объективных и субъективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1975. – 229 с.
188. Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация (Общие вопросы) : колл. моногр. – М. : Наука, 1977. – С. 99–146.
189. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 120 с.

190. Комлев Н. Г. Ономазиология как учение о языковом обозначении неязыковой действительности // Вопросы лингвистики и преподавания иностранных языков. – М. : Московский университет, 1968. – С. 80–89.

191. Коновалова Н. И. Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. И. Коновалова. – Москва, 1993. – 20 с.

192. Коновалова Н. И. Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте : дис. ... канд. филол. наук / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург, 1993. – 200 с.

193. Коновалова Н. И. Принципы создания словаря народной фитонимической лексики // Глагол и имя в русской лексикографии : Теория и практика: сб. ст. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1996. – С. 46–54.

194. Коновалова Н. И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург : Дом учителя, 2001. – 150 с.

195. Кононова И. В. Когнитивная лингвистика : уч. пособие / И. В. Кононова. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2015. – С. 16–31

196. Копчева В. В. Соотношение естественной и искусственной номинации (на материале названий растений) : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Копчева. – Томск, 1985. – 253 с.

197. Кравченко А. В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 3 (41). – С. 14–26.

198. Красных В. В. Строение языкового сознания : фрейм-структуры // Когнитивная семантика : сб. ст. – Тамбов, 2000. – Ч. 1. – С. 53–55.

199. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

200. Кронгауз М. А. Семантика : учеб. для вузов / М. А. Кронгауз. – М. : Издательский центр "Академия", 2005. – 352 с.
201. Крючкова О. Ю. Репрезентация оппозиции "свой-чужой" в диалектной коммуникации (на материале говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. – 2010. – Т. 10, № 2. – С. 6–9.
202. Кубрякова Е. С. Морфонология в описании языков / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац – М. : Наука, 1983. – 117 с.
203. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 156 с.
204. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
205. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
206. Кубрякова Е. С. О ментальных репрезентациях / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний : сб. научн. трудов. – М. – Калуга : Издательство "Эйдос", 2007. – С. 13–28.
207. Кудрявцева Н. Б. Гетерономинативность в семантическом поле номинаций-фитонимов (на материале современного немецкого языка) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н. Б. Кудрявцева. – Белгород, 2004. – 21 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».
208. Кузнецова Е. Л. К вопросу о мотивации названий травянистых лекарственных растений // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. – 2011. – № 2. – С. 36–41.
209. Курбанов В. А. Основные метафорические модели в дискурсе инвалидности российских и американских СМИ / В. А. Курбанов, В. С.

Кириллова // Лингвистическое образование на современном этапе: российский и зарубежный опыт : сб. научных статей и материалов междунар. конф., посв. 15-летию первого выпуска специалистов в области лингвистики в Сургутском гос. ун-те. – Сургут, 2017. – С. 56–60.

210. Кустова Г. И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 85–109.

211. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М. : Прогресс, 1988. – С. 12–51.

212. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект : сб. ст. – М.: Прогресс, 1989. – С. 87–117.

213. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры : сб. ст. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–415.

214. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект : сб. ст. – М. : Прогресс, 1996. – С. 143–184.

215. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.

216. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи / Дж. Лакофф. – М. : Гнозис, 2011. – 515 с.

217. Лапшина М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте : дис. ... д-ра филол. наук / М. Н. Лапшина. – СПб., 1996. – 331 с.

218. Лату М. Н. Когнитивные модели терминологической номинации (на примере терминологии астрономии) / М. Н. Лату, А. Ю. Багиян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12–3 (54). – С. 112–117.

219. Летова А. М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Летова. – М., 2012. – 23 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

220. Лещева Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л. М. Лещева. – М. : Языки славянской культуры; Знак, 2014. – 256 с.

221. Литвинова Т. А. Номинации человека как отражение языковой картины мира [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Литвинова. – Воронеж, 2011. – 24 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

222. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А. Ф. Лосев. – М. : Эдиториал УРСС, 2010. – 293 с.

223. Лукьянова И.В. Когнитивные модели наименований растений (на диалектном материале) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 418. – С. 36–43.

224. Магазов С. С. Когнитивные процессы и модели / С. С. Магазов. – М. : ЛКИ, 2007. – 242 с.

225. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры : сб. ст. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358–386.

226. Малинка А. В. Лексическая номинация : ономазиологический и когнитивный подходы / А. В. Малинка, О. В. Нагель // Язык и культура. – 2011. – № 4 (16). – С. 44–56.

227. Маркелова Е. В. Когнитивный аспект анализа семантической структуры многозначного слова // Языковая ситуация в России начала XXI века : Материалы Междунар. науч. конф. – Кемерово, 2002. – С. 34–37.

228. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : уч. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 271 с.

229. Милькевич Е. С. Применение когнитивных принципов к описанию метонимии (на примере английских заголовков статей) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2017. – № 2. – С. 144–152. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

230. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.

231. Мишанкина Н. А. Метафора и моделирование мифологической картины мира // Картина мира : модели, методы, концепты: материалы Всерос. междисциплинарной школы молодых ученых "Картина мира: язык, философия,

наука" (1-3 ноября 2001г.). – Томск : Издательство Томского гос. университета, 2002. – С. 208–212.

232. Мишанкина Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса : дис. ...д-ра филол. наук / Н. А. Мишанкина. – Томск, 2010. – 410 с.

233. Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах : функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 32–45.

234. Моисеева Е. Ю. Фитонимы с компонентами курица, петух в народной и научной ботанике русского языка // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. – 2014. – № 4 (6). – С. 13–20.

235. Морозова Т. И. Универсальное и уникальное в диалектной картине мира (на материале донских говоров) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 7 (92). – С. 99–104.

236. Мусаева О. И. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира (на материале русского и испанского языков) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. И. Мусаева. – Воронеж, 2005. – 24 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

237. Найссер У. Познание и реальность : смысл и принципы когнитивной психологии / У. Найссер. – М. : Прогресс, 1981. – 229 с.

238. Налетова Н. И. Названия растений в псковских говорах [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / Н. И. Налетова. – Псков, 2001. – 224 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

239. Немыка А. А. Динамика развития когнитивных оппозиций в сфере лингвистической терминологии // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 33–4. – С. 90–92. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

240. Нефедова Е. А. Родовые названия съедобных грибов в архангельских говорах // Собрание по общеславянскому лингвистическому атласу : тезисы докладов. — М. : АН СССР, 1977.
241. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. — М. : Высшая школа, 1988. — 165 с.
242. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики / М. В. Никитин. — СПб. : Изд-во РГПУ, 2003. — 277 с.
243. Никитина А. В. Образ кукушки в славянском фольклоре / А. В. Никитина. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2002. — 176 с.
244. Нильсен Е. А. Механизмы метафоризации времени в английском языке // Когнитивные исследования языка : сб. ст. — Вып. 17. — М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. — С. 180–181.
245. Оглезнева Е. А. Наименования растений: опыт построения когнитивных моделей (на материале производной лексики амурских говоров) // Вестник Амурского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2001. — № 14. — С. 46–50.
246. Осадчий М. А. Пропозиционально - фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Осадчий. — Кемерово, 2007. — 27 с. — Электрон. версия печат. публ. — Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».
247. Осатюк Е. Н. Когнитивные модели метафор "болезнь" и "смерть" как отражение авторского мировидения : на материале романов Т. Манна [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Осатюк. — Ставрополь, 2007. — 23 с. — Электрон. версия печат. публ. — Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».
248. Павел В. К. Лексическая номинация : на материале молд. нар. говоров / В. К. Павел. — Кишинев : Штиинца, 1983. — 231 с.

249. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славян. культуры (Кошелев) , 2004. – 607 с.

250. Пак И. Я. Языковое воплощение образа дерева/растения в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Я. Пак. – Томск, 2006. – 26 с.

251. Палагина В. В. Вопрос о диалектной основе среднеобских говоров // Проблемы русского языка и его методики : сб. ст. – Красноярск, 1972. – С. 100–108.

252. Панасенко Н. И. Когнитивно-ономасиологическое исследование : Опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филол. наук / Н. И. Панасенко. – Москва, 2000. – 397 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

253. Панкова Т. Н. Национальная специфика метафорической номинации (на примере русских и английских лексем, объединенных семой "растение") [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... кан. филол. наук / Т. Н. Панкова. – Воронеж, 2009. – 24 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

254. Пересада О. В. Особенности организации семантики характеризующих наименований в русских говорах Прибайкалья // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3 (180). – С. 101–106.

255. Плетяго Т. Ю. Когнитивные модели интерпретации иноязычного текста // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 391–394. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

256. Поддубный А. В. Когнитивные модели ситуаций пешего перемещения и способы их лексикализации [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Поддубный. – СПб., 2005. – 25 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

257. Пожарицкая С. К. Русская диалектология : уч. пособие / С. К. Пожарицкая. – М. : Академический проспект : Парадигма, 2005. – 256 с.

258. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика : уч. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ «Восток-Запад», 2010. – 314 с.
259. Потенбня А. А. Мысль и язык / А. А. Потенбня. – Киев : Синто, 1993. – 192 с.
260. Почепцова Л. Д. Флористические наименования в английском языке Австралии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Д. Почепцова. – Киев, 1970. – 24 с.
261. Проблемы ономазиологии : сб. ст. – Вып. IV. - Серия : Научные труды. – Т. 175. – Курск : Издательство Курского государственного пед. института, 1977. – 160 с.
262. Проскурина А. В. Когнитивное моделирование диалектной словообразовательной системы (на материале русских народных говоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 2 (20). – С. 166–168. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.
263. Пушкарев Е. А. К вопросу о структуре идеализированных когнитивных моделей в актах переноса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. – 2015. – Т. 12, № 4. – С. 56–60.
264. Разина А. С. Образные фитонимы среднеобского диалекта в лингвокультурологическом аспекте // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы конф. молодых учёных. – Вып. 12. – Томск : Издание ТГУ, 2011. – Том 1 : Лингвистика. – С. 232–235.
265. Разина А. С. Явление артефактоморфизма в фитонимике говоров Среднего Приобья // Коммуникативные аспекты языка и культуры: материалы X междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых учёных. – Ч. 2. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – С. 179–181.
266. Рассел Б. Исследование значения и истины / Б. Рассел. – М. : Идея – Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 400 с.

267. Рассел Б. Человеческое познание : его сфера и границы / Б. Рассел. – М. : Терра-Кн. клуб : Республика , 2000. – 463 с.

268. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика : история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика : сб. ст. – Вып. 36. – М. : Языки русской культуры", 1998. – С. 274–323.

269. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 415 с.

270. Резанова З. И. Метафора в историко-лингвистическом аспекте // Актуальные проблемы русистики : сб.ст. – Томск : Издательство Томского университета, 2000. – С. 212–216.

271. Резанова З. И. Методы исследования метафорического моделирования в языковой картине мира / З. И. Резанова, Д. А. Катунин, Н. А. Мишанкина // Языковая ситуация в России начала XXI века : материалы Междунар. науч. конф. – Кемерово, 2002. – С. 120–137.

272. Резанова З. И. Метафорические модели жизни / З. И. Резанова, Н. Л. Новокшенова // Теоретические и прикладные аспекты филологии : сб. науч. трудов, посв. 10-летию кафедры русского языка и литературы Института языковой коммуникации Томского политехнического университета. – Томск, 2004. – С. 161–164.

273. Резанова З. И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. – № 1. – С. 18–29.

274. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 26–43.

275. Резанова З. И. Картины русского мира : Метафорические образы традиционной культуры / З. И. Резанова [и др]. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – 320 с.

276. Рубцова О. В. Сакральные фитонимы как отражение религиозных представлений: сопоставительный аспект // Вестник ТвГУ. Серия Филология. –

2014. – № 4. – С. 93–99. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

277. Рудных А. И. К вопросу о принципах номинации вещей (собственные имена алмазов) // Вопросы ономастики. – Свердловск : [УрГУ], 1974. – № 7. – С. 68–79.

278. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 79–99.

279. Рунова Н. В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных : на материале английского языка [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Рунова. – Москва, 2007. – 24 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

280. Рябинина Н. А. Когнитивная модель восприятия в русском языке (на материале фразеологизмов с компонентами "глаз", "ухо", "нос") : автореф. дис. ...канд. филол. наук / Н. А. Рябинина. – Томск, 2005. – 20 с.

281. Рябко О. П. Сложноструктурные флоронимы в английском языке : когнитивно-фреймовая и мотивационно-номинативная интерпретация [Электронный ресурс] : дис. ... докт. филол. наук / О. П. Рябко. – Пятигорск, 2003. – 406 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

282. Рябко О. П. Когнитивные основания номинации и мотивации // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 505.

283. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М. : Академия , 2005. – 639 с.

284. Саввина Ю. Ю. Фитонимическая лексика елецких говоров [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Ю. Саввина. – Брянск, 2009. – 26 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

285. Савенко А. С. Проект «Мотивационно-сопоставительного словаря русского, английского и чешского языков : фитонимы» // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1 (5). – С. 76–91.

286. Садыкова А. Г. Ономаσιологические модели композитных фитонимов во французском, английском татарском языке / А. Г. Садыкова, Р. Р. Мингазова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 3. – С. 436–439.

287. Сахарова О. В. Флористическая лексика селькупского языка : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Сахарова. – Томск, 2010 – 170 с.

288. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс : Универс, 1993. – 655 с.

289. Сергеева Л. А. Категория оценки и аспекты ее описания // Исследования по семантике : сб. ст. – Уфа : Изд-е Башкирск. ун-та, 1996. – С. 62–76.

290. Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // В колл. моногр. : Языковая номинация (Общие вопросы) / Б. А. Серебренников [и др.] – М. : Наука , 1977. – С. 147–187.

291. Сетаров Р. Д. Национальная специфика образной номинации (на материале названий растений) [Электронный ресурс] : дис. канд. ... филол. наук / Р. Д. Сетаров. – Воронеж, 2000. – 182 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

292. Сетаров Р. Д. Метафорическая номинация в национальном языковом сознании // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 95–98.

293. Сивакова Н. А. Лексикографическое описание английских и русских фитонимов в электронном глоссарии [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Сивакова. – Тюмень, 2004. – 25 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

294. Синеева Т. А. Когнитивные модели экономической метафоры во французском медийном дискурсе [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд.

филол. наук / Т. А. Синеева. – Иркутск, 2007. – 16 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

295. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика : Курс лекций. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

296. Смирнова О. В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области: номинативный и лингвогеографический аспект : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Смирнова. – Москва, 2002. – 470 с.

297. Соколов С. В. Названия птиц в удмуртском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Соколов. – Тарту, 1973. – 18 с.

298. Сологуб О. П. Типология принципов номинации (на материале названий птиц) : дис. канд. ... филол. наук / О. П. Сологуб. – Томск, 1987. – 298 с.

299. Сорокалетов Ф. П. Очерки по русской диалектной лексикографии / Ф. П. Сорокалетов, О. Д. Кузнецова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 232 с.

300. Стадульская Н. А. Прагматонимы в свете когнитивных моделей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2. – С. 70–80. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

301. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2012. – 359 с.

302. Сьянова Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Сьянова. – СПб, 2007. – 23 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

303. Сюръялайнен Ю. Э. Названия растений в финских говорах Ленинградской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Э. Сюръялайнен. – Тарту, 1982. – 19 с.

304. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // В колл. моногр. Языковая номинация (Виды наименований). – М. : Наука, 1977. – С. 129–221.

305. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

306. Темиргазина З. К. Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – 2017. – Т. 3, № 1 (9). – С. 5–9.

307. Теория метафоры : сб. ст. / под. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – 511 с.

308. Томская диалектологическая школа : Историографический очерк / под. ред. О. И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. Ун-та, 2006. – 392 с.

309. Торощев И. С. Предмет, задачи, материал и методы ономазиологии // Проблемы ономазиологии : сб.ст. – Орел, 1974. – Вып. 1. – С. 35–42.

310. Тюрина Р. Я. Некоторые принципы номинации природных объектов в говорах Среднего Приобья // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии : сб.ст. – Томск, 1973. – Вып. 3. – С. 54–64.

311. Уткина А. В. Когнитивные модели комического и их репрезентации в русском и английском языках : сравнительно-сопоставительный анализ [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Уткина. – Пятигорск, 2006. – 19 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

312. Уфимцева А. А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации / А. А. Уфимцева [и др.] // Языковая номинация (Общие вопросы) / Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – С. 7–98.

313. Фаломкина И. П. Пропозиционально-фреймовое моделирование словообразовательной ниши с формантом -н/я (на материале русских народных говоров) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / И. П. Фаломкина. – Кемерово, 2012. – 262 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

314. Фатыхова Л. А. К вопросу о принципах номинации (по названиям насекомых в русском и башкирском языках) // Вопросы лексикологии и лексикографии. – Уфа, 1983. – С. 125–127.

315. Филатова А. С. Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Филатова. – Томск, 2004. – 22 с.

316. Филатова А. С. Фитонимическая лексика русского, английского и французского языков в мотивационно-сопоставительном аспекте // Теоретические и прикладные аспекты филологии : сб. науч. трудов, посв. 10-летию кафедры русского языка и литературы Института языковой коммуникации Томского политехнического университета. – Томск, 2004. – С. 131–137.

317. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. (Когнитивные аспекты языка) : сб.ст. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 52–93.

318. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство : аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 174 с.

319. Фрумкина Р. М. Семантика и категоризация / Р. М. Фрумкина [и др.]. – М. : Наука, 1991. – 168 с.

320. Фурсова И. Н. Когнитивный подход в переводоведении // *Lingua mobilis*. – 2013. – № 6 (45). – С. 66–73. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки „eLIBRARY.RU“.

321. Хазбулатов Б. А. Фитонимы в чеченском языке : синхронно-диахронный анализ [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Б. А. Хазбулатов. – Москва, 2004. – 34 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

322. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Ad Marginem, 1997. – 491 с.

323. Хамзина К. Р. Типология когнитивных моделей в описании внешности человека : на материале английского языка [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. Р. Хамзина. – Уфа, 2013. – 21 с. –

Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

324. Хапаева Л. В. К вопросу об онтологической и когнитивной детерминации наименований флоры (на материале карачаево-балкарского и русского языков) // Научный диалог. – 2016. – № 1 (49). – С. 119–131.

325. Хатхе А. А. Номинации растительного мира в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах : на материале русского и адыгейского языков [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Хатхе. – Майкоп, 2010. – 25 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

326. Хорошунова И. В. Семантические процессы в лексико-семантическом поле : на материале лексико-семантического поля утилитарной оценки "Польза/Вред" [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Хорошунова. – Воронеж, 2002. – 344 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

327. Чернейко О. Л. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки. – 1990. – № 2. – С. 72–82.

328. Чернейко О. Л. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. ст. – Вып. 30. – М. : МАКС Пресс, 2005. – С. 47-73.

329. Черникова Н. В. Метафора и метонимия в контексте современной неологии // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 82–90.

330. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

331. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. Гос. Пед. Ун-т, 2005. – 257 с.

332. Шабалина Н. Ю. Когнитивные модели субстандартной семантической деривации : на материале тематической группы субстандартных глаголов

умственной деятельности современного английского и русского языков [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Шабалина. – Тюмень, 2007. – 24 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

333. Шаховский В. И. К типологии коннотации // Аспекты лексического значения : сб. ст. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1982. – С. 29–34.

334. Шашкевич П. Д. Эмпиризм и рационализм в философии Нового времени / П. Д. Шашкевич. – М. : Мысль, 1976. – 301 с.

335. Шевчик А. В. Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Шевчик. – Томск, 2011. – 241 с.

336. Шемаева Е. В. Когнитивное моделирование процесса лексикализации форм множественного числа английских и русских имен существительных // Когнитивные исследования языка: сб. науч. трудов. – Вып. 17. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 195–201.

337. Шкуропацкая М. Г. Метонимические отношения в системе русского языка // Филологические науки. – 2003. – № 4. – С. 69–76.

338. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа : на материале русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 278 с.

339. Штехман Е. А. Проявление языкового сознания в диалектном тексте // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1. – С. 99–101.

340. Шумбасова С. С. Английские флоронимы : способы номинации и классификации // RHEMA. PEMA. – 2011. – № 3. – С. 104–114.

341. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 264 с.

342. Эмер Ю. А. Лингвокогнитивная модель жанра (на материале официальных поздравлений) // Язык и культура : сб. ст. XIX междунар. науч.

конф., посв. 130-летию Томского государственного университета. – Т. 1. – Томск : Издательство Томского университета, 2007. – С. 162–165.

343. Эмер Ю. А. Фольклорный жанр (к проблеме лингвокогнитивного моделирования) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 107–116.

344. Юм Д. Исследование о человеческом разумении / Ю. Давид – М. : Прогресс , 1995. – 240 с.

345. Юрина Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – 156 с.

346. Юрина Е. А. Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка / Е. А. Юрина, Н. А. Живаго // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 3 (35). – С. 107–121.

347. Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Е. Юрков. – Санкт-Петербург, 2012. – 55 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

348. Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра филол. наук / Е. Е. Юрков. – Санкт-Петербург, 2012. – 348 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

349. Юрченко С. А. Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества (на материале донских казачьих говоров) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Юрченко. – Волгоград, 2008. – 217 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

350. Ягубова М. А. Оценка в языковой картине мира // Вопросы стилистики. Язык и человек : сб. ст. – Вып. 26. – Саратов: ГосУНЦ "Колледж", 1996. – С. 30–40.

351. Ягумова Н. Ш. Фитонимическое пространство в языковой картине мира : словообразовательный и мотивационный аспекты : на материале

английского и адыгейского языков [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Ш. Ягумова. – Майкоп, 2008. – 25 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации».

352. Языковая номинация : Виды наименований : колл. моногр. / под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. – М. : Наука, 1977. – 358 с.

353. Языковая номинация : Общие вопросы : колл. моногр. / под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. – М. : Наука, 1977. – 357 с.

354. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры : сб. ст. – М. : Прогресс, 1990. – С. 110–132.

355. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (Модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис , 1994. – 343 с.

356. Ян Жуй Фитонимы с метафорической мотивированностью в русском и китайском языках // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2008. – № 1. – С. 46–49.

357. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск : Издательство Томского университета , 1979. – 242 с.

358. Янценецкая М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 1 (27). – С. 167–192.

359. Berlin B. Folk Systematic in Relation to Biological Classification and Nomenclature // Annual Review of Ecology and Systematics.– 2003. – N.4. – P. 259–271.

360. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects Of Meaning Construction In Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge Univ. Press, 1985. – 190 p.

361. Fillmore Ch. Types of Lexical Information / Ch. Fillmore // Kiefer P. (ed.) Studies in Syntax and Semantics. – Dordrecht, 1969. – P. 109–137.

362. Langaker R. Foundation of Cognitive Grammar, v.1: Theoretical Prerequisites / R. Langaker. – Stanford Univ. Press, 1987. – 540 p.

363. Langaker R. Foundation of Cognitive Grammar, v.2: Descriptive Application / R. Langaker. – Stanford Univ. Press, 1991. – 628 p.
364. Minsky M. Semantic Information Processing / M. Minsky. – Cambridge, 1968. – 448 p.
365. Talmy L. Force Dynamics In Language And Cognition / L. Talmy. // Cognitive Science. – 1988. – Vol. 12. – P. 49–100.
366. Rosch E. Categorization of Natural Objects / E. Rosch, C. Mervis // Annual Review of Psychology. – 1981. – Vol. 32. – P. 89–113.
367. Johnson M. The Body In The Mind: The Bodily Basis Of Meaning, Imagination And Reason / M. Johnson. – Chicago, Univ. of Chicago Press, 1987. – 272 p.
368. Yurovitskaya L. N. Cognitive modeling of epistemic mental states / L. N. Yurovitskaya, E.A. Mitrofanova // Russian linguistic Bulletin. – 2017. – № 1 (9). – P. 30–32.